
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГАЛИЧЪ, БЫВШІЙ ПРОФЕССОРЪ ФІЛОСОФІІ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСІТЕТЪ.

Предлагаемая читателямъ монографія содержитъ въ себѣ жизнеописание одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашихъ въ области науки. Мы охотно посвятили на составленіе ея достаточно времени и труда, и разумѣется, желали бы, чтобы хотя немногое употребили часть того и другаго на ея прочтеніе. Если вѣщия исторія не упускаетъ выдвигать на показъ людей всякой другой среды, чѣмъ-нибудь отличившихся въ ней, то въ свою очередь, исторія внутренней, интеллектуальной жизни общества не должна оставлять въ забвѣніи тѣхъ, которые съ болѣшимъ или меньшимъ успѣхомъ подвижались на трудномъ поприщѣ мысли и знанія. Нѣкоторые изъ модныхъ писателей, желая, вѣроятно, доказать, что они не чужды извѣстныхъ современныхъ теорій смѣлаго и рѣшительного закала, какъ извѣстно, не допускаютъ вообще права отдѣльныхъ личностей на историческое значеніе и признаютъ его только за массами. Однако какъ не случилось еще, чтобы массы огуломъ выдумали порохъ, открыли Америку, изобрѣли книгопечатаніе и пр., а сдѣлали это геніальныя личности, массы же только воспользовались результатами ихъ идей и творчества, то пока этотъ порядокъ дѣлъ будетъ продолжаться на землѣ, все-таки о лицахъ, сколько-нибудь выдающихся изъ общаго уровня людей, потомки будутъ вспоминать съ уваженіемъ и многому отъ нихъ поучаться. Но собираясь говорить объ одномъ изъ такихъ лицъ, мы встрѣчаемся съ обстоятельствомъ щекотливаго свойства. Лице это было—философъ, профессоръ философіи. А философія, могутъ намъ замѣтить, такая наука, что занимавшейся ею даже добросовѣстно и успѣшно едва-ли не ошибались, думая, что они дѣлаютъ дѣло. Подобное мнѣніе не чуждо многимъ въ наше время, когда авторитетъ философіи, повидимому, сильно пошатнулся отъ натиска по-

ыхъ идей, и когда само научное благоразуміе требуетъ не стѣсняться вопросами, какіе она привыкла себѣ задавать о человѣкѣ, о мірѣ и т. п., а совѣтуетъ просто выбросить ихъ изъ программы ученій и заняться исключительно тѣмъ, что къ намъ ближе, то-есть, тѣмъ, что даетъ намъ способы устроиться какъ возможно уютнѣе и комфорта-бельнѣе въ этомъ неудачно изучаемомъ философами мірѣ. Все это было бы хорошо, если бы по несчастію вопросы тѣ не вросли такъ глубоко въ умъ и сердце человѣческое, что вырвать ихъ оттуда неѣтъ никакой возможности, не повредивъ въ нихъ самыхъ чувствительныхъ нервовъ. Философія, какъ известно, занимается общими идеями; она ставить ихъ во главѣ всякаго знанія и высшей умственной дѣятельности. Положимъ, что намъ неѣтъ до нея никакого дѣла, какъ до науки. Но вотъ вопросъ: можетъ ли система человѣческаго образованія обойдти безъ этихъ общихъ идей, какимъ бы процессомъ онъ въ насть ни возникали? Вѣдь ни одно явленіе, входящее въ кругъ нашего мышленія и изученія, само по себѣ не представляется никакого удовлетворительного результата для нашего познанія. Міръ не есть собраніе агрегатовъ, механически сплоченныхъ другъ съ другомъ; напротивъ того, онъ есть живое органическое цѣлое, въ которомъ соотношенія и взаимная связь вещей безпрестанно указываютъ намъ на неѣтъ общее, ихъ оживотворяющее и связующее, и неотразимая потребность истины понуждаетъ насъ въ семъ послѣднемъ искать опоры и точекъ зреїнія, съ помощью коихъ самыя эти отношенія и связь дѣлаются понятными, — безъ чего вещи не имѣли бы для насть ни смысла, ни значенія. Еслибы идея возвышенного міровоззреїнія, такимъ образомъ намъ внушаемая, была не больше, какъ требованіе, какъ принципъ нашего разумѣнія, то она все же законъ для насть, и умъ нашъ не можетъ ни измѣнить, ни нарушить его, не подвергаясь опасности исчезнуть въ хаосѣ и разложиться, такъ-сказать, на мельчайшии и ничтожнѣйшии представленія и приспособленія. Какъ же тутъ обойдти безъ науки, объемлющей вещи въ духѣ всеобщихъ законовъ и въ духѣ началь, далеко уходящихъ внутрь міродержавныхъ силъ и элементовъ, какъ обойдти безъ философіи? Понятно, что безъ нея образованію не достаетъ ни глубины, ни величія. Все становится мелкимъ и безсмысленнымъ, или получаетъ смыслъ ограниченный и тѣсный тамъ, гдѣ мысль, подъ предлогомъ избѣжанія бесполезныхъ тонкостей и вопросовъ неразрѣшившихъ, оставляетъ безъ вниманія задачи, непримѣтно, но глубоко совпадающія со всѣми драгоценными интересами человѣческаго разума и сердца.

Вотъ почему памъ кажется, что потрудившися на нашей еще далеко несовершенно воздѣланной почвѣ знанія зачинатели, пionеры философіи заслуживаютъ такъ же, какъ и дѣятели другихъ наукъ, того, чтобы память о нихъ перешла за предѣлы ихъ жизни.

Источниками для жизнеописанія Галича служили:

1. Сочиненія его.
 2. Записка о немъ одного изъ семинарскихъ товарищей его, *Хоронилова*, въ рукописи.
 3. Записка, составленная бывшимъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета *Плисовымъ* по дѣлу о профессорахъ Германѣ, Раунахѣ, Арсеньевѣ и Галичѣ; напечатана въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университѣтѣ.
 4. Дѣла, хранящіяся въ архивахъ С.-Петербургскаго университета и министерства народнаго просвѣщенія, особенно дѣло о ревизії Казанскаго университета за время управлѣнія имъ Магницкаго, произведенной по Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантомъ Желтухинымъ.
 5. Біографія Магницкаго, написанная *Е. М. Феоктистовымъ*, изд. 1865 года.
 6. Материалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I, собранные и изданные профессоромъ С.-Петербургскаго университета *М. И. Сухомлиновымъ*, 1866 года.
 7. Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи, г. *Смирнова*, изд. 1855 года.
 8. Исторія С.-Петербургской духовной академіи, г. *Чистовича*, изд. 1857 года.
 9. Записка, полученная авторомъ жизнеописанія отъ покойнаго *Н. И. Надеждина* о философскихъ лекціяхъ, слушанныхъ имъ во время его студенчества.
 10. Показанія нѣкоторыхъ особъ, лично знающихъ Галича.
 11. Свѣдѣнія, почерпнутыя авторомъ изъ личнаго весьма продолжительного и близкаго знакомства съ Галичемъ.
 12. Значительную долю свѣдѣній мы также обязаны бывшему почтенному профессору С.-Петербургскаго университета *Н. Ф. Рождественскому*, который дозволилъ намъ пользоваться тетрадями своими, заключающими въ себѣ какъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ чтеній Галича, такъ и черновые отрывки собственныхъ рукописей послѣдняго.
-

Александръ Ивановпчъ Галичъ родился въ 1783 г. въ городѣ Трубчевскѣ Орловской губерніи. Пастоянцамъ фамилія его была Говорова. По господствовавшему тогда въ духовныхъ нашихъ заведеніяхъ обычаяю, онъ во время ученія своего въ семинаріи неремѣнилъ свою фамилію, назвавшись сперва, въ честь своего дѣда Никифора, Никифоровымъ, а потомъ, поступивъ въ педагогический институтъ, перенесъ свою фамилію въ Галича. Поводомъ къ принятию этой новой фамиліи было хранившееся въ семействѣ его преданіе, что предки его назывались Галичами. Дѣдъ А. И. Галича былъ приходскимъ священникомъ при одной изъ Трубчевскихъ церквей, а отецъ дьячкомъ. И тотъ, и другой были люди неученные, но добродушные и честные. Дѣдъ его, не смотря однако на свою необразованность, былъ человѣкъ умный, умѣлъ понять въ своемъ маленькомъ внукѣ замѣчательныя способности и полюбилъ его не только со всею родственnoю горячностью, но и съ сознаніемъ, что изъ мальчика выйдетъ что-нибудь очень хорошее. Онъ самъ занялся его воспитаніемъ, обучилъ его чтенію, письму и церковному пѣнію, приготовивъ такимъ образомъ къ поступленію въ семинарію, и позаботился о помѣщеніи его туда. Заведеніе это находилось тогда въ Сѣвскѣ, и Галичъ былъ принятъ въ него въ 1793 году, когда ему исполнилось 11 лѣтъ. Онъ проходилъ курсъ семинарскаго ученія съ болѣшимъ успѣхомъ, особенно же курсъ латинскаго и греческаго языковъ. Достигнувъ класса философіи, онъ почувствовалъ не преодолимую склонность къ наукамъ умозрительнымъ и сталъ усердно заниматься философіей. Отъ философіи, какъ она преподавалась тогда въ семинаріяхъ, конечно, нельзя было ожидать многаго. Это было не иное что, какъ догматическое, болѣе или менѣе искаженное и тяжелое формулированіе началъ, признанныхъ за неопровергнутыя въ руководствахъ Винклера и Баумейстера, безъ малѣйшаго покушенія къ свободному изслѣдованию. Однако и такая демонстративная философія преподавалась не безъ пользы. Силлогистическюю своею дисциплиной, по словамъ Галича, она значительно содѣйствовала учащимся къ приобрѣтенію навыка въ отчетливомъ и правильномъ мышленіи. Такъ иѣро то, что наука и въ несовершенномъ своемъ видѣ, при счастливыхъ способностяхъ и любви къ ней, всегда служитъ опорою и руководствомъ для высшей дѣятельности духа. Въ нашихъ духовныхъ училищахъ наука излагалась, конечно, весьма неудовлетворительно; тѣмъ не менѣе эти заведенія приготовили не мало людей, оказавшихъ въ послѣдствіи важныя услуги государству, обществу и самой наукѣ.

Послѣ десятилѣтняго учепія въ Сіїской семинаріи, Галичъ, въ числѣ иѣсколькихъ способнѣйшихъ студентовъ, былъ по требованію правительства отправленъ въ 1803 году въ Петербургъ для поступленія въ учительскую гимназію, которая вскорѣ была переименована въ педагогическій институтъ. Заведеніе это, какъ сказано въ Высочайше утвержденномъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія 16-го апраля 1804 года, должно было приготовлять учителей для гимназій и составить отдѣленіе будущаго университета. Курсы учепія въ немъ полагалася въ три года. Итакъ, вступленіемъ Галича въ педагогическій институтъ его назначеніе въ жизни уже было опредѣлено: онъ долженъ быть сдѣлаться гимназическимъ учителемъ. Но какъ послѣ, такъ и теперь, Галичъ немного заботился о томъ, чѣмъ придется ему быть на свѣтѣ. Онъ хотѣлъ только учиться, потому что отъ природы былъ одаренъ умомъ дѣятельнымъ, который, разъ пріѣдя въ социальное спасеніе съ предметами, сильно возбуждавшими его мыслительные инстинкты, не могъ уже не простираться далѣе на пути знанія. Галичъ и въ институтѣ продолжалъ усердно заниматься древними языками и литературами; но главнымъ предметомъ его была все-таки философія. Инструкція, данная институту въ руководство, предписывала профессору преподавать логику по сочиненію Кизиветтера, а метафизику и нравственную философію по Баумейстеру, котораго дозволялось дополнять собственными замѣчаніями и изысканіями, разумѣется, въ духѣ этого руководителя. Объ исторіи философіи не было и помпцы. Вольфъ былъ алфою и омегою этой институтской философіи. Преподавателемъ ея былъ человѣкъ испытанной честности и благородства сердца; знали его лично не могутъ, конечно, вспомнить его въ этомъ отношеніи безъ особенного уваженія. Но преподаватель онъ былъ весьма носредственный. Познанія его въ философіи сдѣлали простирались далѣе того, что онъ самъ заучилъ въ школѣ. Онъ простодушно вѣрилъ, что вложивъ въ раму силлогизма какое-нибудь изъ принятыхъ философскихъ положеній, онъ тѣмъ самымъ выполнитъ задачу науки и сообщитъ слушателямъ истину, далѣе которой уже искать нечего, и сомнѣваться въ ией было бы испростительнымъ вольнодумствомъ. Онъ читаль лекціи свои обыкновенно по тетради, говоримъ: читаль, принимая слово это въ буквальномъ смыслѣ. Такое въ высшей степени монотонное чтеніе, продолжавшееся, по тогдашнему учебному порядку, два часа и прерываемое изрѣдка только письмомъ переворачиваемыхъ листовъ въ тетради огромнаго формата, наводило невыразимую тоску на слушателей, а сидѣвшихъ на заднихъ

скамьяхъ невольно погружало въ тихій, благодатный сонъ, избавлявшій ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ двухчасовой скучи. Тутъ не было и тѣни того, на чѣдѣ философіи, по природѣ своей, наводить учащихся, не было и тѣни чего-нибудь, вызывавшаго дѣятельность мысли и изощрявшаго умственныя силы. Да профессоръ вовсе о томъ и не заботился. Онъ требовалъ отъ своихъ слушателей одного, чтобы они заучивали его тетради слово въ слово. Студента, который вздумалъ бы уклониться хоть на одну линію отъ песчаной и пустынной дороги, по которой онъ былъ ведомъ, или лучше сказать, влакимъ ко храму мудрости, профессоръ немедленно поворачивалъ вспять и заставлялъ, держась, такъ-сказать, за его ноясъ, отмѣривать тѣ же шаги, какіе дѣлалъ самъ. Не смотря на господствовавшую у нась въ то время строгую умственную дисциплину, Галичъ, созрѣвшій умственно уже на столько, чтобы понимать тщету подобного содержанія и подобного метода науки, позволялъ себѣ, хотя неявно, съ помощію книгъ и собственнаго размышленія, отыскивать другіе пути къ истинѣ. Онъ чувствовалъ, что вещи не безполезны въ семинаріи, въ текущемъ періодѣ его развитія были уже неумѣстны и крайне недостаточны.

Впрочемъ не всѣ науки преподавались въ институтѣ такъ, какъ философія. Тамъ были профессоры съ замѣчательными учеными достоинствами, вполнѣ способные приготовлять будущихъ наставниковъ юношества. Балугіанскій, напримѣръ, преподавалъ естественное право и политическую экономію, какъ ученый, основательно знакомый съ историческимъ ходомъ и современными требованиями науки. Притомъ это былъ человѣкъ, съ обширными знаніями соединившій способность одушевлять своихъ слушателей и ихъ природное расположение и наложеніе къ знанію вводить на степень живой вѣры въ науку и любви къ истинѣ. Кукольникъ, не столь даровитый, какъ Балугіанскій, былъ очень хорошимъ преподавателемъ римского права. Зибловскій, профессоръ статистики, не смотря на виѣнную непривлекательность своихъ чтеній, былъ первый изъ Русскихъ, положившій основаніе отечественной статистикѣ. Только такому терпѣнію, настойчивости и любви къ своему дѣлу, какими отличался Зибловскій, можно было одолѣть трудности, сопрягавшіяся у нась съ приобрѣтеніемъ статистическихъ материаловъ въ тогдашнее время. И онъ честно и по возможности удовлетворительно совершилъ свой трудъ. Первое составленное имъ руководство по части отечественной статистики появилось въ печати въ 1807 году. Исправленное и дополненное оно издано было въ 1815 и потомъ въ 1832 году. Въ 1830 и 1831 годахъ онъ

напечаталъ также статистику европейскихъ государствъ (См. приложениe I).

Въ 1808 году правительство, имѣя въ виду учрежденіе въ С.-Петербургѣ университета, рѣшилось избрать лучшихъ изъ студентовъ педагогическаго института и отправить ихъ за границу для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ. Выбрано было двѣнадцать человѣкъ, и изъ нихъ въ послѣдствіи дѣйствительно вышли люди, съ честью занимавшіе мѣста профессоровъ, какъ напримѣръ, *Плисовъ* по части политической экономіи, *Бутырскій* по части словесности, *Чижовъ*—математики, *Соловьевъ*—химіи, *Карцовъ*—физики, и другіе. Въ числѣ ихъ былъ и Галичъ, избравшій для себя философію. За границею курсъ ихъ ученія долженъ былъ продолжаться три года. Каждый изъ нихъ былъ ввѣренъ особенному наблюденію или корреспонденту академіи наукъ, или одного изъ профессоровъ того университета, гдѣ преимущественно онъ долженъ былъ заниматься изученіемъ своего предмета. Въ четыре мѣсяца разъ студентъ обязанъ былъ подробно извѣщать конференцію института о своихъ занятіяхъ. Будущему профессору философіи дана была особая инструкція:

„Въ нынѣшнемъ состояніи философскихъ наукъ—сказано въ ней—послѣ различныхъ перемѣнъ, правилами ся претерпѣнныхъ въ послѣднемъ вѣкѣ, ученіе оной подвержено особливымъ затрудненіямъ, и молодой человѣкъ имѣть теперь болѣе, чѣмъ, когда-либо, нужду въ удобномъ введеніи къ благородному плану ученія и въ хорошемъ наставленіи, чтобы сдѣлаться прямымъ философомъ, полезнымъ гражданиномъ и не быть подвержену опасности быть разжалобленъ пустыхъ умствованій или безсмыслицъ распространителемъ мистическихъ заблужденій. Итакъ, онъ долженъ всѣми силами стараться имѣть понятіе о вещахъ; онъ долженъ обозрѣвать и научаться природѣ, не приступая еще къ сужденію о ся законахъ; онъ долженъ изыскывать человѣка, какъ разумное существо, какъ жителя земного, прежде чѣмъ начнетъ писать о свойствахъ людей; долженъ привыкать мыслить чрезъ математическія науки, имѣть взирать на все направление наукъ и паконецъ знать языки, который есть величайшее пособіе для мысли, прежде нежели начнетъ дѣлать проекты, которые безъ того будутъ токмо скопище безсмыслицъ словъ. Слѣдовательно, должно ему знать естественную исторію, физику, медицинскую антропологію, всемірную исторію, энциклопедію наукъ и всеобщую грамматику до вступленія въ такъ-называемую философію. Всего удобнѣе начать опусть элементарную психологію, эстетикой и логикой, а потомъ перейти къ метафизикѣ. Но какъ сія посѣднія издавна служить играющими различныхъ сектъ и имѣть великое влияніе на направленіе мыслей, то молодой человѣкъ имѣть еще болѣе нужду въ хорошемъ наставленіи оной, чтобы избѣжать ему угрожающихъ въ нашемъ вѣкѣ опасностей. При таковомъ направлении можно надѣяться, что онъ не бросится на первую систему, которая ему представится, и не захочетъ самъ почерпнуть свѣдѣнія изъ

философовъ разныхъ древнихъ и новѣйшихъ училіицъ, чрезъ чтѣ потеряетъ только свое время и силы, — но изѣрить себя руководителю, соединяющему познаніе важнѣйшихъ метафизическихъ мыѣній во всѣхъ временахъ съ опытомъ для испытания и сужденія о нихъ".

Въ этихъ наставлениихъ нельзѧ не видѣть благаго намѣренія дать у насть изученію философіи характеръ серіозный и прочный, основанный на наблюденіи и познаніи природы и человѣка. Весьма разумно также желаніе предохранить занимающихся философіей отъ той праздной и бесплодной игры въ понятія, которая въ видѣ ли холастическаго догматизма, или въ видѣ щегольства новыми ученіями, принятymi безъ всякихъ предосторожностей и самостоятельнаго глубокаго изученія вещей, приводить въ одномъ случаѣ къ отупленію умовъ, а въ другомъ къ ихъ разжиженію, распущенности и всевозможнымъ отрицаніямъ. Но странно то, что составители инструкцій, совѣтуя такъ благоразумно не довѣрять современнымъ метафизическімъ теоріямъ, не поощряли историческаго изученія философіи. Они забыли, что самое надежное предостереженіе противъ опасныхъ увлечений известнымъ образомъ мыслей есть исторія, которая, расширяя горизонтъ нашихъ воззрѣній и знакомя насть съ разнообразными покушеніями и движениемъ мысли человѣческой, тѣмъ са-мимъ противодѣйствуетъ всякой односторонности въ понятіяхъ и отстраняетъ скорыя и необдуманныя рѣшенія.

Галичу предписало было прежде всего бѣхать въ Гельмштедтъ къ тамошнему извѣстному въ то время профессору Шульце, руководству коего и былъ вѣбренъ нашъ молодой ученый. Галичъ слушалъ у него философію два года, занимаясь также и другими предметами, особенно усовершенствованіемъ себя въ новѣйшихъ языкахъ. Нѣмецкій онъ зналъ уже довольно хорошо и до отправленія за границу; но въ Германіи, кромѣ основательныхъ литературныхъ свѣдѣній, онъ пріобрѣлъ навыкъ изъясняться на немъ свободно и легко. Часть свободного своего времени онъ также съ успѣхомъ употреблялъ на изученіе языковъ французскаго, англійскаго, италіанскаго и даже испанскаго. Въ послѣдствіи онъ выучился по польски такъ, что могъ занять мѣсто переводчика съ этого языка при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Философія Шульце однако не удовлетворила Галича. Съ юношескимъ стремлениемъ къ истинѣ, онъ воображалъ себѣ такую философію, которая бы въ состояніи решить важнѣйшіе вопросы, лежавшіе у него на душѣ и на душѣ человѣчества. Разумѣется, что при незнакомствѣ съ дѣйствительнымъ міромъ и историческимъ опытомъ, онъ легко поддавался искушенню добратся до истины скорѣ путемъ

одного умозрѣнія, безъ точныхъ наблюдений и строгаго анализа. Между тѣмъ Шульце именно отъ этихъ умозрѣній и старался уберечь своихъ слушателей. Онъ овладѣлъ преимущественно тою стороною Кантова ученія, которая признавала одну достовѣрность опыта и ставила знаніе въ предѣлы явлений, изъ чего естественно само собою вытекало скептическое воззрѣніе на всѣ діалектическія эволюціи чистаго умозрѣнія. Такое направлѣніе было не по сердцу нашему философу. Это понятно. Галичъ былъ настоящій сынъ своей страны, и не смотря на свои счастливыя способности, не могъ вдругъ отрѣшиться отъ той степени развитія и образованія, на которой находился русскій умъ его времени. Извѣстно, что самонадѣянность, высокомѣріе и заносчивость составляютъ отличительныя свойства умовъ незрѣлыхъ, которыми мудрая осторожность и умѣренность въ выводахъ и рѣшеніяхъ всегда приписывается за отсталость и недостатокъ дарованія. Извѣстно также, что чѣмъ бѣднѣе мы опытомъ и знаніемъ, тѣмъ болѣе становимся великими въ собственныхъ нашихъ глазахъ, и тѣмъ легче кажется намъ побѣда надъ такими затрудненіями, предъ которыми настоящая мудрость и высокій умъ останавливаются не безъ крайняго смущенія. Понятно, что люди серіозные въ дѣлѣ науки, почувствовавъ себя неудовлетворенными даже въ своихъ скромныхъ покушеніяхъ, могутъ утѣшать себя мыслью, что все же трудомъ честнѣйъ и разумнѣйъ они исполнили, хотя въ иѣкоторой мѣрѣ, свой долгъ передъ истиной; но другіе лишены и этого права: предвкусивъ всю сладость минной побѣды, они исчезаютъ бесплодно и безвозвратно въ пустотѣ своихъ фантастическихъ надеждъ и претензій. Намъ не трудно представить себѣ печальную несостоительность многихъ умственныхъ притязаній въ эпоху, когда Галичъ выступалъ на свое поприще, но тѣмъ примѣрамъ въ этомъ родѣ, какіе видимъ въ наше время. Поэтому неудивительно, что осмотрительность Шульце въ философскихъ выводахъ и рѣшеніяхъ показалась Галичу на иѣкоторое время малодушiemъ, а недовѣрчивость Шульце вообще къ умственнымъ априорическимъ комбинаціямъ недостаткомъ дарованій. Къ счастью, Галичъ былъ не только человѣкъ даровитый, но что всего важнѣе, человѣкъ съ умомъ здравымъ и крѣпкимъ, не всегда свободнымъ отъ ошибокъ и увлеченій фантазіи, но способнымъ и исправлять ихъ. Въ послѣдствии, когда онъ самъ глубже началъ вникать въ тѣ вопросы, которые для пылкаго его духа, при неполнотѣ основательнаго изученія, казались столь удоборѣшимыми, понятія его о непреложности и достоинствѣ извѣстныхъ ученій очень измѣнились, и

скептицизмъ его старого наставника Шульце не остался для него вовсе бесплоднымъ.. Но какъ бы то ни было, во время своего двухлѣтнаго пребыванія въ Гельмштедтѣ онъ не выработалъ еще себѣ опредѣленнаго философскаго образа мыслей, и ему захотѣлось отвѣдать плодовъ мудрости съ другаго древа знаній и въ другомъ мѣстѣ. Онъ испросилъ у правительства дозволеніе отправиться на годъ въ Геттингенъ, гдѣ надѣлся удовлетворить своимъ ожиданіямъ. Здѣсь, какъ онъ говорилъ потомъ не безъ свойственной ему ироніи, ему отверзлась бездна премудрости. Бездна эта была не плюе что, какъ Шеллингово ученіе, которое тогда сильно занимало германскіе умы. Неизвѣстно, кто былъ здѣсь непосредственнымъ руководителемъ Галича. Онъ уважалъ Бутервека, бывшаго въ то время профессоромъ въ Геттингенѣ; но Бутервекъ не былъ шеллингистомъ; собственное же его ученіе, состоявшее большую частію изъ силавки нѣсколькихъ заимствованныхъ у другихъ идей, было не такого свойства, чтобы направить умъ, уже довольно искусившійся въ разработкѣ философскихъ матеріаловъ, и сообщить ему опредѣленный образъ мыслей, хотя съ другой стороны, оно не было лишено ни глубокомыслія, ни возвышенного эстетического оживленія, свойственного личности философа. Однако можно сказать, что собственно въ Геттингенѣ Галичъ установился въ извѣстныхъ началахъ философіи. Несомнѣнно то, что здѣсь образовались у него убѣжденія, вонервыхъ, что исторія философіи составляетъ необходимую и важнѣйшую часть изученія философіи, и вовторыхъ, что наиболѣе удовлетворительные результаты философскаго мышленія заключаются въ школѣ Шеллинга. Галичу показалось, какъ и многимъ тогда, что послѣ Кантовскаго разгрома близорукой метафизической догматики и послѣ отчаянныхъ идеализаций Фихте, одинъ Шеллингъ въ состояніи былъ повести философію новымъ путемъ къ рѣшенію задачъ, искони обременявшихъ умъ человѣческій, и главное, примирить субъективныя и объективныя начала истины, чтѣ не удалось ни Канту, ни Фихте,—одному потому, что онъ то слишкомъ мало, то слишкомъ много довѣрялъ уму, а другому потому, что онъ довѣрялъ одному уму. Шеллингъ, отожествляя идею и бытіе въ верховномъ или абсолютномъ разумѣ и дѣлая человѣка отраженiemъ божественной сущности, повидимому, устранилъ всякое противорѣчіе между знаніемъ и дѣйствительностью. Что Галичъ скоро отдался, хотя и не всею душой, однако лучшими ея стремленіями, Шеллингу, это неудивительно. Онъ былъ молодъ, пылокъ и притомъ въ избыткѣ надѣленъ тою молодецкою русской от-

вагой, которая готова перескакивать черезъ преграды вмѣсто того, чтобы преодолѣвать ихъ, и не слишкомъ заботясь о правильныхъ изслѣдованіяхъ, готова пускать въ ходъ фантазію, а умъ оставлять позади, какъ вспомогательную силу, для оправданія того, что она надѣлаетъ странного и неудобнаго. Наконецъ, онъ находился тамъ, гдѣ Шеллингово ученіе увлекало умы, и болѣе приготовленные къ серіозному и строгому изученію. Къ этому нельзѧ не прибавить, что въ Шеллинговой философіи была своя сторона умственнаго превосходства надъ другими современными учеными и такъ много возвышенаго въ эстетическомъ смыслѣ и обалдѣнаго для людей съ благороднымъ сердцемъ и поэтическимъ настроениемъ духа, что было бы въ самомъ дѣлѣ удивительно, еслибы одинъ изъ людей, обладающихъ подобными качествами, не сталъ, хотя на время, въ ряды ея жаркихъ поклонниковъ. Гораздо позже, какъ мы увидимъ, Галичъ, не переставая быть шеллингистомъ для своихъ учениковъ, такъ-сказать, по ихъ востребованію, для самого себя усвоилъ образъ мыслей, гораздо болѣе независимый отъ всякихъ авторитетовъ. Главное, онъ во все не былъ такимъ безусловнымъ приверженцемъ принятой имъ въ Германіи системы, чтобы не усомниться въ метафизическихъ основаніяхъ какъ ея, такъ и разныхъ другихъ учений,— и уже совершенно не былъ способенъ сдѣлаться такимъ одностороннимъ ихъ приверженцемъ, какимъ, напримѣръ, былъ, впрочемъ весьма почтенный собратъ его по Шеллингу, Велланскій. Можно было бы, повидимому, упрекнуть Галича за этотъ индифферентизмъ или за это колебаніе и пѣкотораго рода двойственность въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ. Но впервыхъ, не могъ же онъ не знакомить своихъ учениковъ съ тою системой, которая господствовала въ наукѣ его времени, и съ которой онъ самъ до пѣкоторой степени сроднился. Это тѣмъ болѣе могла допустить его профессорская совѣсть, что ученіе Шеллинга какъ нельзѧ благотворнѣе дѣйствовало на нравственное и эстетическое чувство его учениковъ. Во вторыхъ, Галичъ обладалъ особенною гибкостью и особенною складомъ ума, по которымъ, бывъ единожды твердо убѣжденъ въ нравственномъ достоинствѣ и назначеніи человѣка и въ чистѣйшихъ нравственныхъ принципахъ, онъ во всемъ прочемъ не считалъ своихъ стремленій и своего разумѣнія отвѣтственными передъ судомъ истины и верховнаго разума. Онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы съ безотчетною увѣренностью склоняться передъ тѣмъ, за неопровергнуму истину чего не въ состояніи поручиться никакое ученіе, никакая система, хотя въ то же время

очень хорошо знать, что человѣкъ вполнѣ вырабатывается, только постоянно и разумно преслѣдуя эту истину, какъ свой высочайший идеалъ.

Послѣ годичныхъ занятій въ Геттингенѣ истекло трехлѣтіе, назначенное для ученія будущимъ пашшимъ профессорамъ за границею. Галичу однако хотѣлось изъ школы выйтти на свѣтъ Божій, если не для того, чтобы изучать его, то для того, чтобы насладиться его зрѣлищемъ. По просьбѣ资料 ourего ученаго, ему дозволено было продлить еще на годъ свое заграничное пребываніе. Въ продолженіе этого времени онъ обозрѣлъ почти всѣ замѣчательныя мѣста южной Германіи, посѣтилъ Англію, Парижъ, и помышлялъ уже о возвращеніи въ отечество, направился въ Изну. Это было въ 1811 году. Кажется, его немногого занимали тогдашнее напряженное политическое состояніе Европы и направленіе умовъ въ посѣщенныхъ имъ странахъ. Онъ предался съ полной беззаботностью русскаго человѣка и туриста удовольствію видѣть новые предметы и наслажденію никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемой свободой. Ему приходилось заботиться развѣ объ одѣмъ, чтобы источникъ небольшихъ назначеній ему отъ казны материальныхъ средствъ не изсякъ на чужбинѣ. Галичъ не чуждъ былъ искушенія погулять, хотя не роскошнымъ образомъ, потому что привычки его, какъ и желанія, были очень недорогія, однако все-таки не безъ опасности для его тощаго кармана. Случалось не разъ, что послѣ иѣкотораго угощенія себя, ему приходилось въ слѣдующіе за тѣмъ дни вести уже весьма скромный и умѣренный образъ жизни и на собственныхъ ногахъ совершать путешествіе, не прибѣгалъ къ пособію дилижансовъ, такъ какъ желѣзныя дороги были тогда еще неизвѣстны. Разказывали, что въ Лондонѣ онъ встрѣтился съ другимъ русскимъ путешественникомъ, товарищемъ по заграничному ученію, тоже вознаграждавшимъ себя полною свободой и иѣкоторыми удовольствіями за трехлѣтніе умственные труды. На одномъ изъ нихъ верхняя одежда достигла такого плачеваго состоянія, что носящему ее, будь онъ даже неизыскательнымъ русскимъ ученикамъ, трудно уже было показаться въ люди. Оба, помѣщаясь въ одной квартирѣ, умудрились довольно довольствоваться однимъ экземпляромъ платы, которое было покрѣпче и попристойнѣе, и когда одному предстояло выйтти со двора, тогда другой совсѣмъ раздѣвался въ пользу своего собрата и прятался подъ одѣяло на постели до его возвращенія. Къ счастью, ростомъ они довольно близко подходили другъ къ другу. Такъ прошло иѣсколько дней, но продолжаться это не могло тѣмъ болѣе, что хозяинъ квар-

тиры началь замѣтить, съ какими безсребренниками онъ имѣеть дѣло. Галичъ отправился въ русское посольство, гдѣ принужденъ былъ вытерпѣти разныя нотаціи, однако получилъ деньги, нужные для возвращенія въ отечество, и тутъ же братски раздѣлилъ ихъ со свопомъ товарищемъ. По выѣздѣ изъ Англіи они разстались, потому что Галичъ непремѣнно рѣшился побывать въ Вѣнѣ, а товарищъ его избралъ другой путь. Не помнитъ гдѣ, въ Боннѣ или Гейдельбергѣ, гдѣ онъ провелъ иѣсколько недѣль, поэтическое простосердечіе и совершенная несознательность въ житейской практикѣ натолкнули было его на неѣное приключение. Онъ помѣстился на квартиру у какого-то бѣдняги ремесленника, съ которымъ за кружкою пива очень подружился. У Нѣмца была дочь, дѣвочка лѣтъ 15 или 16. Своимъ миловиднымъ лицомъ и живостю она сильно привлекла нашему философу, и онъ, недолго думая, рѣшился предложить ей свою руку и сердце. Здѣсь видѣть тѣжъ же самыи Галичъ, какимъ онъ былъ во всю свою жизнь, то-есть, человѣкомъ, живущимъ въ мірѣ идей, чуждымъ условій дѣйствительности. Онъ не подумалъ о томъ, что дѣвочка очень молода и вовсе не способна еще раздѣлить его чувствованій, что онъ самъ вовсе не приготовленъ для семейного быта, и что главное, у него нѣть для того никакихъ средствъ. Было бы, конечно, странно, еслибы явясь изъ-за границы въ Петербургъ, онъ, вместо всякихъ другихъ правъ на казенное содержаніе, напримѣръ, вместо какой-нибудь диссертациіи, представилъ конференціи института свою молоденькую жену. Но все это ничего не значило для Галича, п молодость певѣсты не пугала его. Онъ даже находилъ это особенно благопріятнымъ для себя, надѣясь воспитать и настроить ее по своему вкусу; о средствахъ же содержанія какъ тогда, такъ и послѣ онъ не мышлялъ мало. Какъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ такъ называемымъ комфортомъ, этой болѣзни и превосходствомъ вѣка, онъ вполнѣ довѣрялъ евангельскому изреченію, что птицы небесныя не сѣютъ и не жиутъ, а бываютъ сыты, и что дастъ Богъ день, дастъ и пищу. Отецъ дѣвочки, очень полюбившій молодаго человѣка, былъ не прочь согласиться отпустить dochь свою въ далекую и холодную Россію; но мать благоразумно и рѣшительно воспротивилась этому безразсудному намѣренію, па принятіе коего, вѣроятно, имѣло вліяніе и пиво. И видно, уже судьбѣ угодно было, чтобы Галичъ, изучая исторію философіи и жизнь философовъ, а слѣдовательно, и Сократа, на собственномъ опыѣ узналъ, что значитъ имѣть жену Ксантиппу, какъ то случилось въ послѣдствіи. Онъ удовольствовался тѣмъ, что

удѣлълъ дѣвочкѣ частицу изъ своего убогаго капитала на подвѣнечное плате въ будущемъ и простился съ нею на вѣки.

Но вотъ наконецъ Галичъ въ Вѣнѣ. Употребивъ нѣсколько дней на обозрѣніе города, онъ почувствовалъ не безъ ужаса, что у него въ карманѣ остается только нѣсколько крейцеровъ, а за квартиру ничего не заплачено. Для виащаудостовѣренія въ этомъ непрѣтпомъ обстоятельствѣ хозяинъ его, вѣроятно, не большой философъ, но большой скептикъ относительно задолжавшихъ ему постояльцевъ, началъ бросать на него какіе-то подозрительные, зловѣщіе взгляды. До Россіи было далеко, а до тюрьмы очень близко. Галичъ, при видѣ угрожавшаго ему печальнаго крушенія, бросился къ единственному спасительному снаряду для подобныхъ ему утопающихъ въ бездѣнежїи путешественниковъ, къ нашему посольству. Онъ добился аудіенціи у самого посланника и представилъ ему свои нужды и бумаги. Посланнику, безъ сомнѣнія, было извѣстно, какъ часто и дѣма, и за границею главнымъ источникомъ нашего разоренія служить извѣстная молодецкая привычка наша тратить деньги на все, кроме существенныхъ надобностей. На этомъ основаніи онъ сперва наотрѣзъ объявилъ Галичу, что казна не отпускаетъ ему ничего на пособія нашимъ промотавшимся ученымъ и неученымъ путешественникамъ. Но потомъ, всмотрѣвшись внимательнѣе въ предстоявшаго ему бѣднягу, посланникъ убѣдился, что это самое простодушное и искреннее существо, что онъ вовсе не какой-нибудь записной гуляка, а напротивъ того человѣкъ съ очевидными признаками знаній и таланта, и что если и случалось ему по молодости промахнуться и бросить какой-нибудь талеръ не туда, куда слѣдовало, то кто же Богу не грѣшитъ, а царю не виноватъ. Послѣ довольно серіозно и неприѣтливо сказанныхъ первыхъ словъ, посланникъ сдѣлалъ ему еще нѣсколько вопросовъ, и выслушавъ объясненія Галича, наконецъ сказалъ: „Повторю, казенныхъ денегъ у меня для васъ нѣть; но я дамъ вамъ своихъ столько, чтобы вы были въ состояніи уплатить здѣсь вашъ долгъ и возвратиться въ Петербургъ, а чтобы вы могли еще что-нибудь и сберечь, я прикажу курьеру, который отправляется мною въ Галицию до границъ Россіи, взять васъ съ собою. Значитъ, не малая часть пути вамъ ничего не будетъ стоить. Прощайте“. Галичъ тотчасъ получилъ достаточную сумму денегъ, и съ нею всѣ его опасенія и страхи разсѣялись. Но какъ выздоравливающій больной, въ которомъ съ возстановленіемъ силъ возникаютъ снова и прежнія желанія, привычки и расположенія даже къ предметамъ, не приносившимъ особен-

ной пользы его здоровью, Галичъ съ небольшими своими деньгами почувствовалъ себя чуть не Крезомъ, и мысль о сбереженіи, столь благосклонно внущенная ему добрымъ вельможею, тотчасъ ускользнула изъ его памяти. Вообще Галичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ деньгами. Ни въ молодости, ни въ зрѣломъ возрастѣ онъ не былъ мотомъ. У него не было такихъ страстей и пристрастій, удовлетвореніе коихъ требовало бы значительной траты времени, силъ и денегъ, до послѣдняго горестнаго періода его жизни, о чемъ будешь говорено въ своемъ мѣстѣ. Онъ не предавался съ излишествомъ даже тѣмъ удовольствіямъ, которыхъ приходились ему по вкусу и средствамъ, и которыя онъ имѣлъ право считать законными. Тѣмъ не менѣе деньги, попавши въ его руки, никакимъ образомъ не могли оставаться тамъ долго. То онъ купитъ вещь, которая ему ни на что не годится, единственно потому что продавецъ усердно ее предлагаетъ; то у него выманить деньги какой-нибудь плутъ подъ предлогомъ займа безъ возврата, о чёмъ впрочемъ Галичъ никогда и не напомнить; то при покупкѣ или какой-нибудь уплатѣ его немилосердно обсчитываютъ, или явится необходимость угостить и поподчивать пріятеля на свой счетъ. Случалось, что онъ рѣшительно послѣднюю копѣйку отдавалъ бѣдному, который умѣлъ показаться ему или быть дѣйствительно особенно жалкимъ. Отправившись, какъ сказано выше, съ курьеромъ до границъ Россіи, онъ не преминулъ свести съ нимъ дружбу и на каждой станціи, гдѣ приходилось имъ останавливаться пѣсколько подолѣсъ, свидѣтельствовать эту дружбу угощеніемъ. Когда Галичъ былъ уже въ предѣлахъ отечества въ началѣ 1812 года, ему снова стало угрожать безденежье. Кое-какъ однако, съ горемъ пополамъ, онъ добрался до Киева и здѣсь уже окончательно сѣлъ на мель. Оставалось одно, опять прибѣгнуть къ помощи правительства или правительственныйхъ лицъ. Въ Киевѣ былъ тогда военнымъ губернаторомъ знаменитый графъ Милорадовичъ, и Галичъ рѣшился обратиться къ нему съ просьбою дать ему средства достигнуть Петербурга. Генераль подвергнулъ его предварительному изслѣдованію; онъ долго разспрашивалъ о томъ, какія страны Европы онъ посѣщалъ, гдѣ, чему и какъ учился и пр. Наконецъ, вѣроятно, удовлетворенный отвѣтами и объясненіями молодаго человѣка, онъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ спѣшилъ его сотнею рублей серебромъ и посовѣтовалъ ему, не теряя болѣе времени, спѣшить въ Петербургъ. Галичъ всегда съ благодарностію вспоминалъ о приемѣ, сдѣланномъ ему Милорадовичемъ, кото-

рый хотя нѣсколько озадачилъ его сперва чѣмъ-то въ родѣ доцюса, однако кончилъ тѣмъ, что весьма ласково съ нимъ обошелся и раздѣшилъ ему помочь.

Наконецъ, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, Галичъ прибылъ въ Петербургъ въ 1813 году. Тогда не было необходимости пріобрѣтать степень магистра или доктора для занятія профессорской каѳедры. Въ замѣнѣ этого онъ подвергся строгому испытанію изъ философіи въ конференціи педагогическаго института. Сверхъ того отъ него потребовали диссертациіи, которая должна была служить п иѣкото-раго рода программою будущихъ его институтскихъ лекцій или вступленіемъ къ нимъ. Экзаменъ былъ выдержанъ Галичемъ блестательно, а диссертaciю его поручено разсмотрѣть профессорамъ Кайданову, Орлаю, Герману и профессору медико-хирургической академіи Велланскому, который, какъ извѣстно, свои физиологическія лекціи подчинялъ философскимъ умозрѣніямъ, исключительно въ духѣ Шеллинговой школы. Первые отозвались о ней съ большими похвалами, особенно былъ доволенъ ею Германъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ по уму, знаніямъ и характеру профессоровъ педагогическаго института, бывшій членомъ академіи наукъ и въ послѣдствіи инспекторомъ въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ. Велланскій же представилъ о диссертaciи особое мнѣніе, въ которомъ между прочимъ говорить:

„Диссертaciя г. Галича показываетъ безпредвзятому сужденію почти въ равной степени достоинства и недостатки. Для прозаическихъ читателей имѣетъ она непріятный вкусъ, и строгая логика догматиковъ и сенсуалистовъ не същетъ здѣсь никакого удовлетворенія. Содержаніе сочиненія весьма важно, но способъ представленія не соответствуетъ достоинству этого. Кому настояще попытіе о философіи чуждо, тотъ въ каждомъ почти періодѣ сего сочиненія найдетъ причину къ соблазну и посвѣтленію новѣданной тутъ истинѣ. Поэтический духъ свойственъ философіи по одинаковой сущности поэзии съ философіей; но ежели сю представить въ комическомъ видѣ, то она покажется всякою смѣшиною. Здѣсь смышано высокое съ низкимъ, важное съ малозначающимъ, тайное съ открытымъ, трудно понимаемое съ удобопонятнымъ, такъ что для подробной оцѣнки предмета нужно бы очистить его отъ таковой смѣси и представить въ сообразѣйшемъ видѣ“.

Рецензію свою Велланскій заключаетъ слѣдующими словами:

„Вирочемъ изъ сочиненія Галича явствуетъ, что онъ имѣетъ столько же любви, сколько и способности къ философіи. Историческая познанія его въ опой обширны, а существенное содержаніе какъ прежней, такъ и наибѣнѣй философіи ему весьма извѣстно“.

Упреки, сдѣланные рецензентомъ автору за его изложеніе, понятны и не лишены основанія; рецензентъ требовалъ отъ философіи догма-

тически опредѣленнаго и выдержаннаго характера, между тѣмъ какъ Галичъ, вообще глубоко и поэтически сочувствуя высокимъ ся задачамъ, но своеобразный по своему характеру, не всегда съ точностю придерживался принятыхъ и установленныхъ пріемовъ въ сужденияхъ о ся частностяхъ. Онъ любилъ свободу мысли и слова, и занятый, по-видимому, одними серіозными думами, не стѣснялся въ выраженіяхъ, когда что-нибудь вдругъ поражало его или своею рѣзкостю, или не-сообразностю, или чѣмъ-нибудь, подходящимъ подъ юмористическую точку зреѣнія. Мы увидимъ, что и въ послѣдствіи, въ періодъ уже полной зрѣлости своего философскаго мышленія, онъ также со стороны своихъ офиціальныхъ судей подвергся порицанію за свой юморъ въ изложеніи философскихъ вопросовъ. Теперь конференція педагогическаго института, признавъ Галича вполнѣ достойнымъ занять каѳедру философіи, о диссертациіи его отозвалась, „что по множеству содержащихся въ ней новыхъ и либо никѣмъ, либо самыемъ малымъ числомъ философовъ принятыхъ умозрѣній, ее печатать не слѣдуетъ“, и притомъ положила внушиТЬ Галичу, „чтобы онъ при преподаваніи въ россійскихъ училищахъ философскихъ наукъ отнюдь не вводилъ своей системы, а держался бы книгъ, начальствомъ введенныхъ“. Вышій попечитель Уваровъ, одобравъ это мнѣніе, исходатайствовалъ у министра народнаго просвѣщенія утвержденіе Галича въ должности адъюнкта - профессора съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ.

Диссертациія Галича дѣйствительно должна была удивить и озадачить ученое сословіе. Уже самою формою своею она совершенно отступала отъ принятыхъ правилъ академическаго изложения. Галичъ выразилъ свои мысли въ видѣ письма къ пѣкоему Агатону, молодому человѣку, жаждущему мудрости, стараясь укрѣпить въ немъ живое чувство къ истинѣ и показать пути, ведущіе къ ней. Такой способъ авторъ избралъ, вѣроятно, потому что онъ предоставлялъ болѣе просторъ его взглядаамъ и фантазіи. Притомъ онъ служилъ указаніемъ на ту внутреннюю душевную связь, какая, по мнѣнію автора, должна соединить юношество, жаждущее знанія, съ его руководителями и наставниками. Сочиненіе это похоже болѣе на пламенный витіеватый дипрамбъ въ честь истины, нежели на строгую ученую разработку и изложеніе содержанія философіи. Тутъ видѣнъ умъ, пропитанный всѣми возвышенными идеями, какія возникаютъ изъ умозрительныхъ стремленій человѣческаго духа, когда онъ самъ себя ставить источникою и мѣрой всякаго знанія. Возбуждалъ въ читатель ревность

къ изысканію философскихъ истинъ, авторъ при этомъ опирается преимущественно на нравственное чувство и требуетъ отъ занимающихся философией прежде всего мужественной силы воли и характера. Не смотря на то, что въ настроении его мыслей оказывается, очевидно, влияние Шеллинга, въ немъ въ то же время видѣнъ мыслитель, и очерпающій живое убѣжденіе и живое слово въ собственномъ умѣ и сердцѣ. Серіозный и нерѣдко высокорѣчный и патетический ходъ его мышленія не мѣшаетъ ему однако предаваться особенной, ему свойственной какой-то прихотливой игривости ума, наводившей его на самыя оригинальныя, неожиданныя сближенія и соотношенія въ мысляхъ и языкахъ, на что, какъ мы видѣли уже, такъ жаловался строгій рецензентъ Галича, Велланскій. Вторая половина его диссертации посвящена вся историческому обозрѣнію философіи отъ древнейшихъ временъ, начиная съ Индійцевъ, до позднѣйшаго времени. Это, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшая часть его труда. Здѣсь уже является передъ нами строгій, изслѣдовавшій и критический умъ съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній. Это обозрѣніе, представляющее ходъ философіи въ скатахъ чертахъ, превратилось послѣ въ полную исторію ея, которую Галичъ и издалъ въ свѣтъ¹⁾.

Здѣсь, можетъ-быть, у мѣста провести нѣкоторую параллель между двумя учеными, которые въ одно и то же время считались у насъ представителями Шеллингова учения, именно между Велланскимъ и Галичемъ. Оба они были действительно шеллингисты; но отношенія ихъ къ главѣ школы были весьма различны, и многое, почему одинъ изъ нихъ былъ признаваемъ за односторонняго ея приверженца, основывалось единственно на нѣкоторыхъ изданныхъ имъ книгахъ, а не на точномъ и основательномъ знакомствѣ вообще съ его идеями и характеромъ. Велланскій вполнѣ и безусловно былъ послѣдователемъ Шеллинга. Онъ простодушно и искренно вѣровалъ въ начала своего учителя и считалъ возможнымъ объяснить ими всѣ явленія жизни, разрешить всѣ вопросы и недоумѣнія человѣческаго ума, не исключая вопросовъ своей науки, требующей совершенно другаго метода и приемовъ изслѣдованія. Стоть только прочитать *Пролюзію къ медицину* и *Биологію* Велланскаго, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ нихъ содержится не простое и объективное изложеніе ученія, съ кото-

¹⁾ Читатели найдутъ въ приложениіи нѣсколько отрывковъ изъ диссертаций Галича (см. прилож. II). Въ слѣдующемъ за тѣмъ приложениіи изложены, въ видѣ представлений начальству педагогического института, главныя основанія философіи, какъ онъ тогда понималъ ее.

рымъ онъ хотѣлъ бы познакомить любознательные умы, а энергическое провозглашеніе, пропаганда идей, принятыхъ къ сердцу, духъ какого-то сектаторства, исключающій всякое противоположное мнѣніе. Велланскій не только стремится къ истинѣ съ жаркою любовію и вѣрою въ нее, но по обычая людѣй, увлеченныхъ чувствомъ и недовѣріемъ проницательныхъ, онъ увѣренъ, что уже нашелъ ее. Мало знакомый съ историческимъ движениемъ философіи или обращавшій на него мало вниманія, неспособный къ критическому анализу, онъ легко и вседѣло предался системѣ, столь обаятельной на первый взглядъ для людѣй, которые при самомъ рожденіи истины желали бы видѣть ее облеченою въ пурпуръ царственного величія и во всемъ блескѣ поэзіи, для людѣй, которые желаютъ результатовъ прежде, чѣмъ ознакомились съ цутями и средствами къ ихъ достижению, и которымъ наконецъ самая любовь ихъ ко всему прекрасному и возвышенному, при нетвердости анализирующей и контролирующей силы, помогаетъ обольщаться ихъ призраками. Совсѣмъ другое видимъ въ Галичѣ. Раздѣляя со своими соотечественниками наклонность ко всяkimъ запистованіямъ у иностранцевъ, а главное, не находя у себя дома ни матеріаловъ, ни опоры, ни даже традицій философскихъ, сколько-нибудь соответствовавшихъ требованіямъ мыслящаго человѣчества, онъ естественно долженъ быть примкнуть къ какой-нибудь школѣ въ классической странѣ философіи, откуда мы и поднесъ черпаючи болѣшую часть нашего научного богатства. Подобно Велланскому, и онъ восчувствовалъ на себѣ могучее влияніе Шеллинговой системы не только потому, что она была нова, но и потому, что она дѣйствительно удовлетворила въ извѣстной степени и направленіи благороднѣйшимъ требованіямъ его духа. Но у Галича было то, чего недоставало Велланскому: не мѣ本事ъ его способный сочувствовать всему истинному и высокому въ наукѣ, жизни и человѣчествѣ, онъ въ то же время понималъ еще, что пѣтъ никакой возможности все это истинное и высокое ни подчинить разумѣнію одной какой-нибудь доктрины, ни направить ихъ исключительно по ея началамъ. Онъ обладалъ не одною способностью воспріятія, по которой люди дѣлаются энтузіастами всего, чего угодно, по умомъ твердымъ, испытующимъ, критическимъ, какимъ немногіе изъ нашихъ ученихъ обладали въ его время. Въ вопросахъ, затрудняющихъ человѣчество искони, онъ, подобно другимъ сильнымъ умамъ, скорѣе могъ остановиться между *да* и *нетъ*, чѣмъ произнести то или другое на вѣтеръ съ рѣпюнію фанатика или недочувшишагося школьнаго.

точно также, какъ не уважалъ особенно никакого житейско - практическаго принципа, зная очень хорошо, что одно можетъ измѣниться съ успѣхами науки, а другой потонуть въ водоворотѣ и хаосѣ человѣческихъ страстей, моды и проч. То, чему онъ довѣрялъ вполнѣ, это — законъ нравственного достоинства и усовершенствованія человѣка. Въ немъ утвердился духъ истинно философскаго, то-есть, свободнаго мышленія, которое всегда было готово перешагнуть за предѣлы признаннаго имъ самимъ авторитета, и если не пойти своимъ путемъ далѣе, то по крайней мѣрѣ попытаться заглянуть и въ другія сферы мысли. Нѣть сомнѣнія, что историческое изученіе философіи, которому онъ посвятилъ лучшую часть своихъ силъ и времени, много содѣйствовало въ удаленію его отъ упорнаго доктринального догматизма. Въ сравненіи, анализѣ и критической оценкѣ различныхъ системъ онъ пріобрѣлъ ту умственную опытность и тогъ навыкъ основательнаго и безпристрастнаго сужденія, которая ставить каждое положеніе и каждое начало на приличное имъ мѣсто, видя въ взаимную ихъ связь, отношенія, зависимость и не допускаютъ исключительнаго господства ни одного изъ нихъ. Мы часто слышали отъ него слѣдующія слова: „Умъ человѣческій удивительно способенъ гнуться подъ тяжестью собственныхъ пріобрѣтеній, и это ненатуральное положеніе грозитъ ему ежеминутно паденіемъ. Умѣйте найти центръ тяжести и соразмѣрить ее съ вамиными силами, чтобы держаться на ногахъ и идти прямо“. Самое существенное, чтѣ Галичъ заимствовалъ у Нѣмцевъ и чему неуклонно слѣдовалъ во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ, это—систематизированіе мыслей. Онъ, по справедливости, считалъ Нѣмцевъ лучшими образцами систематически - научныхъ построеній и примѣромъ ихъ руководствовался не только въ архитектоникѣ цѣлыхъ ученій, но даже въ подробностяхъ, и это подало поводъ критикѣ обвинять его въ излишествѣ дѣленій, подраздѣленій и вообще въ сложности и германизмахъ изложенія.

Сравненіемъ нашихъ двухъ сопоставленныхъ лицъ мы вовсе не имѣли въ виду возвысить одно на счетъ другаго. Мы напротивъ того отаемъ полную справедливость Велланскому за чистоту и твердость его убѣждений и за послѣдовательность, съ какою онъ проводилъ въ нашу умственную среду принятія имъ начала, даже за его довѣреніе къ отвлеченнымъ истинамъ, обеспечивающимъ возврѣніемъ ума нашего необходимую широту горизонта и противодѣйствующимъ конечному опошлению въ насъ эмпирическихъ наклонностей. Мы признаемъ, что увлечения Велланского были плодомъ благороднаго стремленія къ исти-

нѣ, и что самая односторонность его понятій заслуживаетъ уваженія: она была результатомъ научной дѣятельности, а не одной скѣпой и лѣнивой готовности думать, какъ думаютъ другіе. Онъ проявлялъ эту дѣятельность не урывками, не механически составленными компиляціями, а цѣлымъ рядомъ систематически соображеній и сознательно усвоенныхъ себѣ мыслей. Тутъ былъ установленній и выдержанній характеръ, а этимъ, какъ известно, немногое изъ нашихъ мыслителей и дѣятелей могутъ похвалиться. Но въ дому истины обитали многія суть; стремящіеся къ ней могутъ входить въ него съ разныхъ сторонъ въ разныя двери, и каждый устроиваться въ немъ по своему достоинству и роду своихъ заслугъ, не отнимая мѣста у другаго. Противопоставляя другъ другу двухъ нашихъ мыслителей, мы хотѣли этимъ только означить различие ихъ свойствъ и показать, какими направленими были движими дѣятели нашей науки, еще шаткой и не уставновившейся, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы, по обычаю большей части биографовъ, выставить своего героя сколько возможно въ лучшемъ свѣтѣ.

Курсъ философіи, читанный Галичемъ въ педагогическомъ институтѣ и потомъ съ 1819 года въ университетѣ, заключалъ въ себѣ всѣ части ея, то - есть, логику, психологію, этику и метафизику. Но вскорѣ профессоръ пожелалъ къ этому присоединить и исторію философіи въ объемѣ и духѣ, соотвѣтствующемъ значенію и достополнству университетскаго преподаванія, на что и было получено согласіе начальства. Теоретическую часть науки онъ долженъ былъ согласовать съ требованіями послѣдняго; она была не та, какую предполагалъ онъ въ своей диссертациі, и какая была читана имъ послѣ нѣкоторыми любознательными юношами и даже зрѣлыми любителями философіи у себя на дому; здѣсь господствовалъ Шеллингъ, тогда какъ академическое преподаваніе, держась въ рамѣ предписанныхъ руководствъ, имѣло характеръ болѣе электическій. Въ метафизикѣ онъ руководствовался сочиненіемъ Карпе, коего текстъ съ латинскаго языка студенты сами переводили на русскій. Въ исторіи философіи онъ держался сперва Теннемана, пока не написалъ и не издалъ своей собственной книги, для которой онъ пользовался уже и другими источниками.

Въ 1814 году, Галичъ, оставаясь адъюнктомъ въ педагогическомъ институтѣ, былъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ Царскосельскій лицей. Здѣсь онъ обнаружилъ рѣшительно свою неспособность къ той педагогической дѣятельности, которая лишь подготовляла молодыхъ людей къ высшему знанію. Его роль была роль ака-

демического преподавателя, излагающаго содержаніе науки во всей ея обширности и полнотѣ, единственно по идеѣ и принципу ея специальныхъ требованій. Ему нужны были аудиторія, а не классъ, и слушатели, которыхъ бы онъ могъ руководить въ самостоятельномъ умственномъ трудѣ, а не ученики, коихъ умъ нуждается въ постоянномъ наблюденіи, искусствомъ педагогическому пособію и вмѣшательствѣ въ самыя отиправленія развивающейся, но еще не укрѣпившейся ихъ мысли. Поэтому, конечно, было ошибкой со стороны лицейского начальства избрать такое лицо, какъ Галичъ, для элементарного преподаванія латинскаго языка, какъ со стороны послѣдняго было ошибкой взяться за такое дѣло. Вмѣсто педагогическихъ способностей, которыхъ ему не доставало, онъ развернуль въ лицѣѣ свой характеръ, знакомый болѣе съ поэтическою, чѣмъ съ практическою стороной жизни, характеръ общительный, кроткій, въ высшей степени беззаботный, съ значительною долею юмора и ироніи и съ полнымъ нерасположеніемъ къ школьнай дисциплинарности. Въ лицѣѣ онъ увидѣль передъ собою толпу юношней, милыхъ, веселыхъ, кѣкоторыхъ съ замѣчательными дарованіями, но вообще не слишкомъ обременявшихъ себя механизмомъ науки, и тотчасъ понялъ, что ему тутъ трудно будетъ насадить древо познанія латыни. Юноши въ свою очередь примѣтили, что ихъ новый наставникъ болѣе философъ, чѣмъ сколько нужно было для того, чтобы настойчиво занимать ихъ сунинами и герундіями, и постарались, въ замѣнь ихъ, извлечь изъ него другое добро, его теплое сочувствіе къ юношескимъ сѣѣтлымъ интересамъ жизни. Но какъ они были молодые люди благовоспитанные, то въ отношеніяхъ ихъ къ нему не могло быть ничего грубаго, а тѣмъ болѣе оскорбительного для человѣка, высокій умъ и неподдѣльная доброта котораго не могла не дѣйствовать укротительно на юнкія, но еще не усиѣвши испортиться молодымъ сердца. Какъ бы то ни было, однако Галичъ былъ плохимъ преподавателемъ латинскаго языка въ лицѣѣ, а вмѣсто того очень пріятнѣмъ собесѣдникомъ лицейскихъ воспитанниковъ, которые весело проводили съ ними время иногда за чтеніемъ своихъ стихотвореній, въ свободные часы, ни мало не пугаясь его профессорской осанки, которую они умѣли щадить, а его также не пугая слишкомъ шумною и игривою бесѣдой¹⁾). „Ну, господа“,— гово-

¹⁾ Галичъ, живя въ Петербургѣ, для уроковъ пріѣзжалъ въ Царское Село и долженъ былъ, въ промежутокъ времени отъ однихъ классныхъ часовъ до другихъ, оставаться въ лицѣѣ, отчего у него была возможность особенно сближаться съ воспитанниками и въ классахъ.

риль онъ имъ послѣ оживленій далеко не школьнай бессѣды, взялъ въ руки Корнеля Пснота, — „теперь потреплемъ старика“. И юноши, по возможности, спѣшили удѣлить старику малую толику своего вниманія и времени. Пушкинъ, кажется, особенно полюбилъ молодаго философа, который не истязалъ ни его, ни товарищѣ склоненіями и сиряженими и былъ умень, веселъ, остроуменъ, какъ самъ будущій поэтъ, и притомъ обладалъ многими знаніями, если и не доступными тогдашнему положенію и возрасту автора „Онѣгина“, то не чуждыми его умственнымъ инстинктамъ. Начальство, кажется, однако скоро убѣдилось, что у такого учителя питомцы не выучатся по латыни, и потому Галичъ только годъ съ небольшимъ пробылъ въ лицѣ. Въ замѣнь этого ему поручено было преподаваніе философіи въ благородномъ пансионѣ при институтѣ и университетѣ, а потомъ русскаго языка въ Петровавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ. Но и здѣсь, какъ въ лицѣ, онъ не могъ сладить съ учительскимъ дѣломъ, несмотря на то, что теперь онъ, повидимому, болѣе прилагалъ къ нему старанія, чѣмъ прежде. Ученики Галича не слушались его и до того своевольничали въ классѣ, что онъ принужденъ былъ оставить заведеніе. Нѣсколько времени онъ содержалъ также пансионъ, преимущественно для дѣтей изъ казаковъ. Но вѣроятно, и тутъ Галичъ, способный весьма здраво и основательно разсуждать о педагогіи, не много оказалъ успѣховъ въ ея практикѣ.

Въ 1817 году Галичъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессоры и въ этомъ званіи перешелъ и въ новооткритый въ 1819 году С.-Петербургскій университетъ. Судьба, казалось, была благосклонна къ нему. Она дозволила ему жить и дѣйствовать для идеи и науки, а въ этомъ и состояла всѣ его желанія, какъ и призваніе. Ему не приходило на мысль добиваться чего-нибудь болѣшаго; его житейскіе интересы были совершенно поглощены господствовавшими надъ имъ интересами духа. Трудно было найти человѣка, который бы, подобно ему, былъ до такой степени преданъ своему дѣлу и такъ мало думалъ о всѣхъ, не входившихъ непосредственно въ кругъ его ученої дѣятельности. При этомъ онъ имѣлъ великое утѣшніе чувствовать, что его идеи не только содѣйствуютъ художественной обработкѣ его самого, но что они не остаются безплодными и для его слушателей. Какъ ни недостаточно у насъ распространены философскія знанія, и какъ ни мало умъ нашъ усвоилъ себѣ паныкъ къ размышиленію о предметахъ отвлеченныхъ, однако Галичъ нашелъ лица, готовыя мужественно бороться съ трудностями философскихъ изысканій.

Наука, имъ преподаваемая, видимо возбуждала сочувствіе, а самъ преподаватель внушалъ уваженіе и довѣрішность къ себѣ, чтѣ мы положительно знаемъ отъ его слушателей, и чему отчасти сами были свидѣтелями. Ученая репутація Галича возрасла и упрочилась особенно съ изданіемъ его *Исторіи философскихъ системъ* въ 1819 году. Сочиненіе это было рѣдкою новостію въ нашей ученой литературѣ. Это не простой переводъ какого-нибудь иностраннаго руководства, урѣзанный и сокращенный всячески, въ родѣ Бруккера исторіи философіи 1788 г., не компиляція, механически сплоченная изъ одного или нѣсколькихъ авторовъ, чѣмъ, болѣею частію, обходились наши творцы ученыхъ и учебныхъ книгъ; это трудъ глубоко свѣдущаго въ своемъ дѣлѣ ученаго, который пользовался не однѣмъ, а многими источниками и пособіями, но пользовался ими съ критическою разборчивостію и пониманіемъ духа каждого изъ нихъ, какъ и духа своей науки, и который обсуживалъ и излагалъ великия явленія человѣческой мысли съ безпредвзятіемъ честнаго и добросовѣтнаго историка и съ проницательностью даровитаго мыслителя¹⁾). Оригинальный способъ выраженія его нерѣдко озадачиваетъ читателя; но строгость ученаго метода, отчетливость и точность въ опредѣленіяхъ и поясненіи важнѣйшихъ пунктовъ каждой излагаемой имъ системы, обиліе указаній на источники и пособія, наконецъ, постоянное обращеніе взора на сущность и величие решаемой хотя и не рѣшимой человѣчествомъ, задачи, — все это отнимаетъ у критика смѣлость строго осуждать автора за индивидуальность, отражающуюся въ иѣкоторыхъ премахъ его мысли и языка. Мы даже готовы признать эту индивидуальность, при соблюденіи качествъ, сейчасъ нами указанныхъ, за иѣкоторое новое достоинство: она даетъ намъ чувствовать, что мы имѣемъ дѣло

¹⁾ На русскомъ языке есть еще въ позднѣйшее время изданный двѣ исторіи философіи — архимандрита Гавриила, въ шести частяхъ, 1839 и 1840 года, и очерки исторіи философіи Надеждина, 1837 года. Но эти сочиненія явились въ свѣтъ уже послѣ *Исторіи философскихъ системъ* Галича. Отдавая полную справедливость знаніямъ почтеннаго отца Гавриила, нельзя однако не сказать, что книга его не достаетъ выдержанности ученаго характера — единства общей руководящей мысли и критической обработки матеріаловъ. Притомъ въ составленіи еї видна какая-то носпѣшность и небрежность въ изложеніи. Иное въ объясненіи разныхъ ученій, безъ всякой видимой причины, опущено, другое представлено въ слишкомъ поверхностномъ видѣ. Что касается до сочиненія Надеждина, то оно гораздо болѣе подходитъ подъ условія ученаго труда; но съдя по всемъ Рейнгольду, авторъ не проявилъ въ немъ никакою самостоятельной мысли.

съ писателемъ, на характеръ коего школа и школьная ученость не успѣли стереть слѣдовъ его выразительной натуральной физіономіи. Разумѣется, достойной критической оцѣнки такой книги, какъ *Исторія философскихъ системъ* Галича, нельзя было ожидать отъ нашей литературы въ тогдашнее время, когда и теперь болѣею частію мы не имъ состояніи ни одного произведенія ученаго или литературнаго анализировать въ духѣ истины и науки, не вмѣшивая сюда своихъ маленькихъ пристрастій и страсти, особенно претензій крохотнаго самолюбія, готоваго оскорбиться всѣмъ, что изобличаетъ желаніе мыслить и писать не по нашему вкусу и видамъ. Какъ бы то ни было, а книга Галича въ свое время нашла себѣ читателей и почитателей въ средѣ лицъ, которыхъ онъ первый посвящалъ въ тайны исторіи человѣческой мысли, а потомъ и въ кругу другихъ любителей просвѣщенія.

Междѣ тѣмъ какъ нашъ ученый съ большимъ трудомъ, но не безъ успѣха, воздѣлывалъ едва тронутую у насъ почву высшаго знанія, между тѣмъ какъ отъ простодушно вѣриль, что расширеніемъ предѣловъ этого знанія онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ своихъ товарищѣй, честно исполняетъ свой долгъ предъ отечествомъ, — въ это самое время надъ мѣстомъ, где лежали эти мечты, надъ С.-Петербургскимъ университетомъ, собиралась грозная туча. Она должна была поразить только-что возникшій университетъ неожиданнымъ ударомъ, отъ которого не скоро ему пришлось оправиться, а бѣднаго Галича отбросить отъ предназначеннаго ему пути далеко въ сторону, даже до архива въ комиссаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства, какъ увидимъ далѣе.

Въ половинѣ 1821 года въ ученомъ сословіи университета и въ кругахъ къ нему близкихъ начали носиться слухи о какихъ-то перемѣнахъ по учебной части, о новыхъ, составленныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, программахъ и т. п. Было что-то зловѣщее въ этихъ слухахъ, какъ въ глухомъ шумѣ начинающейся бури. Тогдашний, недавно опредѣленный послѣ С. С. Уварова исправляющимъ должность попечителя Руничъ былъ видимо и сильно чѣмъ-то озабоченъ. Его подвижная, суетливая патура, впечатлительная, одержимая пылкимъ желаніемъ чѣмъ бы то ни было и во что бы то ни стало отлучиться передъ высшимъ начальствомъ, теперь находилась въ особенно тревожномъ состояніи. Частыя сношенія его съ нѣкоторыми двусмысличными университетскими личностями, отбираніе у студентовъ тетрадей, кое-какія сказанныя имъ слова о неудовлетворитель-

номъ состояніи, въ какомъ онъ засталъ университетъ по вступленіи своемъ въ должность, все возбуждало въ университетской средѣ опасенія, что новый начальникъ приготовляется какіе-то новые порядки, которые, какъ извѣстно, не всегда бывають лучшіе. Никто однако не считалъ ни малѣйшаго подозрѣнія о возможности того, чemu предстояло случиться. И вдругъ, къ неописанному изумленію и ужасу университета, на него, какъ камень съ воздушной высоты, упало обвиненіе ци болѣе, ци менѣе, какъ въ безбожіи и революціонныхъ разрушительныхъ замыслахъ. Исправившему должностъ пощечителя было предписано произвести о томъ тщательнѣйшее изслѣдованіе и отыскать виновныхъ для поступленія съ ними по всей строгости законовъ. Такое столь неожиданное, какъ и тяжкое обвиненіе, сдѣлавшееся вскорѣ извѣстнымъ публикѣ, не могло не встревожить и не взволновать ея. Всѣ спрашивали съ недоумѣніемъ другъ друга: достовѣрно ли это печальное открытие? И неужели люди солидныхъ свойствъ и лѣтъ, столько времени преподававши науку въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, люди съ неукоризненною репутацией, и какъ граждане, и какъ ученые, — неужели они могли пуститься на такое отчаянное дѣло обучать юношество безвѣрію и проповѣдывать революцію? Всѣ съ нетерпѣніемъ желали узнать, на какихъ данныхъ основана подобная рѣшительная увѣренность, выросшая до энергического офиціального преслѣдованія.

Событие, къ которому мы теперь пришли, было многозначительного свойства не для одного С.-Петербургскаго университета; оно составляетъ важный и поучительный эпизодъ въ исторіи всего нашего умственнаго развитія и образования. Поэтому, конечно, настоящее мѣсто его въ этой исторіи, а не въ монографіи, имѣющей цѣлую сообщить свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ одного лица. Но судьба изображаемой нами личности такъ тѣсно связана съ этимъ событиемъ, что умолчать о немъ мы считаемъ совершенно невозможнымъ. Съ другой стороны, оно имѣть такой видъ явленія чрезвычайнаго, что коснувшись его, невольно чувствуешь необходимость вдуматься въ него внимательнѣе и глубже, а слѣдовательно, и остановиться на немъ долѣ. Мы такъ мало еще успѣли уяснить себѣ перемѣны и явленія нашего внутренняго быта, что не должны считать лишнимъ никакихъ покушений для разыясненія ихъ теряющагося въ догадкахъ и толкахъ смысла. Поэтому мы просимъ читателя не постыдовать на насъ за отступленіе, не только ведущее въ даль отъ главной нашей задачи, но и начинающееся, повидимому, слишкомъ издалека.

Дѣло С.-Петербургскаго университета, сколько само по себѣ оно ни знаменательно по духу своему и сопровождавшимъ его обстоятельствамъ, было только symptomомъ того потрясенія, которое въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія испытала система нашего образованія, дотолѣ казавшаяся опредѣленно установленнѣю, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ. Потрясеніе это невольно должно было возбудить сомнѣніе въ достоинствѣ и годности стремлений, руководившихъ памп со временеми Петра Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ породить вопросъ: на какихъ же началахъ должна опираться интеллектуальная жизнь народа, прожившаго уже столько вѣковъ и носящаго въ себѣ явные признаки будущности долговѣчной и прогрессивной? Не сѣдовало ли уже пампъ, опиралась, вмѣстѣ съ крайними славяно-филами, на ученіи о національной самобытности, отрѣшившись отъ всего ипостасного и создать даже свою науку? Но жребій былъ брошенъ: Россія должна быть державой европейской, или чтѣ все равно, одною изъ дѣятельныхъ силъ въ системѣ и историческихъ судьбахъ человѣчества,— вотъ что не подлежало сомнѣнію. Мысли эта, вопреки всѣмъ поборникамъ исключительной національности, не смотря ни на какія особенности нашей общественной и политической организаціи, не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, на долговременное отчужденіе наше отъ Европы, инстинктивно пробивалась сквозь всѣ препятствія и заявляла себя въ разныя эпохи нашей исторіи, пока наконецъ не выразилась опредѣлительно и рѣзко въ геніѣ Петра Великаго и въ его реформѣ. Но чтѣ значитъ быть или сдѣлаться европейскою державою? Значитъ ли это — усвоить себѣ за одинъ разъ выработанную вѣками учрежденія Европы, ея обычай, формы ея быта? Такъ могло казаться въ началѣ, когда мы еще не въ состояніи были сколько-нибудь сознательно представить себѣ ни того, чтѣ такое Европа въ своемъ внутреннемъ обще-человѣческомъ значенії, ни того, что такое мы сами, какъ нравственная и умственная индивидуальность, ни того, въ какомъ именно смыслѣ въ какихъ предѣлахъ должно совершиться наше объединеніе съ нею. Насъ поразила и увлекла сценическая, такъ-сказать, наружность великоколѣннаго зрелища образованности и цивилизаціи, ихъ готовые продукты, и этотъ родъ эстетического увлеченія не заключалъ въ себѣ еще ничего предосудительнаго. Онъ на первый разъ все-таки доказывалъ, по крайней мѣрѣ, нашъ изящный вкусъ, наше тайное сочувствіе къ началамъ, коихъ зародыши мы носили въ себѣ. Не вдругъ могло прийті время для разумной оцѣнки и полнаго пониманія той творческой силы, тѣхъ внутреннихъ пружинъ, ко-

торыя дали бытіе чудному зрелищу, столько нась плѣнившему. Надобно однако же понять, въ чемъ состоитъ эта сила, и гдѣ настоящій центръ движенія, существовавшаго увлечь и нась въ свою сферу и дать намъ характеръ народа европейскаго. Сила эта есть не иное что, какъ присущее Европѣ стремленіе ума человѣческаго къ развитію, коего предѣловъ никто усмотрѣть не можетъ, почему и называютъ его безпредѣльнымъ, къ развитію, коего глубочайшимъ выраженіемъ и непосредственнымъ результатомъ, при наступающей его неизмѣнно идеѣ истины, служить наука. На каждой стадіи пути, который наука проходитъ, она слагаетъ жатву добытыхъ ею идей и началь, и отдавъ ихъ вѣку на его потребы, идетъ далѣе, куда зоветъ ее всесильное и невѣдомое намъ пред назначеніе нашей природы. И Европѣ вѣрено Прорѣдѣніемъ воздѣланіе науки и миссія распространенія ея со всѣмъ, чтѣ отъ нея происходитъ, повсюду, даже „до послѣднихъ земель“. Поэтому цивилизациѣ Европы и наука одно и то же. Все, въ чемъ человѣкъ полагаетъ найти свое благо или чѣмъ упрочить его, всѣ напряженныя усилия его ума и воли, самыя откровенія генія, все имѣеть цѣлу, достоинство и заслугу только тогда, когда во главѣ его стоитъ руководящая идея истины; истина же не дается во власть ни слѣпому чувству, ни случаю, а дѣлается доступною только продолжительнымъ и упорнымъ изысканіямъ, ощутамъ и стремленіямъ, поддерживающимъ другъ друга преемственно и послѣдовательно въ теченіе вѣковъ, — и только такимъ образомъ проясненная, доказанная и доведенная до степени возможной очевидности, она проливаетъ свое сіяніе на самыя отдаленные, какъ и самыя близкія стороны и отношенія человѣческой жизни и дѣятельности. Наука — это міръ въ его законахъ и человѣкъ въ его разумѣ и судьбахъ. Слѣдуетъ ли изъ этого однако, что мы допускаемъ всемогущество науки и въ довершении этихъ судебъ? Нетъ: всемогущество принадлежитъ одному Прорѣдѣнію. Самая безпредѣльность, въ которую вовлечены и человѣкъ, и наука, полагаетъ неодолимое преснатствіе къ удовлетворенію нашихъ личныхъ требованій, нашихъ заѣтныхъ желаній, и не дозволяетъ намъ успокониться ни на одной стадіи заповѣданаго намъ шествія. Но для этого открыты человѣку другіе пути, которые независимо отъ истины объективной, познаваемой, приводятъ его къ истинѣ, укоренипой и чувствуемой въ его совѣсти и сердцѣ. Мы только вѣримъ въ абсолютную необходимость науки, выражющуюся въ вѣчныхъ и всеобщихъ требованіяхъ и законахъ нашего духа, нашей разумности, вѣримъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наука

одна въ состояніи пъ существо, способнаго бытъ человѣкомъ, сдѣлать человѣка дѣйствительного, и злу, которое онъ обречень терпѣть на землѣ и поползновень дѣлать, способна противупоставлять наибольшія преграды, какъ и надѣлать его возможно болѣею мѣрою благъ.

Итакъ, вопросъ пауки, Европою рѣшаемый, не есть ея мѣстный вопросъ, но всеобщій, существенный и всеобъемлющій вопросъ человѣчества. Мы называемъ его всеобъемлющимъ не только потому, что онъ относится ко всѣмъ людямъ, но потому, что въ немъ сосредоточены всѣ другіе вопросы — политическіе, соціальные, экономическіе, нравственные, сосредоточено все, чего разумное и удовлетворительное рѣшеніе можетъ обезпечиваться одною истиной. Понятно, что одно участіе въ его рѣшеніи съ какой бы то ни было стороны даетъ народу право бытъ народомъ европейскимъ, и слѣдовательно, народомъ всемирнымъ. Эта космополитическая идея ни мало однако не посагаетъ на своеобразное бытіе народа, на его національность. Безъ этого своеобразія разг҃ъ можетъ быть мыслимъ народъ? Различіе національностей, какъ силь, опирающихся на опредѣленные и твердые центры, есть необходимое условіе раскрытия всего содержащаго въ человѣческомъ духѣ. То, чтѣ называются всемирною образованностію, есть капиталъ, слагающійся изъ многихъ и разнообразныхъ вкладовъ, лишь бы эти вклады были изъ чистаго серебра и золота, а не изъ фальшивой монеты.

Когда Петръ Великій широко распахнулъ передъ нами двери въ Европу, намъ надлежало уже принять за непреложный догматъ главныя послѣдствія этого историческаго шага, а въ числѣ этихъ послѣдствій первое мѣсто запимала паука. Не само русское общество, а государство — и въ этомъ состояла его величайшая заслуга — стоявшее во главѣ новаго движенія, поспѣшило призвати пауку. Но весьма естественно, что сперва оно признало ее преимущественно для себя. Оно смотрѣло на пауку, какъ на одно изъ орудій, существующихъ по его указанію, и разумѣется, при его пособіи, содѣйствовать его политическому возвышенію и могуществу. Петръ Великій понималъ, конечно, пауку пиаче, когда основывалъ академію; Екатерина II понимала ее пиаче, когда стремилась устроить систему народнаго образования. Но въ собственномъ, истинномъ и глубокомъ смыслѣ постигалъ значеніе пауки для человѣчества и для своего народа тотъ, кто заложилъ у насъ самое зданіе ея — Ломоносовъ. Этимъ объясняются и его энергическое дѣятельное участіе въ основаніи высшаго ея органа, Московскаго уни-

верситета, и его стремлениѣ поставить науку во главѣ умственнаго движенія общества, и его патріотическое рвение сдѣлать ее достояніемъ русскаго ума, въ силы коего онъ справедливо вѣрилъ, потому что зналъ ихъ и совмѣщалъ въ себѣ, и его упорный антагонизмъ противъ иностранцевъ, желавшихъ присвоить себѣ и закрыть за собою монополію науки въ Россіи, и его благородно-горделивое сознаніе своего достоинства въ кругу людей высшаго званія, преклонившихся въ лицѣ его передъ могуществомъ великой нравственной силы, и наконецъ, та свобода духа, которую онъ первый у насъ осуществилъ въ себѣ, и безъ которой могутъ употребляться имена и составляться программы науки, но не будетъ самой науки. Въ Ломоносовѣ совершился у насъ актъ уже не государственного, а національнаго признания и усвоенія науки, актъ, который долженъ быть послужитъ началомъ настоящаго, внутренняго преобразованія и обновленія Россіи. Это было только начало, начало, полное великихъ послѣдствій.

Могло ли однако новое начавшееся движеніе развиться безпрепятственно? По закону всякой силы, домогающейся и достойной успѣха, ей надлежало окрѣпнуть въ борьбѣ; и вотъ одинъ изъ самыхъ тѣжкихъ моментовъ послѣдней мы видимъ въ событиїи, относящемся къ исторіи С.-Петербургскаго университета. Это не была борьба съ государственными препрѣдами: государство само, какъ мы сейчасъ сказали, вызвавшее новое движеніе, обязанное ему своими лучшими успѣхами и блескомъ, было напротивъ того его опорой и охранителемъ. То не была борьба и съ обществомъ: общество врожденными ему наклонностями и инстинктами вовлекалось неудержимо и быстро въ потокъ новыхъ идей. Это была борьба съ тѣми темными силами, которыя, какъ роковой неизбѣжный продуктъ страстей человѣческихъ и эгоизма, таятся во всякомъ порядкѣ вещей, и коихъ роль задерживать и обращать по возможности, вслѣдъ всякое естественное развитіе жизни, все разумное, чтѣ хотѣть и стремится сдѣлать шагъ впередъ къ лучшему для всѣхъ, на сколько это позволено сомнительнымъ жребиемъ вещей человѣческихъ. Всегда и вездѣ являются люди, готовые стать подъ знамя этихъ силъ, не потому, чтобъ они сознательно хотѣли поддерживать зло—этого не бываетъ въ человѣческой натурѣ—но потому, что они лишены вкуса ко всему свѣтлому и великому и способны только къ грубому и пошлому пониманію вещей. А между тѣмъ на ихъ долю часто выпадаетъ, по прихоти судьбы, возможность дѣлать много хорошаго и дурнаго, и тутъ-то и не оказывается у нихъ ни столько ума и образованія, чтобы въ сложныхъ вопросахъ, подлежащихъ имъ рѣ-

шению, отличить одно отъ другаго, ни столько душевной силы, чтобы признать надъ собою власти другихъ, болѣе разумныхъ руководящихъ началъ, чѣмъ тѣ, которыя тупо и неловко они признали за лучшія и вѣрныя. И къ сожалѣнію, эти люди вовлекаютъ въ свои виды и дѣлаютъ своими пособниками и такія силы, которыя не для того назначены, и которымъ никакъ не приходилось бы быть орудіями чужихъ дурныхъ страстей и исклѣпныхъ замысловъ. Но такъ бывало часто и будетъ и впередъ, вѣроятно потому, что иначе быть не можетъ. Обстоятельства въ жизни человѣческой обыкновенно слагаются такимъ образомъ, что въ нихъ всегда можно найти оружіе и на защиту, и на пораженіе истини; борьба во имя ея можетъ на время принять опасный для нея характеръ, попадобится даже, и можетъ быть, надуть жертвы, и людямъ робкимъ и педальновиднымъ можетъ показаться въ эти зловѣщія минуты, что дѣло истины проиграно, тогда какъ оно только затруднено... Такъ было у насъ съ дѣломъ науки. Враждебныя ей обстоятельства существовали въ самомъ ходѣ вещей, и между прочимъ то, что сроднило насъ съ пею, наше сближеніе съ западною Европой, страннымъ образомъ послужило и точкой опоры для нападеній па нее. Въ теченіе прошедшаго столѣтія связи наши съ западною Европой становились тѣснѣе и тѣснѣе. Начало нынѣшняго столѣтія скрѣпило ихъ общими страданіями, которыя разносилъ повсюду одинъ изъ опасныхъ и бѣдственныхъ гепіель исторіи, слѣдя за свою кровавою звѣздой; XII-й годъ освятилъ ихъ жертвами, принесенными Россіей для избавленія Европы отъ его славы и тираніи. Увлеченные силой этихъ связей, мы во многихъ случаяхъ смѣшивали необходимое для насъ въ общихъ видахъ Европы съ тѣмъ, отъ чего уклониться намъ слѣдовало и по чувству своего национального достоинства, и по внушенію своихъ интересовъ и потребностей. Многія изъ стремлений, тревогъ и опасеній, возникавшихъ въ средѣ европейскихъ народовъ вслѣдствіе ихъ национальныхъ и историческихъ особенностей, вызывавшія и соотвѣтствовавшую имъ дѣятельность правительствъ, были намъ совершенно чужды. Какъ первыя до насъ не касались, такъ и вторая не могла имѣть у насъ мѣста; иначе духъ заимствованія переходилъ бы уже свои законные предѣлы. Западная Европа уже долгое время выдерживаетъ процессъ перерожденія, коего исходъ и послѣдствія принадлежать, можетъ-быть, весьма отдаленному будущему. Германія, близкая намъ по многимъ причинамъ, около двадцатыхъ годовъ сдѣлалась особенно поощряемъ волненій. Для подавленія ихъ прибѣгли къ мѣрамъ репрессивнымъ, и какъ

духъ либеральный проявлялся преимущественно въ образованныхъ классахъ, а центромъ высшаго образования были университеты, то репрессивныя мѣры, разливавшіяся потокомъ по всей странѣ, должны были, конечно, охватить и эти святыни науки. Все это — и то, что возбуждало умы къ волненію, и усилія, которыми думали его утишить, все это составляло домашніе счеты Нѣмцевъ. Казалось бы, что намъ не было никакого дѣла ни до того, чтѣ происходило въ средѣ ихъ, ни до того, какъ дѣйствовали тамъ люди власти. Наша общественность не была на столько развита, чтобы въ ней могли родиться разныя утонченности, дѣлающія умы слишкомъ требовательными и взыскательными въ вопросахъ соціальныхъ и политическихъ; да и самые эти вопросы или мало ей были доступны, или вовсе недоступны, и главное, чужды. Словомъ, въ ней не заключалось ничего такого, что могло бы въ данный моментъ возбуждать опасенія за судьбу ея или быть поводомъ къ какимъ бы то ни было общимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Нашимъ юнымъ университетамъ не изъ чего было почерпать стихій къ возбужденію общественныхъ страстей; они, какъ могли и какъ умѣли, трудились надъ распространеніемъ въ отечествѣ высшихъ знаній, чистая наука была единственою цѣлью ихъ, и они нуждались скорѣе въ поощреніи, нежели въ угрозахъ и полицейскихъ стѣсненіяхъ. Но духъ подражанія, помимо всѣхъ этихъ реальныхъ данныхъ, совершиенно абстрактно захотѣлъ усвоить себѣ и въ отношеніи къ университетамъ мѣры, имѣвшія по крайней мѣрѣ наружный логический видъ въ другой средѣ. Наши подражатели иноземнымъ правительственныймъ образцамъ, не обращавшіе никакого вниманія на нужды и условия своей страны, сильно однако ошибались въ существенному элементѣ самого вопроса, возбудившаго ихъ соревнованіе. Они направили свои удары на науку, чьему могли только удивляться образцы ихъ, да развѣ радоваться враги наши, которымъ было тогда, какъ и теперь, не по сердцу утвержденіе нашего могущества на прочныхъ умственныхъ и нравственныхъ основахъ. Хотя университеты въ Германіи претерпѣвали гнѣсть принятой въ ней антилиберальной системы, однако вовсе не наука была предметомъ преслѣдованій. Вопросъ, возбуждавшій борьбу, стоялъ тамъ на почвѣ политической; преслѣдуемы были идеи и тенденціи, выходившія изъ самой жизни и отношеній между элементами и силами, давно и не разъ приходившими въ столкновеніе въ своемъ историческомъ ходѣ; идеи эти и тенденціи носились, такъ-сказать, въ воздухѣ, ихъ вдыхали въ себя молодые умы не на школьной скамьѣ, а вездѣ, гдѣ могло оказываться недовольство су-

ществовавшимъ порядкомъ вещей, — и если въ наукѣ находились черты, новидимому, совпадавшія съ ихъ стремлѣніями, то это происходило вовсе не изъ того, что наука хотѣла стоять за одно съ общимъ броженіемъ умовъ, а изъ ея собственнаго логическаго движенія, направленаго совсѣмъ въ другую сторону и къ другимъ цѣлямъ, помимо тревожныхъ и измѣнчивыхъ волненій дня. Если высшія административныя лица подстерегали вездѣ и даже въ университетахъ замыслы, казавшіеся имъ, по ихъ соображеніямъ, вредными, и старались ихъ уничтожить, то все-таки не думали нападать на науку. Это было бы дѣломъ чудовищнымъ. Какой бы критикѣ ни подлежали ихъ дѣйствія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но все же, по крайней мѣрѣ, главныя пѣзъ административныхъ лицъ не были до такой степени неувѣжды, чтобы можно было обвинять ихъ въ томъ, будто они хотѣли погрузить въ варварство страну, вопреки всѣмъ требованіямъ здраваго смысла, усиливъ столькихъ поколѣній, пуждамъ общества и законамъ самой необходимости, или что все равно, подорвать въ корни цивилизацію Европы.

Все здѣсь изложенное, мы полагаемъ, достаточно разъяснять то, изъ какого источника преимущественно возникло у насъ реакціонное движение противъ науки, и какихъ свойствъ оно было. Не опираясь ни на какой мѣстный вызовъ, оно имѣло характеръ подражательный и вмѣстѣ совершенно отвлеченный и потому было важною ошибкой однихъ виновниковъ его и преступленіемъ другихъ. Замѣчательно, что оно вовсе не было въ согласіи съ видами правительства, и прежде, и тогда, и послѣ, постоянно выражавшаго полное сочувствіе и уваженіе къ наукѣ. Тѣмъ не менѣе движение это угрожало съ разу опрокинуть всю нашу послѣпетровскую исторію и какъ будто готовилось изгладить изъ памяти народной всѣ уже совершившіеся факты нашей модернѣй гражданственности. Казалось, нужно было явиться чрезвычайнымъ сплѣтомъ, чтобы задумать такой страшный переворотъ въ цѣлой системѣ нашего образованія. А между тѣмъ тутъ не было ничего похожаго на подобная силы. Это не было даже дѣломъ какой-нибудь усилившейся организованной партіи, которая бы посредствомъ этого движенія захотѣла утвердить за собою преобладающее вліяніе въ обществѣ. Надѣяние реакціонныхъ замысловъ трудились нѣсколько лицъ бюрократического свойства, одержимыхъ желаніемъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и во что бы ни стало добиться высокаго положенія въ странѣ, — лицъ, стоявшихъ далеко отъ центра правительственной власти, но посредствомъ разныхъ ухищреній и дер-

зости пріобрѣвшихъ вдругъ значительный вѣсъ въ управлениі. Съ по-
мощью общихъ мѣстъ, почерпнутыхъ изъ тогдашней іереміады о раз-
рушительномъ духѣ времени и проч., обильно расточавшихся передъ
тѣми, у кого была въ рукахъ дѣйствительная власть, они успѣли обрат-
ить на себя ихъ вниманіе, какъ ревностные охранители умственной
чистоты и цѣломудрія народа. Все это было похоже болѣе на интригу,
чѣмъ на серіозное предпріятіе, и намъ теперь могло бы показаться
дѣломъ болѣе смѣшнымъ, чѣмъ опаснымъ для образованности. Но для
современниковъ оно было полно тревогъ и тѣжкихъ опасеній, и мы
не имѣемъ права считать неважнымъ то, что радовало или печалило
нашихъ отцовъ.

Успѣху началъ, враждебныхъ наукъ и разуму въ эпоху, о которой
мы разсуждаемъ, сильно содѣствовала идея, овладѣвшая многими
умами, идея слабая по своей внутренней несостоятельности и могучая,
когда она, съ помощью фантазіи, успѣетъ укрѣпиться въ тѣхъ таин-
ственныхъ убѣжищахъ сердца, гдѣ вѣчно роятся тревожныя думы о
нашемъ перазгаданномъ жребіи. Отрѣшившаяся отъ всѣхъ законовъ
дѣйствительности и наполнила душу одними обманѣльными грезами,
она совершенно лишаетъ ее способности къ трезвой и правильной
дѣятельности. Мы говоримъ о мистицизмѣ. Участіе, какое онъ при-
нималъ въ обстоятельствахъ, нами излагаемыхъ, было столь значи-
тельно, что мы позволяемъ себѣ коснуться здѣсь нѣсколько вообще
свойствъ мистического направлениія, которое, конечно, какъ явленіе
психологическое, хотя и странное, заслуживаетъ изученія. Извѣстно,
что наука не произноситъ — потому что и не въ состояніи произнес-
ти — послѣдняго слова о нашихъ будущихъ судьбахъ, да она не
предъявляетъ и притязанія на то, а духъ человѣческій между тѣмъ
держдеть успокительного отвѣта на вопросъ: что же я въ этомъ без-
конечномъ мірозданіи, и чѣмъ суждено мій сдѣлаться? Умъ поло-
жительный и точный избѣгаєтъ этого вопроса, зная, что онъ не пай-
детъ на него удовлѣтворительного отвѣта ни въ самомъ себѣ, ни въ
опытахъ вѣковъ; благочестивое сердце находитъ полное обезпечѣніе
своей будущности въ довѣріи къ Божественному Промыслу и всѣ свои
недоумѣнія разрѣшаѣтъ тихою покорностью Его святой волѣ, вѣри, что
она можетъ повелѣти и сама исполнитъ только то, что благо и разумно.
Но есть души страстиныя, поэтическія, которыхъ не только покоряются
въ чувствѣ смиренія, но хотятъ вкушать и плоды своей покорности, и
притомъ немедленно, если можно — теперь же. Они отвергаютъ знаніе
возможное и доступное для человѣка и ищутъ такого, которое еслиъ

и было возможно, то ни въ чём не послужило бы при настоящихъ условияхъ его бытія. Для нихъ не существуетъ строгихъ и всевластныхъ законовъ дѣйствительности, которую они презираютъ за ея упорную неподатливость ни на что, кромъ исполненія этихъ законовъ; для нихъ не существуетъ и путей, которыми разумъ доходитъ до извѣстнаго рода удостовѣреній или уничтожасть удостовѣреній мнимыя, кажущіяся. Въ разумѣ они видятъ своего врага, такъ какъ онъ не легко поддается какимъ бы то ни было иллюзіямъ или обольщѣніямъ чувства и фантазіи. У насъ они даже заклеймили его особымъ позорнымъ словомъ: „лжеименного“. Минуя его, они на крыльяхъ фантазіи возносятся въ высшія сферы и вступаютъ тамъ въ непосредственное общеніе съ міромъ духовнымъ. И здѣсь-то, въ союзѣ съ сверхъестественными силами, они находять удовлетвореніе своимъ пламеннымъ чувствованіямъ и надеждамъ и думаютъ предвкушать тѣ небесныя радости, какихъ, конечно, ни разумъ съ своею наукой, ни скромная простодушная вѣра, чувствующая себя обязанною подчиняться условіямъ сего дол资料ного міра, дать не могутъ. Изъ этого-то поэтическаго настроенія, стремящагося не только творить самые отважные идеалы, но созерцать и осязать ихъ, образуется мистическое пастроеніе, сопровождающее въ разныхъ видахъ всѣ фазисы человѣческаго развитія отъ древнаго неоплатонизма и єсургіи до восторженостей г-жа Гіоньи, грэзъ Розенкрайцеровъ или духовидѣнія Сведенборга, до спиритизма и верченія столовъ нашего времени включительно. Бываютъ эпохи, особенно благопріятствующія усиленію и распространенію мистическихъ возврѣшпій. Это эпохи великихъ общественныхъ бѣдствій и катастрофъ, когда, повидимому, самыя крѣпкія, созданныя человѣкомъ основы нравственшаго и общественнаго порядка и убѣждений колеблятся, рушатся и погребаются въ обломкахъ своихъ и падея, и людей. Дѣйствительность тогда получаетъ самый привлекательный видъ. Все, что поражало своимъ величиемъ и блескомъ, пресмыкается въ прахѣ; что считалось достовѣрнымъ, оказывается сомнительнымъ и несостоятельнымъ предъ глазами ума, какъ будто утратившаго на время вѣру въ самого себя и въ истину. Пылкимъ поэтическимъ душамъ остается одно — бросить землю, упитанную кровью и слезами, и въ другихъ сферахъ искать спасенія своимъ завѣтнымъ думамъ и чаяніямъ невыработавшагося, да и недослѣдованаго совершенства. Конечно, въ этомъ нѣсколько строитивомъ и нисколько не помогающемъ дѣлу отчужденіи отъ дѣйствительности, какова она ни есть, не оказывается наложенности въ умственному и всякому другому труду, на

который обреченъ, и къ которому обязанъ человѣкъ, ни мужества, верховиѣйшей изъ добродѣтелей, приличныхъ ему въ обстоятельствахъ, въ какія онъ вовлекается на землѣ. Но тутъ предстоитъ соблазнъ невозмутимаго счастья, и люди забываютъ, что созданію, составляющему едва замѣтную частицу великаго цѣлаго, по милости коего оно только и существуетъ, прежде всего подобаетъ, такъ-сказать, узнать волю этого цѣлага, а затѣмъ разумно подчиниться ей.

Упражненіе въ мистическомъ созерцаніи само по себѣ невиннаго свойства. На него можно смотрѣть, какъ на естественный симптомъ чувства, глубоко уединившагося въ самомъ себѣ и свои пристрастія считающаго за мѣрило истины. Вообще мистицизмъ, какъ субъективное настроеніе духа, стремящагося вознестишись надъ превратностями земной доли, не лишенъ пѣкоторой своего рода возвышенности. Но одно грубое невѣжество или злоумышленіе противъ успѣховъ ума человѣческаго и образованія можетъ сдѣлать изъ него приложеніе подобное тому, какое сдѣлали изъ него реакціонеры. Извлекши изъ него лучшій его элементъ, высокій религіозно-христіанскій принципъ, и обставивъ его суемудрыми толкованіями, они усиливались подчинить его вѣщательству и господству всѣ интересы знанія и умственнаго развитія, вопреки духу божественнаго основателя христіанской церкви, сказавшаго: „Воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови“. Они не понимали, какъ глубоко сами оскорбляютъ религіозно-христіанскій принципъ, не замѣчали, что отъ ихъ грубаго и неразумнаго приосновенія онъ терпѣль такое же пораженіе, какъ и наука, на мѣсто коей они его ставили, что перенесеній въ сферу умственныхъ опытовъ и знанія, онъ теряетъ свою неземную чистоту, и дѣлалась орудiemъ чуждыхъ ему цѣлей, становится отвѣтственнымъ за такія дѣла и намѣренія, кои несовмѣстны ни съ его сущностью, ни съ достоинствомъ: онъ призванъ не производить знаніе, а дополнять его тѣмъ, чтѣ не есть знаніе, но чтѣ выше всякаго знанія. Подчинивъ ему, такъ-сказать, противъ его воли науку, они предписали ей, если можно такъ выразиться, режимъ и правила поведенія, совершенно извращавшіе ея задачи и методъ. Они захотѣли распорижаться са-мымъ ея содержаніемъ, то исключая изъ него стихіи существенныя и основныя, то замѣняя ихъ плодами своего собственнаго изобрѣтенія и воззрѣній; словомъ, кощунствуя и издѣлывая надъ дѣломъ всего человѣчества, они на мѣсто науки ставили свою выдумку и дѣлали изъ нея нечто столь чудовищное, что ея никто не узнавалъ даже изъ тѣхъ, на комъ лежала обязанность знать ее.

Грустнос зрѣлище представляется всегда, когда важныя общественные дѣла попадаютъ въ руки или безсовѣстныхъ, или скудоумныхъ, или малообразованныхъ дѣятелей. Конечно, міръ управляетъ не пши, хотя многіе изъ нихъ готовы думать иначе, и послѣдствія ихъ дѣяній вмѣсто того, чтобы доставить имъ радость исполнившихся надеждъ, обращаются противъ нихъ же самихъ и дѣлаютъ ихъ предметомъ посмѣянія и презрѣнія. Однако для части человѣческихъ обществъ и даже для блага многихъ, если не всѣхъ, желательно было бы, чтобы эти люди ничего не значили въ обществѣ, такъ какъ они ничего не значатъ въ своихъ способностяхъ и характерѣ. Независимо отъ всякаго существеннаго беспорядка, причиняя-щаго ими, есть что-то оскорбительное для человѣческаго достоинства видѣть, какъ безмыслиность и суетность распоряжаются вещами тамъ, гдѣ стѣдуясь дѣлствовать уму и дарованіямъ.

Между подвизавшимся на поприщѣ омраченія и стѣсненія русской мысли и русскихъ умовъ, самое видное, если не главное, мѣсто занимаетъ бывшій попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, членъ главнаго правленія училищъ, известный, и даже слишкомъ известный, Михаилъ Леопольдовичъ Магницкій. О немъ мы будемъ говорить ниже. Такъ какъ вопросы, запамятавшіе этихъ людей, вращались въ сферѣ народнаго образования, то естественно ихъ усиія были устремлены на приобрѣтеніе вліянія въ управлениі этою частію. Министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія былъ тогда князь А. Н. Голицынъ. Въ послѣдствіи на него нали упреки въ донущеніи зла, свирѣпствовавшаго въ Казанскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ. Разумѣется, какъ одинъ изъ государственныхъ органовъ и глава извѣстной части управлепія, онъ подлежитъ отвѣтственности предъ общественнымъ мнѣніемъ и потомствомъ за все дурное, что дѣлалось въ сферахъ его власти. Общественное мнѣніе и потомство, соразмѣряя послѣдствія съ важнымъ значеніемъ правительственнаго поста, не спрашиваютъ, какъ тѣлѣ дѣла по бюрократической рутинѣ, но что существеннаго, жизненнаго занимающій его внесъ въ организмъ государства, такъ какъ посты его былъ государственный. Это историческая оцѣнка высшихъ общественныхъ дѣятелей. Но кромѣ исторической, есть для нихъ еще оцѣнка психологическая и правственная. Если поступковъ ихъ нельзя приписать однимъ пизкимъ побужденіямъ мелкаго честолюбія, желанію достигнуть высшихъ степеней власти, жаждѣ денегъ, и если, не смотря на всѣ обаянія почестей и благъ житейскихъ, въ ихъ сердцѣ теплится живое человѣческое

чувство вѣры въ правдивыи истины, любовь къ людямъ и отечеству, то исторія, не смотря на ихъ ошибки, не произнесетъ надъ ними слишкомъ строгаго приговора, потому что все-таки въ нихъ выражается одна изъ утѣшительныхъ, прекрасныхъ сторонъ человѣческой натуры. Исторія назоветъ ихъ дѣятелями честными, хотя и заблуждавшимися, а это не мало для людей, облеченихъ властью, и которыхъ власть обыкновенно портить, очерствляя ихъ душу. Не выносить своего величія — увы! — есть жребій многихъ изъ великихъ міра сего. Князь Голицынъ, подобно большей части нашихъ общественныхъ дѣятелей, не получилъ въ юности того строгаго и прочного образования, которое оказывается для нихъ необходимымъ въ послѣдствіи, когда судьба или ихъ дарованія призовутъ ихъ къ высшей государственной дѣятельности. Но начавъ службу свою при Екатеринѣ II и продолжая ее во все царствованіе императора Александра I, вблизи ихъ, посреди событій то блестящихъ для Россіи, то потрясавшихъ и измѣнявшихъ міръ, онъ прошелъ школу весьма трудную и назидательную. При его счастливыхъ способностяхъ, при воспріимчивомъ, гибкомъ и наблюдательномъ умѣ, она должна была поставить его на высоту обширныхъ государственныхъ видовъ и идей, а также сообщить ему, вмѣстѣ съ знаніемъ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ, иѣ-которую манеру и тактъ, отличающіе высшихъ правительственныйыхъ дѣятелей. Онъ любилъ и могъ размышлять много, не чуждаясь даже предметовъ отвлеченныхъ, которыхъ обыкновенно боятся умы ограниченные, способные мыслить только по востребованію наставшаго случая и полагающіе пайдти отвѣтъ на всѣ вопросы пуждъ и жизни человѣческой въ опыта дна и привычкахъ рутинѣ. Это была личность, выработавшаяся по нравственнымъ образцамъ стили тонкаго и изящнаго. Но отличительными свойствами и самыми видными свойствами его была рѣдкая доброта душевная. Это могутъ подтвердить всѣ лично и хорошо его знающие, и между прочими и авторъ настоящей монографіи, обязанный его прекрасному сердцу даже возможностію дѣятельности, плодомъ коей служать и эти написанные имъ страницы¹⁾.

¹⁾ Авторъ, въ началѣ юности своей, имѣль счастіе небольшимъ своимъ сочиненіемъ обратить на себя вниманіе князя А. Н. Голицына, и по его желанію, былъ вызванъ въ Петербургъ въ 1824 году, въ концѣ министерскаго посредства князя. Не смотря на свою провинциальнуу неуклюжестъ и неразвитость, авторъ былъ принятъ княземъ съ невыразимымъ добродушіемъ, обласканъ имъ, ободренъ, удостоенъ самаго теплого вниманія къ его виѣшнему и умственному состоянію и наконецъ для довершения его крайне недостаточнаго образованія помѣщенъ въ

Песмотря на то, что въ особѣ князя Голицына сохранилась иѣкоторая саловитость вслѣмъ Екатерининской эпохи, не было человѣка, столь сообщительного и доступнаго для всѣхъ, какъ онъ, столь способнаго привести въ забвеніе все, чѣмъ онъ былъ выше другихъ, столь искрениаго въ своемъ благорасположеніи, столь простаго и чуждаго всякой аффекціи, расчитанной на извѣстное впечатлѣніе и приобрѣтеніе популярности. Съ первого слова его, сопровождавшаго обыкновенно тонкою и вмѣстѣ добродушною улыбкой, вы уже чувствовали на себѣ влияніе той сердечной теплоты, которая заставляетъ всякаго радоваться, когда въ кабинетѣ государственноаго сановника онъ находитъ человѣка. Въ немъ было нравственное настроеніе, которое, очищая сердце отъ грубаго и пошлого эгоизма, возводить человѣка до высокихъ убѣжденийъ гражданина и патріота. Онъ былъ искренне и глубоко преданъ государю и отечеству; онъ любилъ Россію, какъ истицій Русскій и вмѣстѣ какъ такой государственный человѣкъ, который на каждой новой ступени своего возвышенія видѣть одно новое обязательство служить отечеству ревностнѣе и лучше. Князь Голицынъ былъ религіозенъ; находились люди, не вѣрившіе въ искренность этой религіозности. Они полагали, что государственному человѣку какъ будто не свойственно быть искреннимъ въ чемъ бы то ни было. Вѣроятно, это происходило отъ той пошлой мысли, усвоенной себѣ маленькими умами и маленькими душами, что міръ не можетъ быть управляемъ иначе, какъ съ помощью различныхъ ухищреній и обмана, то извращающихъ, то скрывающихъ истину. Въ какой степени Голицынъ былъ мистикомъ, мы не знаемъ. Говорили, между прочимъ, въ доказательство его мистического направленія, что онъ ис-

университетъ. Пока не упрочилось иѣсколько его положеніе, князь заботился о его материальныхъ нуждахъ, и въ послѣдствіи, при его содѣйствіи, ему назначено было отъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ примѣръ другимъ (тогда еще не было стипендій), денежное пособіе для окончанія университетскаго курса, такъ какъ онъ не пожелалъ вступить въ число казеникоштныхъ студентовъ. До какой степени простиралась, можно сказать, отеческая заботливость князя о молодомъ человѣкѣ, ничѣмъ не заслужившемъ его благорасположенія, между прочимъ видно изъ того, что кромѣ всегдашняго къ нему свободнаго доступа въ случаѣ необходимости, ему нально было, особенно въ начаѣ, разъ въ каждыл двѣ недѣли являться къ князю, чтобы быть, такъ-сказать, постоянно на его глазахъ, и какъ выражался князь, не затеряться въ огромномъ городѣ. Подробности изложенного здѣсь, не лишенны иѣкоторой своего рода занимательности, сохранены въ воспоминаніяхъ автора, съ которыми онъ намѣренъ, если позволятъ обстоятельства, со временемъ познакомить публику.

ревель съ французскаго языка первыя главы извѣстной въ то время ультра-мистической книги Дютуа, подъ заглавiemъ: *Божественная философія*. Правда ли это, намъ также неизвѣстно. Извѣстно, что онъ былъ главою и покровителемъ библейскихъ обществъ; по заботиться о распространеніи въ обществѣ книгъ Священнаго Писанія, особенно Евангелія, не значило еще совсѣмъ быть мистикомъ. Повторяясь, основывалась на свидѣтельствѣ лицъ, близко его знавшихъ, и отчасти на собственныхъ нашихъ наблюденіяхъ, — князь Голицынъ былъ религіозенъ искренно и притомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; въ этомъ состояло различіе его отъ тѣхъ лицъ, которыхъ, къ несчастію, воспользовались его чувствованіями, чтобы на нихъ утвердить свою систему ретрограднаго движенія.

Но какъ же могло случиться, что человѣкъ съ такими свойствами попустилъ пѣсколькоимъ личностямъ распоряжаться умственными интересами своего отечества къ явному ихъ вреду? Князю Голицыну было ввѣрено попеченіе о столь же трудныхъ, какъ и важныхъ вопросахъ управлениія, о вопросахъ умственныхъ, вопросахъ идей и притомъ въ такой странѣ, где они не были поставлены въ явномъ свѣтѣ, и где, такъ-сказать, ощупью надлежало искать на нихъ отвѣта. Единственная сила, могущая направлять дѣйствія администраціи и предохранять ее отъ ошибокъ какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, это — сила общественнаго мнѣнія, и когда она еще недостаточно зреяла или лишена вліянія, тогда всякому ловкому и предпримчивому авантюристу не трудно бываетъ овладѣть для своихъ соискателей тѣми пунктами общественнаго движенія, где преднарѣтываются и соображаются мѣры хотя бы то съ самыми лучшими общеполезными видами. Князь Голицынъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ высокомѣрныхъ людей, которые думаютъ, что единственно въ ихъ индивидуальномъ умѣ заключается вся устроющая и распорядительная мудрость; но онъ былъ подготовленъ къ принятию проектовъ и предположеній, которыхъ онъ никакъ не могъ бы допустить по убѣждѣнію, а допускалъ только какъ *вынужденную необходиимость*. Главная его ошибка состояла въ томъ, что онъ обращалъ излишнее вниманіе на ходъ вещей въ западномъ европейскомъ мірѣ и тѣмъ уклонился отъ правильнаго воззрѣнія на ходъ ихъ въ мірѣ русскомъ. Его взгляды и понятія развились и созрѣли подъ вліяніемъ событий, волновавшихъ современную ему Европу, а эти события приводили въ смущеніе многихъ и легко могли подействовать на государственного человѣка, стоявшаго, такъ-сказать, на стражѣ движенія и

учественной безопасности своего народа. Неудивительно, что бывъ лицемъ ответственнымъ предъ государемъ, отечествомъ и своею совѣстю въ важномъ управлениі, на него возложенномъ, и глубоко чувствуя свою ответственность, онъ пришелъ къ мысли о необходимости предохранить свое отечество отъ тѣхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ золъ, какихъ свидѣтелемъ онъ былъ въ западной Европѣ, тѣмъ болѣе, что вообще вопросъ о направлениі, какое должно принять наше образованіе, и безъ того не могъ не занимать наши государственные власти, такъ какъ пимъ оно было обязано почти всѣми своими начатками. Вопросъ этотъ по сираведливости долженъ быть сдѣлаться предметомъ важнѣйшихъ правительственныхъ соображеній и источниковъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ одна другой системъ и плановъ. Россія извипительнѣе было, чѣмъ какой-либо другой странѣ, впадать здѣсь въ колебанія и недоумѣнія. Истори-гнутая изъ тихой пристани, гдѣ, подобно громадному кораблю, она привыкла стоять неподвижно на якорѣ старины, и брошенная внес-запио въ безпредѣльный океанъ исторического всеобщаго движенія, безъ компаса и вѣрной карты, хотя и послушная рулю, она естес-ственно должна была попадать въ разныя и противоположныя тече-нія, измѣнить нерѣдко свой курсъ и перевѣрять свои вычислениія, и во всемъ этомъ встрѣчались естественно и неизбѣжно ошибки. Мы не могли, подобно другимъ народамъ, находить опоры ни въ обще-ственномъ мнѣніи, еще не выработавшемся и не пріобрѣвшемъ до-статочной силы, ни въ традиціяхъ прошедшаго, гдѣ бы заключались указанія и залоги будущаго.

Во всемъ этомъ однако не было никакого повода ополчаться про-тивъ науки; напротивъ того, и положеніе вещей, и вспіюція наши потребности совершенно повелѣвали поддерживать ее всѣми возмож-ными способами, какъ силу, въ которой Россія находила опору зна-ченія, пріобрѣтенаго ѿ всѣхъ системъ европейскихъ державъ, и какъ источникъ всякаго народнаго преуспѣяня. Никакая ошибка, никакая вредная случайность не были бы для Россія столь пагубными, какъ ретроградное направление съ унадкомъ науки, еслибъ оно установи-лось и пошло далѣе по пути, указанному реакціонерами. Князь Го-лицынъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ этого намѣренія; онъ только не опѣнилъ вполнѣ того участія, которое принимала и принимаетъ наука въ развитіи и возвышеніи всей гражданственности вообще, и нашей въ особенности, а не оцѣнилъ его вполнѣ, потому что мало было зна-комъ съ наукой, а слѣдовательно, и съ условіями ея существованія.

Его образование не имѣло строгаго научнаго характера, хотя и заключало въ себѣ тѣ идеи, которыми богаты такъ-называемые по свѣтскіи образованные люди. Но послѣднее не можетъ замѣнить перваго ни въ какихъ вопросахъ, имѣющихъ всеобщее общественное или государственное значеніе. Тутъ важны не одни правила и предписанія науки, которая останутся безплодными, если ихъ вздумаютъ примѣнить безразсудно, неумѣсто или несвоевременно; важна внутренняя сила истины, въ наукѣ живущая, отвлекающая умы отъ всякой лжи преднамѣренної и непреднамѣреної; важны сообщаемое ею, и ею одною, здравое, точное и ясное пониманіе вещей и отстраненіе привычныхъ, но ни на чёмъ не основанныхъ мнѣній; наконецъ, важенъ въ иной тотъ животворный, образующій и преобразующій духъ, который, дѣйствуя неощущительно и незамѣтно на всего человѣка, воздѣлываетъ и немъ, такъ-сказать, почву для благороднѣйшихъ и общеполезнѣйшихъ стремленій и дѣйствій.

При обстоятельствахъ и недостаткахъ, какіе мы сейчасъ видѣли, прекрасныя качества князя Голицына не предохранили его отъ пагубнаго вліянія лицъ, умѣвшихъ вкрасться въ его довѣренность, воспользоваться одними и усыпить по крайней мѣрѣ другія. Главнымъ виновникомъ распоряженій, вредныхъ для университетовъ и науки, исходившихъ въ то время отъ министерства народнаго просвѣщенія, общественное мнѣніе признало М. Л. Магницкаго. Въ архивахъ министерства находится неопровергнутое доказательство справедливости такого обвиненія. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи дѣло о ревизіи Казанскаго университета, которую Высочайше поручено было произвести генералу Желтухину. Магницкій, хотя носредственно, однако игралъ такую важную роль въ судьбѣ С.-Петербургскаго университета и въ судьбѣ профессора Галича, что мы не можемъ не попытаться обозначить здѣсь его характеръ хоть иѣкоторыми чертами такъ, какъ онъ представляются намъ въ документахъ и въ воспоминаніяхъ людей, лично его знавшихъ. Магницкій выдвигался замѣтно изъ толпы рядовыхъ лицъ; онъ принадлежалъ къ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыхъ надѣлены способностями, недостаточно великими, чтобы предпринимать и совершать дѣла высшаго историческаго значенія, и однако на столько замѣчательными, чтобы не довольствоваться одною ролью простыхъ исполнителей въ средѣ общественной и служебной. Худо, если при этихъ сомнительныхъ правахъ или полуправахъ на чрезвычайный и блестящій жребій, они лишены правственныхъ вѣрованій и самообладанія. Ихъ судьба — разжигаться вѣчно

желаниями, которых им умърить, и то удовлетворить они не въ силахъ. При сознаніи въ себѣ иѣкоторыхъ неоспоримыхъ достоинствъ и силъ, они до того становятся невоздержны въ своихъ требованіяхъ и самообожаніе, что готовы отважиться на все, лишь бы доказать людямъ существованіе въ себѣ высшихъ качествъ и свое право на пре-восходство предъ иими, а за тѣмъ въ нихъ начинается такое смѣ-щеніе и путаница стремлений, идей, проектовъ, что тутъ совершенно исчезаютъ уже всякия благія цѣли, которыхъ они любятъ выставлять на показъ, исчезаютъ всякое правдивое убѣжденіе и ясное понима-ніе того, чѣдѣ должно, и чѣдѣ возможно, пока наконецъ они не очу-тятся лицемъ къ лицу или съ исказленію искѣпѣстностью, или съ пре-ступленіемъ. Это личности ненормальные. Конечно, и въ нихъ вы-полняется извѣстный законъ природы; но при видѣ того, что они производятъ, и того, что они терпятъ перѣдко сами, невольно вхо-дить въ голову вопросъ: зачѣмъ они, и хорошо ли дѣласть общес-тво, что никогда неопускаетъ ихъ вторгаться въ высшую сферу дѣл-тельности, гдѣ ничего, кроме безпорядка, они произвести не мо-гутъ? Это тѣ печальныя и жалкія честолюбія, которыхъ желаютъ во чѣто то ии стало показать свѣту, что и они способны управ-лять имъ; но за невозможностю открыть настоящіе и приличные къ тому способы, они или пишутъ злые шамфлеты, обрекающіе на иѣчный позоръ все, чѣдѣ дѣляется не по ихъ идеямъ, или предъяв-ляютъ свои проекты, по которымъ, если бы было сдѣлано то, чѣто они хотятъ, то и свѣтъ пересталъ бы существовать. Случается однако, и къ сожалѣнію, перѣдко, что изъ среды треволненій обществен-ныхъ, гдѣ имъ бы и слѣдовало потонуть, какъ какимъ-то мимо-летищемъ, хотя и блестящимъ призракамъ, случается, говоримъ, что счастливая волна выбросить ихъ на какую-нибудь высоту, гдѣ они располагаются сіять и освѣщать пути другимъ, конечно, не надолго, однако и не безъ вреда для путниковъ, неосторожно вѣбрюющихся коварному указанию.

По свидѣтельству людей, знавшихъ лично Магницкаго, онъ от-личался многими обаятельными качествами. Съ прекрасною наруж-ностью вообще, съ оживленіемъ и выразительной физіономіей лица онъ соединялъ даръ живописного слова и обращенію своему усвоилъ виолинъ мастеръ лучшаго общества. Не мудрено, что обращеніе это, привлекательное значительною долею ума смѣтливаго, гибкаго, то по-ражающаго смѣлостю свою, то вѣрадчиваго и способнаго искусно примѣняться къ лицамъ и обстоятельствамъ, умѣвшаго притомъ легкѣ

свои знанія или полузнанія выдавать за нѣчто глубокое и важное,— не мудрено, говоримъ, что при этихъ средствахъ онъ скоро снискалъ благорасположеніе не только людей свѣтскихъ, но и людей болѣе серіозныхъ, дѣловыхъ, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ общественныхъ. Значитъ, Магницкій въ цвѣтѣ лѣта и силъ могъ уже и имѣть право думать о всевозможныхъ успѣхахъ въ жизни и блестящей служебной карьерѣ; онъ и думалъ о нихъ. Какое бы мѣсто онъ ни занималъ по службѣ, онъ не могъ оставаться не замѣченнымъ, а быть разъ замѣченъ, онъ обыкновенное служебное или бюрократическое честолюбіе тотчасъ замѣнялъ честолюбіемъ высшаго рода. Это было естественно. Дарованія его, дѣйствительно, были такого свойства, что съ ними можно было разчитывать не на одно повышеніе чиномъ, но на вліяніе, на власть болѣе могучую и существенную, чѣмъ власть въ чиновной средѣ, и скоро онъ вообразилъ, что и на высшемъ государственномъ посту онъ могъ бы сіять, какъ звѣзда первой величины. Все это не заключало еще въ себѣ большой бѣды. Но достойно сожалѣнія то, что при своихъ покушеніяхъ на обширныя предпріятія онъ имѣлъ весьма грубыя и пошлые понятія объ обязанностяхъ и отвѣтственности того высокаго положенія, кото-раго добивался, что подъ фосфорическимъ блескомъ его ума и знаній скрывались самыя нерѣжественные воззрѣнія на существенные вопросы науки, просвѣщенія, народнаго развитія, что онъ думалъ насильственno и произвольно распоряжаться умственными сокровищами своего отечества, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о его потребностяхъ, ни о его исторической роли и стараясь преградить ему пути къ лучшей и высокой будущности. Наконецъ, главное, достойно сожалѣнія то, что человѣкъ съ такими сомнѣтельными достоинствами и съ такими несомнѣнными пороками нашелъ способъ и возможность свои проекты, достойные дома умалищенныхъ, примѣнить на практикѣ.

Слѣдуетъ ли однако изъ всего этого выводить заключеніе, что пружины, двигавшія дѣйствіями Магницкаго, были однимъ преднамѣреннымъ обманомъ, что всѣ руководившія имъ идеи онъ самъ не признавалъ истинными и считалъ только орудіями для достиженія своихъ личныхъ цѣлей? Подобное заключеніе было бы большою психологическою ошибкою. Магницкій дѣйствовалъ не одними административными способами, а и убѣжденіями, имѣвшими вѣсъ и силу въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, не лишенныхъ ни достаточнаго ума, ни добрыхъ чувствованій. Нельзя убѣждать другихъ, не бывъ самъ убѣжен-

нимъ, не бывъ увѣреннымъ тѣмъ или другимъ образомъ въ истинѣ своихъ убѣжденій. Какъ бы ни были эгоистичны побужденія нашихъ дѣяній, но человѣкъ имѣеть такую непреодолимую потребность, уважая самого себя, уважать истину, что онъ не въ силахъ сознательно отъ нея отречься и способенъ скорѣе, въ ослѣпленіи ли страстей, или недѣлѣхъ учений, признать заблужденіе за истину, чѣмъ обойдтись безъ нея. Нѣтъ сомнѣнія, что Магницкій не вѣрилъ самъ многому изъ того, чтѣ опять предлагалъ; по иному онъ вѣрилъ, и это-то послѣднее, при всей своей весомости, давало видъ искренности приводимымъ имъ причинамъ и силу его вліянію. Такъ, напримѣръ, онъ могъ вѣритъ, что съ его тайными, честолюбивыми замыслами не несомнѣнна общая польза. Подъ прикрытиемъ этой мысли онъ, по свойству своего нынѣшняго духа, могъ шагъ за шагомъ идти къ самымъ неслыханнымъ и крайнимъ мѣрамъ въ своемъ управлѣніи и въ своей системѣ и наконецъ вообразить, что даже и то, чему онъ не вѣрилъ, послужитъ въ послѣдствіи къ общей пользѣ. Такимъ образомъ, смѣшавъ честное съ безчестнымъ и не слишкомъ строго контролируя себя, онъ очутился наконецъ весь на сторонѣ послѣдняго, потому что нельзя служить въ одно время двумъ господамъ; онъ забылъ, что условная честностьничѣмъ не лучше, если не хуже, полной безчестности. Тутъ видѣнъ крайний недостатокъ качества, которымъ вообще страдаетъ наше время, недостатокъ характера. На сторону зла онъ не могъ склониться сознательно и безусловно, потому что это несомнѣнно съ человѣческою природой; — на сторону добра, потому что это было противно его интересамъ, и можетъ быть, потребовало бы отъ него нѣкоторыхъ жертвъ. Надобно было прибѣгнуть къ компромиссу, а извѣстно, чѣмъ оканчиваются подобные сдѣлки: изъ нихъ-то и выходятъ самые дурные люди и самые дурные администраторы.

Намъ неизвѣстно, какъ Магницкій успѣлъ сблизиться съ княземъ Голицынымъ, подъ начальство коего поступилъ въ качествѣ члена главнаго управлѣнія училищъ и исправляющаго должность понечителя Казанскаго университета. Говорятъ, что онъ ъездилъ постоянно въ его домовую церковь и тамъ благоговѣйно съ колѣнъ преклоненіемъ молился на видномъ мѣстѣ, такъ что не могъ не обратить на себя вниманія князя. Какъ бы то ни было, а онъ успѣлъ овладѣть довѣріемъ министра, вѣроятно, въ тѣ тяжелые моменты, когда этотъ государственный человѣкъ недоумѣвалъ, какими средствами предотвратить въ свою очередь разливъ нагубныхъ идей, наводнившихъ Западъ. Маг-

ницкій съ обыкновенною своею проницательностію понялъ тотчасъ, что онъ можетъ оказать ему важную услугу, приведя занимающіе его вопросы въ опредѣленныя формулы и начертавъ цѣлый планъ административныхъ мѣръ, которая должны были, по его мнѣнію, установить наше образованіе на твердыхъ началахъ и спасти его отъ вліянія чужихъ разрушительныхъ учений. Затѣмъ ему, какъ творцу этого плана, нѣтрудно было тѣснѣе сблизиться съ министромъ, захватить часть его власти въ свои руки и управлять, съ ся помощью, ходомъ событий по своей волѣ. Всѣ симпатіи ministра вскликіи его къ принципамъ религіознымъ. Понимая духъ христіанства во всемъ его величіи и чистотѣ, онъ естественно ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій отъ его вліянія на нравственную и умственную сторону человѣка. Онъ думалъ, что мыслительныя силы человѣка, при озареніи его высшимъ свѣтотомъ, яснѣ будуть видѣть пути, ведущіе къ истинѣ. Но онъ не имѣлъ намѣренія извращать логику разума и подчинять его дѣйствія церковной дисциплинѣ и уставамъ, не думалъ, чтобы разуму отъ непосредственнаго откровенія свыше слѣдовало ожидать решенія тѣхъ задачъ, которая сама божественная премудрость предоставила собственнымъ его усиленіямъ и возложила на его отвѣтственность. Еще менѣе было въ характерѣ ministra дѣйствовать гоненіемъ: онъ былъ слишкомъ человѣческъ и просыпщень для этого. Но его можно было встревожить, испугать, представивъ ему, что наука и просыпщеніе у насть точно также, какъ на Западѣ, злоупотребляютъ своими правами, что онъ несомнѣнно находятся въ заговорѣ съ западными растѣльвающими учениками, что онъ готовы посягнуть и уже посягнули на ниспроверженіе существующаго порядка вещей и вѣры. Такъ Магницкій и поступилъ, и на этомъ устрашеніи основавъ свою систему мистическо-религіознаго образованія, началъ дѣйствовать съ энергией, достойною лучшаго дѣла. Въ одно и то же время однимъ актомъ онъ и открывалъ зло, и каралъ его, и противопоставилъ иссокрушимыи преграды дальнѣйшему его распросраненію. Онъ не давалъ, таѣсь сказать, опомниться министерству, не безъ изумленія, и можетъ-быть, не безъ тайного страха, смотрѣвшему на этотъ административный ураганъ, пешился съ такою быстротой и яростью по сѣва начавшей у насть воздѣлываться нивѣ науки. Можно съ достовѣрностію сказать, что оно не ожидало такого удивительнаго рвения и такой посыпшности, и что на некоторое время оно уступило какъ бы невольно ходу событий. Главные подвиги свои Магницкій совершилъ, какъ извѣстно, въ Казанскомъ университѣтѣ, куда быль посланъ съ чрез-

вычайными полномочиями, сперва для обревизованія его, а потомъ для управлениі имъ въ качествѣ попечителя. Университетъ этотъ испыталъ всѣ ужасы превращенія изъ учебной корпораціи въ какую-то аскетическую общину, гдѣ, какъ въ трапистскихъ монастыряхъ, можно было примишательно къ наукѣ, ко всякой мысли и ко всякому проявленію живой силы человѣческаго духа, произносить только *memento mori*. „Лжеименный“ разумъ былъ изгнанъ оттуда съ позоромъ, и все, какъ въ преподаваніи, такъ и въ надзорѣ за учащимися, должно было покоряться буквѣ Писанія или толкованіямъ, какія давалъ ему Магницкій. Ревнія Желтухина, о которой мы упоминали, заключаешь въ себѣ позитивные подробности о тогдашнемъ состояніи и управлениіи университета. Мы не пишемъ біографіи Магницкаго и потому не намѣрены излагать эти подробности. Желающіе могутъ отчасти ознакомиться съ ними въ монографіи г. Феоктистова, гдѣ приведены между прочимъ весьма характеристическая черты Магницкаго изъ инструкціи, данной директору Казанскаго университета, инструкціи, составленной самимъ исправлявшимъ должностъ попечителя безъ всякаго участія лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ науки и преподаванія. Изѣстно, что произволъ человѣческій, ничѣмъ не сдерживаемый, можетъ простираться далѣко за предѣлы права, законности и здраваго смысла; но въ Магницкомъ этотъ ничѣмъ не сдерживаемый произволъ превзошелъ самые отважные порывы насилия. На все, что люди считаютъ непркосновеннымъ и священнымъ для себя, на истину, мысль, чувство долга, на убѣжденіе, на все онъ положилъ оковы инструкцій и предписаний, требовавшихъ одного: безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать официальную науку, официальную добродѣтель, официальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ онъ устанавливаетъ цѣлую страшную систему лжи и лицемѣрия. Развратъ не могъ быть глубже и плачевище, и къ нему-то въ состояніи были привести идеи и дѣйствія Магницкаго и подобныхъ ему. Трудно поверить, чтобы самъ главный виновникъ такого противостоящаго извращенія вещей, Магницкій, считалъ возможнымъ превратить его въ систему. Можетъ-быть, подражая французскимъ террористамъ для совершенія какого-то неслыханного переворота, онъ хотѣлъ въ кругу своей дѣятельности отмѣнить только на время истину и здравый смыслъ. Честолюбіе его однако простидалось далѣе своего круга. Казанскій университетъ былъ только преддверiemъ поприща, которымъ желалъ онъ овладѣть. Другие университеты должны были подвер-

гнуться, по его плану, такимъ же радикальнымъ измѣненіямъ, какъ и тотъ, который непосредственно былъ ввѣренъ его управлению. Но надобно было прежде убѣдить правительство въ ихъ злокозненности и преступныхъ замыслахъ, чтобы доказать необходимость исправительныхъ мѣръ и реформы. Находясь въ Петербургѣ по званію члена главнаго правленія училищъ, Магницкій обратилъ свое вниманіе и на здѣшній университетъ. Не бывъ его начальникомъ, онъ не могъ распоряжаться въ немъ лично; но онъ скоро нашелъ гибкое и послушное орудіе своихъ замысловъ въ исправлявшемъ должность попечителя этого университета Руничѣ. Нѣкоторые, судя по тому, какъ Руничъ дѣйствовалъ въ университетѣ, считали его злымъ человѣкомъ; это несправедливо: онъ вовсе не былъ золь. Собственно говоря, самъ по себѣ, въ умственномъ и правственномъ смыслѣ, онъ былъ искрѣннъ, а могъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ, смотря по тому, въ чьи руки или подъ чье влияніе онъ попадалъ. Это было то, что выражаютъ словомъ „легкій человѣкъ“, то-есть, въ высшей степени поверхностный, шаткий, способный на многое, какъ орудіе, и ни на что, какъ самостоятельный дѣятель. Онъ имѣлъ одну способность — показать на нѣсколько минутъ передъ людьми, не очень взыскательными, что имѣть способы, и этимъ онъ былъ обязанъ первической подвижности своего языка. Ему нельзя было ввѣрить никакого серіознаго дѣла. Такъ, онъ взялъ на себя распоряженія по постройкѣ зданій для университета, помѣщавшагося въ полуразвалинахъ противъ казармъ Семеновскаго полка, и принялъ изъ казны на свою отвѣтственность значительную сумму денегъ. Кончилось тѣмъ, что деньги пропали изъ-подъ его рукъ, неизвѣстно какъ и неизвѣстно куда, а университетъ остался еще надолго въ тѣхъ же развалинахъ съ единственнымъ намятникомъ экономическихъ распорядковъ строителя, дескаками трёмя бочекъ известки, которыхъ долго загромождали мѣсто, назначавшееся для университетскаго сада, и тоже куда-то въ послѣствіи исчезли. Маленький и тощій умъ его былъ въ безпрерывномъ движеніи. Онъ былъ похожъ на наездника, дѣлающаго разные довольно живописные скачки, размахивающаго по воздуху копьемъ или саблею, готоваго мгновенно броситься въ одну сторону и ускакать въ другую, не подчиняясь никакимъ условіямъ правильнаго строя. Чего именно Руничъ добивался, неизвѣстно. Вѣроятно, его соблазнялъ примѣръ Магницкаго, и ему хотѣлось также отличиться, играть видную роль на открытой для всѣхъ сценѣ. Онъ былъ надѣленъ значительной долею тщеславія. Въ его небольшой доволію неопрят-

ной прихожей впсѣла таблица съ означеніемъ дней и часовъ, когда онъ могъ принимать ректора университета, когда профессоровъ, чиновниковъ своей канцеляріи и постороннихъ посѣтителей, точно какъ будто онъ занималъ постъ, не допускавшій никакого изъятія изъ обыкновенного порядка занятій. Между тѣмъ у его ministra, князя Голицына, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе его обремененнаго дѣлами, во всякое время можно было получить аудіенцію, кромѣ часовъ, когда онъ готовился ѻхать съ докладомъ къ Государю. Одному молодому человѣку, при вступлении въ университетъ, онъ совѣтовалъ учиться по греческѣ, и для удостовѣренія, что это ис такъ трудно, онъ привелъ примѣръ себя. „Вотъ, сказалъ онъ ему, я, несмотря на множество важныхъ занятій моихъ, въ пять или шесть мѣсяцевъ успѣхъ на столько въ греческомъ языкѣ, что могу свободно читать на немъ какого угодно автора“.

Пытѣданіе, имѣвшее цѣлью доказать, что С.-Петербургскій университетъ полонъ нечестія, и что науки, въ немъ преподаваемыя, ведутъ къ безбожію и революціи, началось въ ноябрѣ мѣсяца 1821 года. 3-го числа этого мѣсяца, по предписанію ministра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ чрезвычайное засѣданіе университетской конференціи явился Рунічъ въ качествѣ предсѣдателя, въ сопровожденіи ближайшаго сотрудника своего и единомышленника, директора университета и благороднаго университетскаго канціона, Кавелина. Съ торжествующимъ видомъ, какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь радостномъ событии, въ напыщенныхъ выраженіяхъ, гдѣ расписано было не мало общихъ мѣстъ патріотическаго и нравственнаго свойства, Рунічъ объявилъ собрашенію, какъ о дѣлѣ, уже дознанномъ, что въ университѣтѣ господствуютъ зловредныя разрушительныя ученія съ явнымъ намѣреніемъ преподавателей поколебать алтари и троицы, и въ заключеніе назвалъ четырехъ главныхъ виновниковъ, ординарныхъ профессоровъ — исторіи: *Раунага*, статистики *Германа*, экстраординарнаго профессора философіи *Галича* и адъюнкта статистики *Арсеньева*. Основаніемъ для этого обвиненія служили выписки изъ тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, разсмотрѣнныя главнымъ правленіемъ училищъ, гдѣ присутствовалъ также и Рунічъ. Могли ли студенческія записки, не просмотрѣнныя, не проверенные и не исправленныя самими профессорами, не сопровождаемыя наконецъ удостовѣреніемъ, что въ нихъ содержатся точь въ точь ихъ собственныя мысли, могли ли эти записки, да еще не записки вполнѣ, а выхваченные изъ нихъ отрывки служить достаточнымъ поводомъ къ под-

нятію въ университетской средѣ бури и къ убѣжденію, что тутъ идеть дѣло о ниспроверженіи религіи и о государственной измѣнѣ? Объ этомъ, кромѣ обвиняемыхъ профессоровъ и иѣкоторыхъ другпхъ разсудительныхъ и честныхъ членовъ конференціи, никто не спрашивалъ. И что же существеннаго, главного содержалось въ цитируемыхъ бумагахъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь фразъ и источникъ выраженій, доказывавшихъ спѣшную и вовсе неокончательную работу составителей? Это были общія положенія науки въ томъ видѣ, какъ она успѣла ихъ выработать въ современномъ образованномъ мірѣ, положенія, естественныя и обыкновенныя для всякаго непредубѣжденнаго и просвѣщенаго ума, знакомаго съ ея духомъ, требованиеями и историческимъ движениемъ¹⁾). Надобно было имѣть крайне ограниченія понятія о вещахъ или намѣреніо закрывать глаза предъ истиною, чтобы находить злоумышленіе тамъ, где дѣло шло о научныхъ вопросахъ и ихъ рѣшеніи, которое въ дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи науки могло измѣниться, но котораго никто не имѣлъ ни права, ни возможности измѣнить, кромѣ ея самой. Въ этомъ заключается ея природная автономія, ея логическая свобода, и посигать на нихъ значило посягать на ея существованіе и дѣлать невозможными и самыя тѣ блага, какихъ отъ нея домогаются. Понятно, что находясь на извѣстной низшей степени умственнаго развитія, можно считать саму науку ненужною, излѣшию, какъ то и бываетъ у пародовъ варварскихъ; но разъ признавъ ея необходимость и требуя ея услугъ, надобно уже допустить и ея опыты, признать и необходимость ея способовъ, ея правъ, собственно ей принадлежащихъ, то есть, принявъ извѣстное начало, надобно принять и его неизбѣжныя послѣдствія. Безумно обращаться съ наукою такъ, какъ обращаются дикие съ своими кумирами, благоговѣющіе передъ пими, когда все совершаются по ихъ желаніямъ, и разбивающіе ихъ, когда молитвы ихъ не бываютъ услышаны. Все это, разумѣется, не могло помѣститься въ умѣ нашихъ реакціонеровъ; обвинительные пункты профессорамъ Раунаху, Герману, Арсеньеву и Галичу исключительно были составлены на основаніи выписокъ изъ студенческихъ тетрадей. Желая во что бы то ни стало убѣдить высшее начальство въ существованіи зловредныхъ замысловъ въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ и представить

¹⁾ Материалы для исторіи образования въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, собранные профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ. См. Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія за 1866 годъ. Здѣсь приведены выписки изъ студенческихъ тетрадей.

для этого новых удостовѣренія, Руничъ не пренебрѣгъ и другими средствами, употреблявшимися обыкновенно при производствѣ дѣлъ въ темпѣ времена — обѣщаніями, угрозами и тайными внушеніями лицамъ, болѣе или менѣе отъ него зависѣвшимъ. Изъ нихъ нѣкоторыи потомъ и были взысканы опозорившею ихъ навсегда милостію Руничса, давшаго пмъ мѣста и награды за угодливость ему и предательство. Сцепы, происходившія въ засѣданіяхъ конференціи 3-го, 4-го и 7-го ноября, могли бы показаться, особенно въ настоящее время, невѣроятными, если бы не были засвидѣтельствованы очевидцами и официальными документами. Руничъ являлся тутъ не агентомъ правительства, обязаннымъ узнать и довести до свѣдѣнія его истину, а какимъ-то неограниченнымъ властителемъ, для котораго единственою пстпною были уже заранѣе составленныи имъ рѣшенія. Онъ съ какимъ то неистовствомъ предавался удовольствію изливать свою ярость, обвинять и угрожать. Ему хотѣлось, повидимому, одного — навести на всѣхъ присутствовавшихъ страхъ и съ помощью его вынудить у однихъ признаніе въ присываемыхъ имъ преступленіяхъ, у другихъ безотчетное согласіе на свои мнѣнія. Тутъ были пренебрежены не только закономъ предписанныя при изслѣдованіяхъ правила и условія, но и всякое ириличіе, всякое уваженіе къ мѣstu и къ власти, имѣемъ которой распоряжался предсѣдательствовавшій. Не только не окончиваѣще изслѣдованія, но даже не приступивъ къ нему, и между тѣмъ считая уже совершиенно доказаннымъ, что обвиняемыи профессора суть настоящіе враги религіи и государства, онъ не стѣснялся въ обращеніи съ ними. Людей почтенныхъ, членовъ высшей ученой корпораціи, занимавшихъ въ службѣ почетнаго мѣста и посвятившихъ въ обществѣ почетное имя, людей, оказавшихъ уже наукѣ и образованію значительныи услуги, онъ осыпалъ недостойными укоризнами, требовалъ отъ нихъ немедленаго признания въ винѣ, подвергавшей ихъ жестокому уголовному наказанію, и лишалъ ихъ возможности защищаться. На скромныя ихъ требования дать имъ время прийти въ себя отъ таихъ неожиданныхъ моральныхъ истязаній и возможность отвѣтить противъ обвинительныхъ пунктовъ или, по крайней мѣре, сообразить, въ чемъ именно ихъ обвиняютъ, — онъ возражалъ угрозами и не счѣль пеприличными словъ директора университета Кавслина, который, въ порывѣ усердія, выразилъ желаніе призвать жандармовъ и заставить обвиняемыхъ отвѣтить между обнаженными плащами. Не смотря на всѣ эти ужасы, Рауахъ, Германъ и Арсснѣвъ вели себя съ большимъ достопиществомъ, и это въ Руничѣ, требовав-

шемъ немедленнаго и безусловнаго признанія во всемъ, что онъ ни вымыслилъ на нихъ возводить, возбуждало еще большее озлобленіе.

Но что дѣлала конференція? Къ чести ея надобно сказать, что если у однихъ членовъ малодушіе оковало умъ и уста и помѣшало имъ выразить какимъ бы то ни было образомъ свой протестъ противъ такого явнаго насилия, а другие изъ гнусныхъ своекорыстныхъ раз-четовъ работѣенно и подобострастно предъ нимъ склонялись, то нашлись также лица, которыхъ съ прискорбiemъ смотрѣли на все происходившее, и на сколько позволяло имъ ихъ положеніе, возвышали честно свой голосъ въ пользу юніцкъ своихъ собратій и старались противодѣйствовать явному беззаконію. Имена ихъ слѣдуетъ сохранить въ лѣтописяхъ университета, какъ людей мужественныхъ, которые въ обстоятельствахъ трудныхъ умѣли сохранить свое нравственное достоинство и остались вѣрными чести и правотѣ, несмотря на личную угрожавшую имъ опасность; это были профессора: математики Чижовъ, химія Соловьевъ, астрономіи Вицневскій, зоологіи Ржевскій, греческой словесности Грефе, право Лодій, политическихъ наукъ Балугинскій, восточныхъ языковъ Шармуа и Деманжъ, адъюнкты профессора Радловъ и Плещеевъ и неизвѣстно почему присутствовавший въ конференціи директоръ С.-Петербургскихъ училищъ Тимковскій. Поведеніе этихъ лицъ во время производившихся допросовъ возбуждало величайшес цегодованіе Руцкого. На дѣланія ими скромныи и почтительныи замѣчанія по поводу непристойныхъ выходокъ его и на выраженное ими несогласіе подтвердить рѣшительные его приговоры о минной преступности обвиняемыхъ, онъ не стѣснялся отвѣтить рѣзкими и обидными словами и кончилъ тѣмъ, что началъ явно подозрѣвать ихъ въ злоумышленіи. „Тутъ что-то кроется“, сказалъ онъ въ одномъ изъ засѣданій: „это крючки, уловки, ябедничество, наконецъ заговоръ“. И потомъ: „Что это значитъ, где я? Такъ ли всегда производится въ конференціи совѣщанія?“ Что эти слова не были минутною вспышкою раздражительности, доказывается тѣмъ, что онъ повторилъ ихъ въ донесеніи своемъ министру. Тамъ, съ необыкновеннымъ самодовольствіемъ изображая свои подвиги по поводу изобличенія виновныхъ, онъ говоритъ, что это стоило ему неимовѣрныхъ усилий, такъ какъ вообще почти вся конференція видимо благопріятствовала преступникамъ.

Наконецъ, на эту бурную сцену вызванъ былъ Галичъ. Главнымъ поводомъ къ обвиненію его служила изданная имъ *Исторія философскихъ системъ*. Обвинительный пунктъ былъ формулированъ вопросомъ:

Плагая разныя системы философовъ, зачымъ онъ пхъ не опровергъ? Нѣкоторые изъ членовъ конференціи осмѣялись замѣтить, что онъ не обязанъ бытъ дѣлать это, какъ историкъ, что еслибы онъ это сдѣкалъ, то онъ уже плагалъ бы не науку, не исторію человѣческихъ мыслей, а свои собственныя мѣрпія. Это не подействовало. Руничъ уподобилъ книгу Галича тлетворному яду или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльного оружія, забыть, что тѣ, для которыхъ плагалась исторія философіи, были не дѣти, а взрослые люди, и Русскіе, сколько-нибудь уже образованные, а не дикие. „Я самъ, говорилъ Руничъ, если бы не былъ истиннымъ христіаниномъ, и если бы благодать свыше меня не осѣнила, я самъ не отвѣчаю за свои по-полизповѣї при чтеніи книги Галича“. Потомъ обратился онъ къ самому автору и вмѣсто того, чтобы потребовать отъ него объясненія, прямо безъ дальніхъ околичностей, началъ обвинять его въ безбожіи, измѣнѣ государю и отечеству и накопецъ, сказалъ: „Вы явно предпочтаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной непрѣстѣ Христовой церкви, безбожнаго Капта Христу, а Шеллинга Духу Святому“. Всѣ эти изліянія чувствованій, переполненія общими правоучительными мѣстами о благонравіи, о повиновеніи начальству и проч. не были поддержаны ни ссылкою на опасныя и предосудительныя мѣста книги и вообще никакими доводами, изъ коихъ бы слѣдовала необходимость говорить такимъ образомъ съ лицемъ, давно уже оставившемъ пеленки дѣтской морали. Наконецъ, Галичу вѣлько было удалиться въ другую комнату и написать тамъ, подъ надзоромъ адъюнкта Рогова, свой отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ былъ написанъ скоро и состоялъ изъ слѣдующихъ немногихъ словъ: *Сознаваю невозможность опровергнуть предложенные мною вопросы пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и не опѣдѣлѣнія.* Когда бумага была прочитана предсѣдателемъ, и Галичъ опять былъ введенъ въ собраніе, произошла сцена, исполненная необычайнаго комическаго паѳоса. Руничъ не обратилъ вниманія на ироническую двусмыслинность выражения: *сознаваю невозможность* и остановясь только на послѣднихъ словахъ фразы, въ которыхъ онъ видѣлъ желанное признаніе въ винѣ, растворенное, повидимому, раскаяніемъ, обратился къ Галичу и воскликнулъ съ восторгомъ: „Послѣ этого могу ли я бросить въ васъ камень“ и заключилъ его въ свои объятія. Съ обычнымъ своимъ велерѣчіемъ онъувѣрялъ собраніе, что въ этомъ явно совершилось чудесное дѣйствіе благодати Божіей, что въ эту самую ми-

ицу она коснулась сердца Галича, что только слѣпотствующій умъ того не видѣть, что пастырь овецъ подъялъ и эту блуждавшую овцу на рамена свои и несетъ уже въ домъ Израилевъ. На это, говорить, Галичъ съ невозмутимъ спокойствіемъ возразилъ: „Не овцу, ваше превосходительство, а барана или паче козлище“. Затѣмъ Руничъ началъ требовать отъ Галича, чтобы онъ издалъ вновь свою исторію философскихъ системъ и въ предисловіи своемъ торжественно описалъ бы свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лже-именномъ разумѣ основанаго. Галичъ во все время дѣланнаго ему допроса не произнесъ ни одного слова, кромѣ — если вѣрить преданію — сдѣланной имъ поправки въ словахъ Рунича объ овцѣ. Онъ также отвѣчалъ молчаніемъ и на нѣльпое требование издать вновь свою книгу съ отреченіемъ отъ самой книги. Вѣроятно, Руничъ счелъ это молчаніе за согласіе, потому что въ допесеніи своемъ министру онъ говорить объ этомъ, какъ о дѣлѣ, обѣщанномъ авторомъ.

Поведеніе Галича въ засѣданіи конференціи, по свидѣтельству лицъ, въ немъ участвовавшихъ, отличалось особеннымъ характеромъ, который былъ совершенно согласенъ съ его свойствами. Онъ не обнаруживалъ ни смущенія, ни желанія отразить напоспѣши ему удары. Увидѣвъ во всемъ происходившемъ въ университете дѣлъ какую-то роковую необходимость и чувствуя, что ему не одолѣть враждебныхъ силъ, онъ, кажется, принялъ систему полной покорности судьбѣ и рѣшился ждать спокойно всего, чѣмъ случится. Потому онъ ничего и не возражалъ, не покушался объясненіями направить умы присутствовавшихъ въ свою пользу, — словомъ, рѣшился принять положеніе совершенно пассивное. Тѣ, которые были свидѣтелями происходившаго и которымъ былъ извѣстенъ характеръ Галича, считали поведеніе это весьма естественнымъ; но другіе, особенно лица, не принадлежавшія къ университету, не одобряли данного имъ отвѣта на обвинительные пункты и думали, что ему, подобно другимъ обвиняемымъ, надлежало настаивать на одномъ, чтѣ, безъ сомнѣнія, сознавала его совѣсть, то-есть, на своей невинности. Трудно однако судить, до какой степени былъ вѣренъ или неувѣренъ его взглядъ на свое положеніе, и въ какой мѣрѣ въ эти минуты согласовался онъ съ его господствовавшими наклонностями и практическимъ настроениемъ его духа. Извѣстно, что онъ былъ врагомъ всякой житейской тревоги, всякихъ вышнихъ какихъ бы то ни было помыкальствъ, могшихъ отвлекать его отъ главной и единственной задачи его жизни. Это, въ строжайшемъ смыслѣ, былъ человѣкъ кабинета и человѣкъ идей. Потому

весь шумъ, поднятый въ университете, возбуждалъ въ немъ одно желаніе, чтобы все это скорѣе кончилось, чтобы его оставили въ покой и не мѣшали ему думать. Онъ вѣрилъ, что право на мысль принадлежитъ ему неотъемлемо и безспорно, и что никакая сила не можетъ лишить его этого права. Въ этомъ философъ нашъ нѣсколько ошибался. Онъ зналъ людей, но не на столько, чтобы видѣть, какъ многие изъ нихъ удивительно способны дѣлать зло, не смущая даже своей совѣсти, если оно покажется имъ полезнымъ, нужнымъ или будетъ согласно съ ихъ предразсудками, только бы дана имъ была на то возможность. Онъ забылъ, что въ крайнихъ случаяхъ они могутъ посягнуть даже на его право мыслить, и если не въ силахъ будуть лишить его этого права, то найдутъ средства сдѣлать его до того беспомощнымъ, что заставятъ самый умъ усомниться въ себѣ. Ему впрочемъ вскорѣ и напомнили объ его ошибкѣ, сообщивъ подъ рукою, что проповѣръ о немъ уже готовъ, что въ случаѣ его упорства, онъ будетъ официально признанъ сумасшедшими, и какъ въ книгу своей и жизни онъ былъ не чуждъ нѣкоторой оригинальности, то такая угроза, судя по тому, что происходило тогда въ университете, легко могла бы осуществиться. Конечно, онъ хотѣлъ не только мыслить, но и хотѣлъ, чтобы его считали существомъ мыслящимъ, и неудивительно, что онъ рѣшился наконецъ заботу о своей судьбѣ предоставить самой судьбѣ.

Мы не излагаемъ исторіи С.-Петербургскаго университета, а потому не находимъ нужнымъ слѣдить далѣе за ходомъ событий, которыхъ мы здѣсь коснулись на столько, сколько требовалось нашимъ предметомъ. Извѣстно, что слѣдствіе, произведенное Рупичемъ, поступило на разсмотрѣніе высшихъ властей. Ожидаемыхъ Магницкимъ и Рупичемъ результатовъ однако не послѣдовало. Высшая правительственный власть посмотрѣли на вопросы, возбужденные ими, съ точки зреянія болѣе возвышенной, болѣе человѣчественной и государственной. Они, конечно, не могли одобрить ни начальъ, ни мѣръ, изобрѣтенныхъ отчаянными ретроградами и столь явно противорѣчившихъ общимъ видамъ и стремленіямъ правительства, всему, что оно уже сдѣлало для просвѣщенія народа, наконецъ, вошлющимъ и великимъ потребностямъ послѣдняго. Поэтому они не могли осудить и лицъ, дѣствовавшихъ въ пользу науки подъ гарантіями правительства и въ духѣ системы, обнімавшей новую гражданственность Россіи. Общество, съ своей стороны, выражало, какъ могло, свое изумленіе, негодованіе и ужасъ при видѣ наспілой и произвола, допущенныхъ въ С.-Петербур-

бургскомъ университѣтѣ и угрожавшихъ и другимъ. Да и самое министерство народнаго просвѣщенія начало, кажется, тяготиться тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, изъ которое были поставлены вещи изувѣрною ревностью его агентовъ. Все это повело къ тому, что предсѣдуемые профессоры вышли, такъ-сказать, помятыми, но живыми и не изувѣченными изъ рукъ инквизиціоннаго трибунала, и наука, нуждающаяся въ поддержкѣ и охраненіи, особенно тамъ, гдѣ она не успѣла еще пустить глубоко корней, конечно, не могла не потерпѣть на первое время, однако она спасена была въ принципѣ. Фактъ испытанія, которому она подвергалась, доказалъ, что для страны, ее привившей по вѣнѣнію возбужденію, уже наступило время внутреннаго и сознательнаго съ нею сочетанія. Конечно, послѣ всего случившагося, профессора Раупахъ, Германъ и другіе не могли уже продолжать свою дѣятельность въ университетѣ, отъ чего послѣдній лишился лучшыхъ силъ своихъ и влакилъ печально свое существованіе до самого вступленія въ министерство графа Уварова. Но всѣ эти лица опредѣлены были немедленно къ другимъ должностямъ и только выиграли въ служебномъ и материальномъ отношеніяхъ. Германъ получилъ мѣсто инспектора въ двухъ женскихъ заведеніяхъ, Смолиномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ; Арсеньеву дана была каѳедра исторіи и статистики въ инженерномъ училищѣ, и вскорѣ потомъ онъ удостоенъ былъ званія наставника по этимъ предметамъ при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, шинъ достославно царствующемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ; Плисовъ, поступившій во второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества, въ послѣствіи былъ сдѣланъ сенаторомъ. Куницынъ, бывшій профессоромъ въ Царскосельскомъ лицѣ, хотя и не принадлежалъ къ министерству народнаго просвѣщенія, однако также исхѣбавшій отъ гоненій Магніцкаго и Рунича за свою книгу: *Естественное право*; въ послѣствіи онъ получилъ въ управлѣніе департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Раупахъ не захотѣлъ остаться въ Россіи и выѣхалъ за границу.

Но въ то время, когда опальнымъ профессорамъ такимъ образомъ дены были новыя, достойныя ихъ назначенія, чѣмъ стало съ нашимъ профессоромъ философіи? Куда было дѣть философа, рѣшительно ни на что болѣе негоднаго, какъ преподавать философию? Каѳедры философіи нигдѣ въ кругу министерства не существовало, кромѣ университета. Но конечно, и самъ Галичъ не захотѣлъ бы остаться тамъ преподавателемъ этой науки послѣ всего происшедшаго. Однакожъ за

что было и осудить на голодную смерть человѣка, виноватаго только тѣмъ, что посвятилъ себя избранной имъ наукѣ, онъ исключителю предался ей однѣ? Итакъ, начальствомъ было решено оставить его при университѣтѣ, съ тѣмъ чтобы онъ былъ употребленъ при случаѣ для какой-нибудь нефилософской службы, сохранивъ за нимъ жалованье по званію экстраординарнаго профессора и казенную квартиру. На основаніи этого решения онъ былъ помышленъ въ домѣ, принадлежавшемъ университету въ 7-й линіи Васильевскаго острова, гдѣ нынѣ находится Ларинская гимназія.

Итакъ, у Галича было жилище съ отопленіемъ, хотя весьма скромное, и содержаніе еще болѣе скромное. Но цѣль, которой были посвящены всѣ труды его и жизни, и для которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ, университетское преподаваніе философіи, оказалась теперь для него недостижимою. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Если философія должна составлять необходимую часть высшаго образования и у насъ, какъ везде, гдѣ уважаются полнота, всеобъемлемость и логическая свобода науки, то конечно, никто въ свое время столько, какъ Галичъ, не въ состояніи былъ руководить юношество въ строгомъ, послѣдовательномъ, методическомъ ся учении и дать мысламъ его серіозное направленіе. Онъ предполагалъ вовсе отказаться отъ метафизики и вообще отъ всякой философской догматики, которыхъ никогда искренне не сочувствовалъ, и которая въ началѣ входила въ его курсъ, потому что онъ недоволенъ еще укрылся на своей каѳедрѣ, чтобы совершенно измѣнить данную ему программу. Намѣреніе его было, ознакомивъ своихъ слушателей съ логикой и психологіей, развивать ихъ философскую мыслительность историко-критическимъ способомъ. Поэтому главнымъ предметомъ своимъ онъ считалъ исторію философіи, которую намѣренъ былъ закончить обзорѣніемъ современныхъ философскихъ учений Англіи и Франціи и полнымъ изложеніемъ Шеллингова учения, какъ послѣдняго акта въ движкепп философской мысли въ Германіи до Гегеля. Всему этому не суждено было совершиться, и Галичъ принужденъ былъ свою ученую дѣятельность сосредоточить въ кабинетѣ. Плодомъ этой дѣятельности были изданыя имъ въ разное время сочиненія, которыя слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категории, — одни, написанныя или случайно, или ради увелѣченія средствъ существованія, и другія, обработанныя вслѣдствіе внутренней потребности автора говорить съ своими современниками, сколько позволяли обстоятельства, о предметѣ, составлявшемъ задачу его жизни. Къ первымъ принадлежать: *Теорія красноречія*

для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, 1830 года; *Логика, изложенная по Клейну*, 1831 года; *Лексиконъ философскихъ предметовъ*, 2 выпуска, 1847 года, не копченный, и *Русскіе синонимы*, также не доконченные. Къ произведеніямъ втораго рода относятся: *Опытъ науки объ изящномъ*, 1825 года; *Черты умозрительной философіи*, родъ компендіума Шеллингова ученія, 1829 года, и *Картина человѣчества*, 1834 года. Но самый задушевный трудъ, на который Галичъ употребилъ болѣе четырнадцати лѣтъ, твореніе обширное по объему и глубокомысленное по содержанію, была *Философія исторіи человѣчества*, сдѣлавшаяся, какъ увидимъ ниже, по особенной роковой случайности, поводомъ къ бѣдственному перевороту въ духѣ Галича.

Между тѣмъ какъ нашъ философъ въ кабинетныхъ занятіяхъ по возможности старался пайдти замѣну преподавательской ученой дѣятельности, пѣкоторые изъ прсжинихъ его слушателей и другіе любознательные молодые люди упросили его читать имъ у себя на дому курсъ Шеллинговой философіи, на чѣ за умѣренный предложенный ему горарій онъ охотно согласился, удовлетворяя тѣмъ своей привычкѣ къ преподаванію, а также необходимости что-нибудь прибавить къ скучному своему содержанію. Такимъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ въ квартирѣ у Галича образовалась маленькая аудиторія человѣкъ изъ десяти или двѣнадцати. Начальство знало про это, и хотя пѣкоторые ревностные и благонамѣренные оберегатели общественныхъ правовъ и офиціальныхъ порядковъ не преминули войти къ нему съ доносомъ, однако, зная образъ мыслей и духъ ученія экспрофессора, оно рѣшилось смотрѣть сквозь пальцы на его философскія бесѣды. Чтенія Галича то прерывались, то возобновлялись опять, смотря по накоплявшемуся числу желавшихъ. Эти случайныя, прерывистыя запятія весьма немного служили къ улучшенію и обезпечению материальнаго его быта, и онъ, бывъ человѣкомъ женатымъ, терпѣль часто тѣжкія нужды или, какъ онъ выражался, уязвленія этихъ малыхъ житейскихъ наскоковъ, скорбей, мѣшавшихъ ему спѣсть въ кабинетѣ за своими учеными работами и отдыхать. Къ этому присоединилась новая невзгода: въ 1837 году, по причинѣ послѣдовавшихъ въ университетѣ преобразованій, онъ былъ вовсе изъ него уволенъ, при чемъ, разумѣется, у него отняли и его жалованье; для получения же пенсіона онъ не выслужилъ сице узаконенаго срока. Положеніе Галича по истинѣ было илачевно. Умственныя интересы, которымъ онъ призванъ быть служить, которымъ ввѣрилъ свою жизнь, трудъ, и честь, оказались для него не существующими. Судьба,

въ своей беспощадной пропагандѣ, какъ будто бы захотѣла посмѣяться и надъ его общественнымъ призваніемъ, которое оказалось тщетнымъ, и надъ собственнымъ его легковѣріемъ, и затѣмъ бросила его на жертву обманутымъ надеждамъ и нищетѣ. Если съ первыми опѣтъ могъ еще кое-какъ справляться силами своего духа, то съ другою трудно было бы ему бороться безъ сторонней помощи. Къ счастію, помощь эта была ему оказана. Нѣкоторые изъ его учениковъ, достигшіе видныхъ степеней по службѣ, имѣвшіе значительныя связи, приняли въ судьбѣ его горячее участіе и соединили свои усилия, чтобы пристроить его къ мѣсту, гдѣ пользуясь порядочнымъ содержаніемъ, онъ не былъ бы обремененъ позиціею официальностию и массою непривычныхъ ему дѣлъ. Въ 1838 году имъ удалось помѣстить его при одномъ изъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ переводчикомъ съ языковъ нѣмецкаго, французскаго и польскаго, а спустя годъ потомъ, по ходатайству И. Д. Якобсона, нынѣ члена совѣта воспринятаго министерства, онъ былъ опредѣленъ начальникомъ архива при провіантскомъ департаментѣ. Это послѣднее назначеніе было великимъ благодѣяніемъ для Галича. Съ нимъ соединялось жалованье, которое даже превышало его нужды, около 5.000 руб. асс.; онъ притомъ имѣлъ возможность посвящать большую часть своего времени ученымъ занятіямъ. Съ чувствомъ какого-то самодовольства онъ часто повторялъ, что благодаря Бога, своимъ вѣнчаниемъ благосостояніемъ онъ обязанъ ученикамъ своимъ. „Отъ нихъ не стыдно принять помощь“, говорилъ онъ: „они мнѣ родные, насть соединяетъ союзъ идей. И есть же въ идеяхъ этихъ какая-нибудь сила, когда вотъ и такой неискусный ловецъ, какъ я, уловляю ими сердца моихъ близкихъ и становлюсь предметомъ ихъ любви и попеченій“.

Не смотря на эти благопріятныя обстоятельства въ жизни нашего философа, все-таки странно какъ-то было видѣть его засѣдавшимъ вмѣсто профессорской аудиторіи въ архивѣ провіантскаго департамента и изучавшимъ не творенія великихъ мыслителей и наставниковъ человѣчества, а заголовки и описи канцелярскихъ дѣлъ о поставкѣ для арміи муки, крупу и проч. Галичъ самъ очень простодушно посмѣивался надъ своимъ положеніемъ. „Вотъ куда я попалъ, говорилъ онъ, въ пріятельскомъ кругу, — въ общество мышей и крысъ, съ которыми долженъ вести войну ради обеспеченія казенныхъ бумагъ. Но это, я думаю, будетъ легче, нежели вести войну съ гонителями наукъ и просвѣщенія“. Не всегда однако же такъ равнодушно онъ отзывался о своемъ положеніи. Случалось, хотя рѣдко, что такая нелѣпая игра

судьбы, какой онъ сдѣлался жертвою, исторгала изъ усть его жалобы, подобныя слѣдующей: „Горька участь человѣка, говорилъ онъ, когда духъ его сознается, что онъ можетъ дѣлать больше, чѣмъ рѣться въ канцелярскихъ бумагахъ и пресмыкаться въ архивной пыли, хотя и получаетъ за то жалованье. Горекъ хлѣбъ, когда его даютъ тебѣ изъ состраданія, и отказываютъ въ томъ, на какой ты имѣешь право“. Но по томъ, ободрясь, онъ продолжалъ: „Что же впрочемъ? Не все ли равно быть хлѣбъ, спеченный въ одной или въ другой печи, лишь бы совѣсть говорила, что онъ не краденый“.

Галичъ смылся наконецъ съ архивною своею участію. Ознакомившись съ порядкомъ храненія дѣлъ, онъ являлся туда въ опредѣленное время для общаго надзора, подробности же оставались на рукахъ его помощниковъ. Начальство было имъ довольно и даже наградило его одинъ разъ чиномъ статского совѣтника, а другой разъ единовременною денежною выдачей. Такъ періодъ кризисовъ и неожиданныхъ потрясеній въ безмятежномъ пріютѣ архива, повидимому, для него кончился, и дни его должны были течь своею чередою тихо, обозначаясь только зреющими плодами мысли и знанія. Но такое состояніе было непродолжительно; оно было для него только отдыхомъ. Основываясь на опытахъ жизни, можно допустить, что бывають личности, къ которымъ судьба особенно неблагосклонна, личности, къ которымъ горе привязывается, какъ вѣрный другъ, за которыми слѣдуетъ оно неотступно, искушаетъ и дразня ихъ терпѣніе и мужество, пока не одолѣеть ихъ окончательно. Примѣромъ тому можетъ служить именно Галичъ. Вотъ что опять произошло съ нимъ. Онъ любилъ проводить лѣто за городомъ, между Царскимъ Селомъ и Ильинскими казармами. Отправляясь туда по обыкновенію на лѣто, онъ оставлялъ свою квартиру подъ охраненіемъ дворника и замка. Въ одно изъ такихъ лѣтнихъ пребываній на дачѣ, если не ошибаемся, въ 1839 или 1840 году, въ домѣ, гдѣ находилась его квартира въ Измайловскомъ полку, случился пожаръ. Несколькихъ часовъ достаточно было, чтобы превратить въ пепель и домъ, и все имущество Галича, а главное, его библиотеку, состоявшую изъ отборныхъ сочиненій по части философіи, права и исторіи, и его рукописи. Ничего не зная о постигшемъ его несчастіи, онъ приѣхалъ изъ Царскаго Села, чтобы запастись иѣкоторыми книгами, и вдругъ, къ невыразимому своему ужасу, видѣть на мѣстѣ своего жилища обгорѣлые трубы и кучи золы. Мы видѣли, что жизнь его была нацѣлена

достаточными количествомъ скорбей; онъ переносилъ ихъ съ достоинствомъ и великодушiemъ мужа и философа, никогда не теряя веселаго расположения духа и едва позволяя себѣ на минуту иногда усомниться въ необходимости постигшаго его зла. Но это внезапное бѣдствie было глубоко и неисцѣльмо. Ему жаль было не имущества своего, его сокрушила потеря библиотеки, а болѣе всего невознаградимая утрата двухъ совершенно оконченныхъ его сочинений: *Всебицюю права и Философiи исторiи человѣчества*¹). Они были, особенно послѣдняя, любимыми созданіями его ума, окончанію которыхъ онъ радовался, какъ радуется земледѣлецъ при видѣ собранной имъ благородѣйшей жатвы, который онъ думалъ передать потомству, какъ первый опытъ общирнаго умственнаго труда въ своемъ отечествѣ, достойный его и себя, наконецъ, какъ удостовѣреніе предъ обществомъ, что одно грубое невѣжество могло считать его идеи и ученіе опасными. Въ цеплѣ, который теперь лежалъ передъ нимъ, были погребены драгоценѣйшии интересы его мысли и сердца, честь его имени, все богатство знанія, науки, съ такимъ трудомъ и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ собранія имъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ не устоялъ противъ величества этого зла, душевныя силы его до того были потрясены, что онъ не могъ уже оставаться прежнимъ Галичемъ и началъ мало по малу превращаться въ другого человѣка — въ человѣка столь же честнаго, незлобиваго, даже умнаго, какимъ былъ и прежде, но уже безъ гордаго сознанія своего человѣческаго достоинства, безъ величаваго ореола мысли, озарившей его личность; онъ опустился, началь нравственно, началъ пить.

Галичъ — цыплица: несовмѣстимыя понятія для тѣхъ, которые лично его знали! Такая измѣна благороднымъ задачамъ и принципамъ, такой переходъ отъ неукоризненнаго по чистотѣ своей образа жизни, отъ изящества мысли и поступковъ, къ нравственной нечистотѣ и вони трактира, гдѣ онъ началъ часто проводить время, — что это такое? Малодушie, посмѣяніе падъ вѣрою въ человѣка, оправданіе Мефистофеля, который при видѣ нашей превозносящейся силы нравственной лукаво глумится, говоря: „Подождемъ — такъ или иначе, а ты сунешь носъ свой въ грязь!“ Все это невыразимо грустно. Однако все-таки чѣмъ объяснить эту психологическую метаморфозу? Какъ могъ дойти Галичъ до такого самоуниженія? Зная его очень хорошо, мы,

¹) Мы видѣли у него въ кабинетѣ эти сочиненія, начисто переписанныя его рукою въ иѣзольскихъ огромныхъ тетрадяхъ. Они были уже готовы для представленія въ цензуру.

кажется, не ошибемся, если скажемъ, что это былъ смертный приговоръ, произнесенный имъ надъ самимъ собою, самоуничтоженіе, медленное, но твердо предпринятое. Онъ не хотѣлъ или не могъ прибѣгнуть къ насильственному радикальному средству, но прибѣгнулъ, повидимому, сознательно къ медленной отравѣ, какою безсознательно такъ многие у насъ губятъ себя. „Дѣти мои мысли умерли“, говорилъ онъ намъ въ задушевной дружеской бесѣдѣ: „жизнь моя потеряла цѣль и смыслъ. Мнѣ пора также умереть. Я слишкомъ старъ, чтобы снова начинать погибшее дѣло, а только дѣломъ можно жить. Жить безъ дѣла — запрещаютъ разумъ и совѣсть“.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы согласиться съ подобною, отчасти софистической, отчасти сентиментальной, діалектикой. Извѣстно, что привилегія мыслить больше и лучше другихъ сопряжена съ значительной отвѣтственностью, и отвѣтственность эта простирается не на однѣ мысли, но и на дѣла. Чѣмъ можетъ быть допускаемо и извиняемо въ другихъ низшихъ сферахъ жизни, здѣсь не должно имѣть ни мѣста, ни оправданія, какъ скоро оно противно заповѣди, правамъ, достоинству мысли просвѣщенной и расширенной. Должно полагать также, что если роковая случайности жизни не зависятъ отъ нашей воли и нашей предусмотрительности, то это самое даетъ уже намъ возможность прими-
ряться до нѣкоторой степени съ неуспѣхомъ и неудачами нашихъ пред-
намѣреній. Да наконецъ вообще, кажется, не слѣдуетъ намъ слишкомъ
возвеличивать въ собственныхъ глазахъ нашихъ важность того, что
мы дѣлаемъ или задумали сдѣлать, по нашему мнѣнію, наиболѣшаго:
вѣдь все на свѣтѣ имѣть относительную цѣну. Все это хорошо, и
изрѣятно, приходило на умъ нашему философу, которому во всякомъ
случаѣ приличнѣе было снести новое горе, какъ онъ сносилъ преж-
нее, нежели унижать свою разумность и свое человѣческое достоин-
ство предъ самимъ собою и предъ другими мыслящими существами,
чѣмъ, безъ сомнѣнія, составляло самое худшее горе. Но не въ оправ-
даніе, а въ объясненіе печального персворота, послѣдовавшаго во
внутренней его жизни, мы можемъ сослаться на исключительность
сего призванія. Эти исключительныя или специальные призванія имѣютъ
то свойство, что если, съ одной стороны, сознаніе какого-либо изъ
нихъ составляетъ нашу силу и условіе всякаго важнаго и достослав-
шаго дѣла, то съ другой, оно дѣлаетъ насъ односторонними и ослаб-
ляетъ въ насъ тѣ силы, которыхъ нужны для удовлетворенія другихъ
потребностей жизни и долга. Такъ все изобличаетъ и смиряетъ нашу
гордость, и если въ одномъ случаѣ мы находимъ ей поощреніе, то

въ другомъ причину къ горькому разочарованію,— и пусть же на падшаго брата броситъ камень тотъ, кто не имѣеть на себѣ грѣха!

Вещественныя нужды, обременившія Галича послѣ пожара, уничтожившаго все его убогое достояніе, были немедленно облегчены дѣятельною помощьюъ пѣкоторыхъ изъ его учениковъ. Освѣдомясь о постигшемъ его горѣ, они тотчасъ собрали между собою нѣкоторую сумму (1.400 руб.) и чрезъ одного изъ его почитателей, хотя и не бывшаго его ученикомъ и сму лично вовсе познакомаго, вручили ему эти деньги такъ, что онъ не зналъ и не узналъ никогда, отъ кого онъ присланы. Покойный Н. И. Гречъ далъ сму на время квартиру въ своемъ домѣ. А затѣмъ онъ продолжалъ жить жалованьемъ, получающимъ на службѣ при архивѣ.

Послѣднія шесть или семь лѣтъ жизни Галича, послѣ поразившей его катастрофы, представляются какимъ-то исключениемъ изъ того, чтѣ его прежде занимало и одушевляло. Матеріальное его положеніе не пострадало. Лицо, доставившее ему мѣсто и съ нимъ безбѣдное содержаніе, продолжало ему покровительствовать. Слабость, которой предавался Галичъ, была не замѣчаема; службѣ она также не вредила, потому что онъ умелъ не до такой степни, чтобы не могъ исполнять нѣтрудныхъ своихъ обязанностей или бы компрометировалъ начальство своимъ поведеніемъ. Но кабинетъ его, лишенный своихъ сокровищъ, книгъ и рукописей, не былъ уже для него святилищемъ, гдѣ приносилась пѣмъ чистыя жертвы наукѣ. Вмѣстѣ съ другимъ такимъ же отставнымъ ученымъ и горемыкою, какъ самъ, удаляясь куданибудь въ уединенный трактиръ, чаще всего на Крестовскій островъ, онъ упражнялся съ нимъ постоянно въ игрѣ на биліардѣ и въ поддержаніи въ себѣ пріятнаго расположенія духа немногими, но частыми возліяніями баснословному богу веселія. Онъ рѣдко уже сталь являться въ общество тѣхъ людей, съ которыми прежде любилъ бесѣдоватъ, и которые сами любили его бесѣду, полную оригинального ума и исчѣщающаго веселаго юмора. Онъ не былъ навязчивъ и не хотѣль смущать своихъ друзей своей скорби и вообще своимъ измѣнившимся видомъ. Однако когда кому-нибудь изъ нихъ случалось съ нимъ встрѣтиться, онъ старался всегда облечься въ остатки своего прежнаго скромнаго, но всегда нѣсколько величаваго достоинства. По временамъ онъ возвращался къ прежнимъ своимъ кабинетнымъ занятіямъ, по болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ желанія продолжать прежнюю свою ученную дѣятельность. Къ этому именно періоду его жизни принадлежать *Словарь философскихъ предметовъ* и *Словарь русскихъ синонимовъ*,

составленные имъ по соглашенню со Смирдинымъ и оба не конченны. Это были остатки когда-то богатаго запаса знаний. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ даже нѣсколько статей, не лишенныхъ философской занимательности. Но словарь синонимовъ не выполняетъ своей задачи: это не объясненіе словъ въ филологическомъ смыслѣ, а психологическое опредѣленіе понятій.

Къ довершенню несчастія Галича, онъ дѣма не находилъ ничего, чтѣ сколько-нибудь могло бы его утѣшать и поддерживать. Онъ былъ женатъ; но женитьба его, еще во время профессорства, только привѣтила новую тяжесть къ бремени, положенному на него судьбою. Какого происхожденія была его жена, неизвѣстно. Извѣстно только то, что она была очень дурна собою, очень необразованна и очень зла. Она принадлежала къ разряду тѣхъ грубыхъ, неуклюжихъ существъ человѣческой породы, которая, повидимому, напрасно носить на себѣ имя женщины; природа какъ бы въ противорѣчіе самой себѣ лишила ее всѣхъ женскихъ высокихъ качествъ — кротости, любви, граціи, умственныхъ, вѣрныхъ и тонкихъ инстинктовъ. Что она ни мало не сочувствовала ни идеямъ, ни характеру своего мужа, это еще можно было съ простить по крайней ся необразованности, и это могло и не зависѣть отъ ся. Для человѣка, принужденнаго жить съ нею, это составляло бы только отрицательное зло, которое слѣдовало сносить терпѣливо тому, кто самъ былъ виноватъ, сдѣлавъ подобный неразборчивый выборъ. Но въ сей господствовала положительная сторона дурнаго нрава, желаліе поработить себѣ человѣка, которому она была обязана и своимъ именемъ, положеніемъ въ обществѣ, и хлѣбомъ. Знакомые ставили ей въ заслугу и достоинство то, что она усердно надѣзирала за бѣльемъ и плаТЬемъ мужа, починила и то, и другое, и даже сама шила ему халаты и сюртуки. Но все это было болѣе слѣдствіемъ сквердной скучности, чѣмъ настоящей надобности, особенно въ то время, когда жалованья Галича было весьма достаточно для всякихъ домашнихъ нуждъ. Но за всѣ добровольныя лакейскія услуги она требовала платы непомѣрной, полнаго повиновенія ея деспотизму и капризамъ. Она дѣмала ему почти ежедневно бурыя сцены, такъ что онъ нерѣдко приужденъ былъ бѣжать изъ собственнаго дома и бжидать гдѣ-нибудь на улицѣ или у своихъ пріятелей, пока буря утихнетъ, и онъ будетъ имѣть возможность возвратиться въ свой кабинетъ, къ мирнымъ занятіямъ. Онъ никому не жаловался на свое домашнее горе, но сосѣди и знакомые видѣли и знали, съ какимъ терпѣніемъ онъ несъ на себѣ и этотъ крестъ, пока могъ находить.

облегченіе въ обработкѣ и совершеніи своихъ завѣтныхъ ученыхъ трудовъ. Дѣтей у него, къ счастію, не было.

Между тѣмъ Галічъ наконецъ усилилъ своимъ невоздержаніемъ разстропть совершило свое здоровье. Онъ не обладалъ болѣшими физическими силами, былъ средняго роста, довольно тощъ, безъ признаковъ однако болѣзни худобы; но его тѣлосложеніе отличалось какою-то особенно счастливою гармоніей органовъ и отправлений, обѣщавшею ему, при умѣренномъ и правильномъ образѣ жизни, мастеритую и здоровую старость. Въ 1848 году посѣтила Петербургъ холера, и между тысячами обреченныхъ сїй жертвъ въ Галічъ нашла она готовую для себя добычу. Въ началѣ весны, какъ обыкновенно, онъ перебѣхалъ въ Царское Село, чтобы провести тамъ лѣто. И не смотря на то, что онъ не принималъ никакихъ предосторожностей противъ опаснаго и беспощаднаго прага и продолжалъ свой образъ жизни, холера не вдругъ поразила его. Цѣлое лѣто онъ провелъ съ обычнойю свою беззаботностію, какъ бы забытый ею, и уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, 9-го числа, когда она, повидимому, начала ослабѣвать, почувствовалъ первые пріпадки болѣзни и хотя въ жестокихъ, но непродолжительныхъ страданіяхъ скончался того же дня. Ему было около 65 лѣтъ. Посреди всеобщей паники, произведенной эпидеміей, всякий заботился о себѣ; ученики, почитатели и друзья Галіча, разсѣянные въ разныхъ частяхъ Петербурга или въ его окрестностяхъ, спустя уже нѣсколько дней узнали о его кончинѣ; никто изъ нихъ не сопровождалъ его до могилы; одна жена своими поздними, и вѣроятно, не очень сердечными воинями нарушила тишину скромной процесіи до кладбища, да одинъ изъ его бывшихъ семинарскихъ товарищѣй, простой, незначительный человѣкъ, учитель какого-то уѣзднаго училища въ Петербургѣ, но любившій Галича безкорыстною братскою любовью, бросилъ горсть земли на его гробъ,— и имѣсто надгробной рѣчи, описывая память, между прочимъ, кончину философа, заключилъ свое описание слѣдующими теплыми словами: „Миръ праху твоему, достойнѣйший труженикъ науки и любитель просвѣщенія, глубокій мыслитель искатель истины, кроткій, какъ агнецъ“....

Что касается до нравственнаго характера Галича, который бы намъ хотѣлось также объяснить читателямъ, то онъ уже проглядываетъ отчасти и въ описаніи его жизни. Тѣмъ не менѣе въ дополненіе къ этому мы считаемъ пужнымъ прибавить еще нѣкотория

ЧАСТЬ СХІ, отд. 2.

черты, не лишенные, можетъ-быть, психологического интереса. Личность Галича, въ иѣкоторомъ смыслѣ, была личностью типичною. Онъ могъ служить, между прочимъ, примѣромъ того, до какой степени исключительное господство умозрительной способности въ состоянии ослабить въ человѣкѣ другія силы духа и сдѣлать его неспособнымъ къ какой бы то ни было практической дѣятельности. Вѣроятно, этому не мало содѣйствовала и самая возвышенность вопросовъ, рѣшенiemъ коихъ занимались и занимаются люди съ подобнымъ направленiemъ. Все, не входящее въ сферу этихъ вопросовъ, имъ кажется мелочнымъ и не стоющими того, чтобы наполнить ими кратковременную жизнь нашу въ подрывъ ея благороднейшимъ умственнымъ интересамъ; они забываютъ однако, что то, что они считаютъ мелочнымъ и не заслуживающимъ вниманія, получаетъ совсѣмъ другой характеръ отъ связи съ вопросами, въ какіе погружается ихъ мысль, что оно перестаетъ быть пошлымъ, облагороживается, возвышается, — да и вообще материалы, содержаніе жизни не отъ настѣ зависить, цо отъ настѣ зависитъ положить на каждой ихъ части печать разумности и человѣческаго достоинства. Въ теоріи они и не отвергаютъ этого; но въ примѣненіи все-таки какая-то внутренняя центробѣжная сила влечетъ ихъ вдали, и имъ отрадно летать орлинымъ полетомъ въ поднебесье, куда не достигаютъ снизу шумъ и тревоги житейскія, отчего они и разучиваются наконецъ ходить, какъ слѣдуетъ, на твердой почвѣ. Можно бы, повидимому, такое одностороннее настроеніе духа поставить въ упрекъ философскому самовоспитанію и образованію; но подобный упрекъ былъ бы крайне несправедливъ. Умозрительная сторона не есть исключительная или единственная въ философіи; ей свойственны разные виды. Отъ внутренняго расположенія или наклонностей лица зависитъ направить себя къ такой или иной ея сторонѣ, и философія точно также въ этомъ не виновата, какъ и всякая другая наука, въ которой изучающій ее усвоилъ себѣ преимущественно или исключительно одинъ изъ господствующихъ въ ней элементовъ. Въ противномъ случаѣ чистая математика могла бы подлежать такому же упреку. Именно Галичъ былъ ученымъ специалистомъ, устремившимъ всецѣло свои мысли на изученіе и разработку одного изъ такихъ элементовъ философіи, и неудивительно, если его умственная сила, дѣйствовавшая успѣшно въ одной сфере, по мѣрѣ того какъ онъ отдался отъ другихъ, оказывалась несостоятельными или мало состоятельными въ сихъ послѣднихъ. При всемъ томъ, Галичъ не былъ мечтателемъ-фанатикомъ или педантомъ-специалистомъ, зарывшимся въ свои книги и бу-

маги, чуждымъ понятій и интересовъ, движавшихъ пружинами событій мірскихъ. Напротивъ, онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ наблюданітельности, любилъ общество, вникалъ въ современный ходъ вещей, следилъ за текущею литературой, охотно читая романы, повѣсти и стихотворенія, словомъ, онъ по всему, казалось, былъ человѣкомъ жизни; но все, что являлось въ жизни, онъ переводилъ тотчасъ на идеи, мыслилъ о жизни, но никакъ не могъ извлечь изъ опыта ея ни убѣжденій, ни знанія, ни умѣнья проявить свои мысли въ чемъ-нибудь, кроме книгъ. Онъ могъ говорить о всякомъ житейскомъ дѣлѣ умно и разсудительно въ общихъ видахъ или съ общей точки зренія, но сдѣлать порядочно ни одного такого дѣла, несмотря на чистоту своихъ памѣреній, онъ не былъ въ состояніи. Въ размышленіи о дѣлахъ, въ писаніи сочиненій, въ чтеніи лекцій истощался весь запасъ его нравственныхъ силъ, такъ что для всего остального у него не оставалось ни предпримчивости, ни мужества, ни воли. И натиску враждебныхъ обстоятельствъ онъ могъ противопоставлять одно терпѣніе, а не усиля и мѣры защиты. Онъ былъ врагомъ всякой искусственной напряженности поведенія и всякихъ крайностей. Ровное, естественное, спокойное движеніе силъ, какъ въ самомъ себѣ, такъ и вѣ ся, было для него самимъ вожделѣніемъ состояніемъ, хотя и зналъ онъ, какъ оно было трудно достичимо. Его неизмѣнная крѣсть, добродушіе, мягкое сердце дѣлали его совершенно неспособнымъ паковать людямъ и малѣшее огорченіе; но самъ онъ былъ открыты со всѣхъ сторонъ для нападеній, если бы кому вздумалось ихъ дѣлать: несмотря на свой умъ и знаніе людей, ихъ общихъ правовъ, пхъ отношеній, гдѣ эгоизмъ играть такую важную, если не главную роль, въ частности, въ сношенияхъ своихъ со всякимъ отдельнымъ лицемъ онъ былъ довѣрчивъ, какъ настоящее дитя. Не было также человѣка менѣе его способного выставлять въ благопріятномъ свѣтѣ свои ученыя достоинства, свои заслуги, или упорно отстаивать свое мнѣніе, единственно потому что оно было его. Всякая полемика была ему противна; онъ шелъ своимъ путемъ въ жизни и въ наукѣ, считая его за лучшій и удобнѣйшій для себя и не мѣшаль никому идти своимъ. Онъ любилъ общество, но являлся только въ кругу людей ему близкихъ, и здѣсь видѣли его всегда веселымъ, оживленнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ не любилъ разговоръ, отягченныхъ ученостю и сужденіями о предметахъ, о которыхъ можно размышлять только въ тиши кабинета. „Пріятельская бесѣда, говорилъ онъ, не то, что трудъ; это отдыхъ. Пусть собирающіеся

вмѣстѣ для удовольствія играютъ, если угодно, хоть въ мячъ. Но странно было бы, вмѣсто легкаго шара, начиненаго воздухомъ, перебрасываться камнями, которыми неравно угодишь кому-нибудь и въ лобъ". „Еще и то надоѣло помнить, говорилъ онъ также, что кто въ обществѣ пытѣтъ только разсѣянія своей скучки и потому часто приноситъ ее туда съ собою, тому лучше оставаться дома и скучати одному. Положимъ, что мы въ правѣ ожидать отъ пріятелей нашихъ участія въ нашихъ скорбяхъ; но для извѣщенія его есть другое мѣсто, и существуютъ другіе пріемы, а собраніе для простой бесѣды, или, какъ говорится, для препровожденія времени, не есть лазаретъ, куда приходитъ больные дурныи расположениемъ духа лѣчиться. Всякий, являющійся туда, есть вкладчикъ, который обязанъ внести свою ленту въ общиі капиталъ невинныхъ удовольствій, и никому не слѣдуетъ искать себѣ удобства на чужой счетъ". Галичъ не былъ краснорѣчивъ; онъ говорилъ тихо, спокойно, безъ увлеченія и аффектаций. Тѣмъ не менѣе рѣчи его были очень занимательны по своей оригинальности, по своему юмору и ироніи, составлившиимъ отличительныя чѣрты его ума. Слушая его, вы убѣждались, что этотъ человѣкъ, такъ удалявшійся, повидимому, отъ серіознаго тона, готовый останавливаться на мелочахъ, мѣтитъ гораздо дальше того, чѣмъ высказывается, и если бы не было извѣстно его добродушіе, то можно бы усомниться, не подшучиваетъ ли онъ, подобно древнему мастеру проціи, Сократу, надъ своими собесѣдниками. Этого однако никто не боялся; все знали, что въ его остроумныхъ, мѣткихъ выходкахъ нѣтъ никакихъ частныхъ примѣненій, и что все въ этихъ выходкахъ относится къ общему его міросозерцанію и къ общимъ взглядамъ на людей и на ихъ страсти и отношенія.

Самое видное, наиболѣе выдающееся качество въ характерѣ Галича была любовь его къ наукѣ. Онъ любилъ ее не потому, что она вмѣнилась ему въ обязанность, вошла ему въ привычку или доставляла ему извѣстное положеніе въ обществѣ, а потому что виолѣ чувствовалъ себя призваннымъ къ ней, и только къ ней одной, и потому любовь его была безграницная и глубокая. Онъ и обращался съ наукой честно и благонравно. Имѣя дѣло съ такою изъ ея отраслей, гдѣ мысль находитъ широкій просторъ, и гдѣ, повидимому, допускается такъ много гипотетического, онъ не позволялъ себѣ ни легкихъ произвольныхъ гаданій, ни малѣйшаго отступленія отъ условій строгаго научнаго метода. Основательное всестороннее знакомство съ источниками его науки на древніихъ классическихъ языкахъ и почти

на всѣхъ новѣйшихъ языкахъ Европы доставляло ему богатыя пособія для тщательной разработки своего предмета, для точныхъ сравненій, поѣзки выводовъ и проч. И даже тогда, когда онъ излагалъ своимъ слушателямъ Шеллингово учение съ призраками своей симпатии къ нему, онъ, какъ мы видѣли ужъ, слишкомъ былъ далѣкъ отъ того, чтобы скрывать сообщаемыя имъ идеи словами въ такомъ родѣ: „Это не подлежитъ разбору и пересмотру, потому что учитель такъ сказалъ“. Соблюдая строгую связь и отчестливость въ своеимъ мышленіи, онъ требовалъ того же и отъ своихъ учениковъ и особенно настаивалъ на томъ, чтобы они привыкали къ постоянству и выдержанности въ трудахъ мысли. „Я предупреждаю васъ, госнода, говорилъ онъ часто въ началѣ своихъ чтеній, что предметъ нашъ очень отвлеченнаго свойства и можетъ показаться вамъ сухимъ и не-привлекательнымъ, хотя тѣмъ не менѣе онъ составляется важную часть въ системѣ человѣческаго образования. Его нельзя одолѣть плаче, какъ продолжительнымъ, послѣдовательнымъ умственнымъ трудомъ. О пасъ, Русскихъ, идѣтъ молва, что мы большиe мастера присвоивать себѣ результаты чужаго мышленія и чужой ученой разработки и безъ дальнихъ околичностей доводить ихъ даже до крайностей, вовсе не заботясь о томъ, какимъ путемъ трудныхъ изысканий и опытовъ они достигнуты. А вѣдь могло бы случиться что идя сами этимъ путемъ, мы достигли бы совершенство другихъ результатовъ, такъ какъ на немъ безпрестанно попадаются повороты то въ ту, то въ другую сторону и разные неожиданныя встречи, и мы, находясь въ необходимости заглядывать въ лицо встрѣчнымъ и поперечнымъ соутникамъ и противопутникамъ и знакомясь съ ними, могли бы пріобрѣтать много такого, чего никакъ не добудешь отъ рассказчиковъ или взявшимся быть нашими вожатыми“. Въ юношахъ, приливавшихся къ нему ради науки, онъ никакъ не хотѣлъ видѣть поклонниковъ своей особы, ни приверженцевъ своихъ идей. Облекшись въ скромное достоинство представителя науки, онъ уже не заботился ни о какихъ другихъ атрибуатахъ и украшенияхъ и былъ совершенно чуждъ всякихъ личныхъ притязаній, всякихъ посягательствъ на возбужденіе такихъ чувствованій и идей, какія не изъ науки истекаютъ. Онъ вовсе не годился ни для спеканія шумной популярности, ни для пропаганды.

Обратимся къ характеристикѣ направлеченія и главныхъ свойствъ, какими отличался Галичъ въ сферѣ своей науки. Философія имѣла у насъ два рода дѣятелей. Одни, бывъ призваны офиціально къ пре-

подаванію философії въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣли въ виду единственно виѣшнюю, техническую ея сторону. Обязанные передавать ее своимъ слушателямъ по данной имъ программѣ и руководствамъ, они не проникались живою мыслью и духомъ своей науки; забота ихъ исключительно обращена была на то, чтобы материалы ея и содержаніе, каковы бы они ни были, представить въ рамкахъ уставившейся и требуемой научно-философской формы. Другіе, вообще понимавшиѣ задачу науки глубже и серознѣе, не довольствовались этимъ безжизненнымъ философскимъ формализмомъ и стремились посредствомъ новыхъ учений дать ей характеръ, болѣе соотвѣтственный требованиямъ развивающейся мысли, и связать ее съ другими величими интересами духа. Подобныя покушенія начали обнаруживаться въ нашей ученой и умственной средѣ, конечно, въ позднѣйшее время. Но какъ бы то ни было, философія постоянно составляла часть нашего научного образованія. Эта философія, какъ наука, начинается у насъ съ возвращеніемъ Россіи Кіева. Въ тамошней академіи, устроенной по образцу западныхъ учебныхъ заведеній, она преподавалась направлѣясь съ другими науками, входившими въ высшій учебный курсъ; она составляла въ немъ особый классъ, непосредственно слѣдовавшій за классами риторики и шітики и предшествовавшій изученію богословія. Тутъ во всей своей силѣ господствовала средневѣковая сколастика, и единственнымъ наставникомъ философії признаваемъ былъ Аристотель. Въ 1682 въ Москвѣ образовалась по тѣмъ же самымъ началамъ, какъ и въ Кіевѣ, Славяно-Греко-Латинская академія, въ уставѣ коей положено было преподавать философію *разумительную, естественную и нравную*. Въ семинаріяхъ, возникшихъ потомъ, она также составляла необходимую часть учебнаго курса. Такимъ образомъ настоящее начало философії у насъ положено было въ духовныхъ заведеніяхъ, которымъ и въ послѣдствіи оставались главными ея разсадниками. Имъ болѣе всего и обязаны мы внесеніемъ въ нашу мыслительность философскаго элемента, и если тутъ преобладала еще та формальная сторона науки, о которой мы сейчасъ говорили, то все-таки нельзя никакъ отрицать и въ этой недостаточной философії важной образовательной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ услуги, оказанной ею нашему просвѣщенію. Не возбуждая и не развивая новыхъ идей, она помогала лучше управляться съ тѣми, какія уже существовали въ умахъ.

Съ теченіемъ времени въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ положенная въ основаніе Аристотелевская сколастика уступила мѣсто Лейб-

ище - Вольфіанской філософії, руководителями коей были у насъ сперва Христіапъ Баумейстеръ, а потомъ Винклерь, ничѣмъ не уступавшій Баумейстеру и ничѣмъ его не превосходившій. Въ кругъ свѣтскаго образованія філософія вошла у насъ съ основаніемъ Московскаго университета. Первыми ся профессорами изъ Русскихъ были Апчковъ и Брянцевъ. Оба они строго держались Вольфа. Но тамъ же послѣ нихъ преподавалъ пѣкоторое время філософію (1804—1810 года) вызванный пѣзъ-за границы пѣмецкій ученый, пользовавшійся въ своемъ отечествѣ заслуженною извѣстностію, Буле. Онъ старался дать філософіи болѣе живое направление, знакомя своихъ слушателей съ современными ему ученіями въ Германіи. Не владѣя однако русскимъ языкомъ, онъ истощался въ добросовѣстныхъ, но тщетныхъ усилияхъ. Слушатели его не понимали туманно выраженныхъ положеній о самыхъ трудныхъ вопросахъ філософіи¹⁾). Вообще этой наукѣ, какъ особому учебному предмету, въ Московскому университету не счастливилося. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія И. И. Давыдовъ возбудилъ было къ ней живое сочувствіе не столько сущностю дѣла, сколько своюю личностю, такъ какъ онъ пользовался тогда въ Москвѣ репутацией даровитаго и краснорѣчиваго преподавателя. Но онъ успѣлъ прочесть только одну вступительную лекцію (1826 года), выразивъ въ пышныхъ словахъ высокое значеніе Шеллигова ученія.....

Замѣчательно однако, какъ велика наклонность мысли человѣческой простираться далѣе всяческихъ преградъ, противопоставляемыхъ ей извѣнѣ. Когда ей недостаетъ широкаго открытаго пути, она незамѣтило прокладываетъ себѣ тропинки въ сторонѣ или проселочными дорогами пробирается къ тому, чего ей сильно хочется, и въ чемъ она видитъ свое добро. Гони ее въ дверь, она влетитъ въ окно или даже пролѣзть въ щель. Съ закрытыемъ каѳедры філософіи въ университѣтѣ, умы, жаждущіе ея ученій, лишились средствъ удовлетворить своей потребности; но скоро представился имъ другой къ тому способъ. Между членами университета находился одинъ изъ даровитѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ, Павловъ. Онъ занималъ каѳедру сельскаго хозяйства; при этомъ онъ обладалъ обширными філософскими познаніями. Онъ преподавалъ также физику и

¹⁾ За то же они и отплатили ему слѣдующею эпиграммой:

Господинъ профессоръ Буле,
Ты намъ строишь черта въ студѣ.

такимъ образомъ могъ переходить, какъ это ни казалось необыкновеннымъ въ одномъ и томъ же лицѣ, отъ Тезра къ Шеллингу и Окену, которыхъ идеи усвоилъ себѣ, бывъ за границею. Чтенія его, проникнутыя этими идеями, особенно въ 1823 году возбуждали всеобщій восторгъ въ Московской публикѣ; аудиторія его была всегда переполнена слушателями, между которыми находились не только молодые люди, но и почтенные мужи. Впрочемъ Павлова недолго занимали философскія умозрѣнія; получивъ отъ правительства порученіе заняться устройствомъ землемѣрческаго хутора, онъ обратился исключительно къ практической части своей ученой специальности, сельскаго хозяйства, чѣмъ продолжалось до самой смерти, постигшей его въ 1840 году. Въ первые годы царствованія императора Александра I возникли, какъ известно, два новые университета, въ Харьковѣ и въ Казани, и философіи открылось новое поприще. Въ Харьковѣ на чь-которое время она явилась даже въ неожиданномъ блескѣ съ профессоромъ Шадомъ, по стилю быстро и померкли. Шадъ былъ отличный ученый и урожденный философъ. Онъ преподавалъ философію на латинскомъ языкѣ, въ духѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ учешій, написалъ и издалъ въ 1812 году логику, а въ 1814 году естественное право, но вскорѣ за тѣмъ былъ удаленъ за границу. Не смотря на многозначительное достоинство лекцій Шада, надобно полагать, что онъ не много содѣйствовали философскому образованію въ Харьковскомъ юношествѣ. Главнымъ преиздѣствиемъ для Шада, какъ и для профессора Булс, безъ сомнѣнія, было незнаніе русскаго языка, что, при новости самихъ идей, дѣлало чтенія ихъ мало доступными слушателямъ. Преподаваніе философіи въ Казани до двадцатыхъ годовъ озnamеповалось, кажется, только изданиемъ въ свѣтъ въ 1813 году курса одного изъ бездарнѣйшихъ послѣдователей Канта, Сиеля, въ переводе Лубкина и Кондырева.

Съ двадцатыхъ годовъ вообще въ литературѣ нашей и молодомъ учащемся поколѣніи возбудилось вдругъ стремленіе къ философской мыслительности. Разумѣется, это внесенное движеніе въ начальѣ было похоже болѣе на смутное броженіе идей, чѣмъ на стройную дѣятельность мысли; но оно доказывало, что въ нашу умственную среду вторгся новый элементъ, что этотъ элементъ вышелъ изъ нѣдра философіи, и что такъ или иначе умы взяли на иниці, какой дотолѣ они мало находили въ нашей науцѣ. Явились periодическія изданія съ философскими стремлѣніями, каковы напримѣръ, *Миссиона*, позже *Московскій Вѣстникъ*, *Телескопъ*. Все философское, чѣмъ заключалось.

въ этихъ изданіяхъ и что проникло въ молодые умы, конечно, было занесено изъ Германіи. Но не однимъ случайно попавшимъ въ среду нашу пдсеамъ надобно приписать это новое настроение мыслей: преимущественно оно было слѣдствіемъ нового духа, возникшаго въ преподаваніи философіи въ школахъ. Естественный ходъ умственного развитія, не смотря на его недавнее пробужденіе у пасъ, на заимствованный и подражательный его характеръ и на разныя другія неудобства, привелъ все-таки лучшіе умы наши къ воззрѣніямъ на науку вообще, и на философію въ особенности, болѣе согласнымъ съ духомъ и внутреннимъ значеніемъ послѣднихъ. На каѳедрѣ философской начали появляться лица, которыхъ не могла уже удовлетворить одна систематика и Вольфіанскій формализмъ, лица, не только хорошо знакомыя съ новыми движеніемъ и требованіями науки въ Германіи, но и способныя самостоятельно ихъ обсуждывать. И они, конечно, заимствовали главныя положенія, идеи науки и цѣлія системы изъ чужихъ источниковъ; но это заимствованіе не было уже однимъ простымъ механическимъ копированіемъ извѣстныхъ учебниковъ, а было сознательнымъ, живымъ принятіемъ того, что они считали за важнѣйшее и лучшее. Конечно, это былъ родъ эклектизма; но и разумный эклектизмъ быть уже важнѣйшимъ шагомъ впередъ. Онъ предполагаетъ и критической взглядъ на философскія ученія, и убѣжденіе въ томъ, чтѣ слѣдуетъ или чего не слѣдуетъ допускать въ собственныхъ понятіяхъ. Да эклектизмъ еда-ли и не есть самый приличный способъ философствованія для тѣхъ, которые недавно явились на поющице науки и не па столько еще богаты ся опытами, не па столько еще успѣли развернуть творческія силы своего ума, чтобы, такъ-сказать, отъ своего имени, предъявить міру самостоятельно начатое и доконченное зданіе своихъ убѣждений. Имъ предстоитъ еще осмотрѣться и укрѣпиться въ области, куда они пѣсколько опоздали войдти. Впрочемъ и пѣть никакой бѣзы оставаться на пѣкоторое время эклектиками, лишь бы этотъ путь избрали быть свободно и добросовѣстно. Какъ бы ни вѣровали мы въ свои умственные силы, а все-таки приходится прежде учиться, а по-томъ уже учить другихъ.

Мы видѣли, что изученіе философіи началось и преимущественно продолжалось въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ нихъ же возникъ и обновляющій ее духъ, и именно въ академіяхъ С.-Петербургской и Московской. Первымъ реформаторомъ философіи въ Петербургской академіи является Фесслеръ, вызванный изъ-за границы въ 1809 году первоначально для преподаванія еврейскаго языка. На-

чальство академическое, замѣтивъ изъ представленныхъ имъ трудовъ особенное философское направление, поручило ему преподаваніе философіи. Феслеръ былъ человѣкъ съ обширными и разнообразными свѣдѣніями, но въ то же время и съ необыкновенно пылкимъ воображеніемъ, которое слишкомъ далеко увлекало его въ высшія сферы умозрѣй. Онъ принялъ за основаніе своихъ лекцій идеи Шеллинга. Идеи эти сами по себѣ заключали уже возможность мистического настроенія, которому, какъ извѣстно, не былъ чуждъ и самъ виновникъ ихъ въ позднѣйшее время. Феслеръ предупредилъ его на этомъ пути. Роковое и соблазнительное положеніе, что высочайшая истины постигаются единственно посредствомъ *умственнаго созерцанія*, вовлекло Феслера въ лабиринтъ умозаключеній и идеаловъ, для выхода изъ котораго на настоящій дѣйствительный свѣтъ трудно было найти Ариаднину нить. Неудивительно, что его ученикъ встрѣтило сильного противника въ умномъ, просвѣщенномъ архіепископѣ Рязанскомъ ѡеофилактѣ¹⁾). Въ замѣчаніяхъ своихъ, представленныхъ имъ на конспектъ Феслера, онъ энергически возсталъ противъ всякой идеалистической односторонности и доказывалъ, что изъ системы, опирающейся на одни такъ называемыя врожденныя идеи и отвергающей свидѣтельство чувствъ

¹⁾ Проеосвѣщенный ѡеофилактъ отличался значительнымъ философскимъ образованіемъ, доказательствомъ чemu, между прочимъ, служитъ переведенное подъ его руководствомъ студентами Александро-Невской духовной академіи сочиненіе Аенсиліона: *Эстетическія разсужденія*, изд. 1813 года. Книга эта между разными то схоластическими, то легкими, у Французовъ заимствованными понятіями о предметахъ изящного была у насъ свѣтлымъ явленіемъ въ свое время. Переводъ ея отличался прекраснымъ, новымъ, правильнымъ и яснымъ языккомъ. Эстетическія разсужденія замѣчательны еще тѣмъ, что послужили поводомъ къ полемикѣ между знаменитымъ Филипеттомъ, бывшимъ тогда ректоромъ академіи, и проеосвѣщеннымъ ѡеофилактомъ. Филипетъ слишкомъ строго осуждалъ и некоторые мысли въ этихъ трактатахъ, находя ихъ противорелигіозными. Надобно отдать справедливость ѡеофилакту, что онъ отражалъ эти нападенія съ большимъ искусствомъ, умомъ и тонкостю, защищая философию отъ вознодимыхъ на нее нападкій. Кроме переведенныхъ имъ самимъ и изданныхъ: *Упложеній философи* Бовція (Спб., 1794 года), *Врачества отъ умынія и отчаянія* (Калуга, 1805), и *начала противъ безъвѣрія Камюе* (Калуга, 1806), ему же принадлежитъ еще одинъ переводъ чрезвычайно замѣчательной книги съ англійскаго языка подъ названіемъ *Созерцаніе христіанства*, въ которой божественные истины христіанства съ необыкновенно силою и убѣдительностью изъясняются и доказываются изъ чистаго разума. Она напечатана въ 1803 году съ дозволенія св. синода и нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость. Авторъ ея, бывшій членомъ англійскаго парламента, — *Жемінісъ*, родившійся въ 1704 и умершій въ 1787 году.

и опыта, нельзя извлечь никакихъ существенныхъ и вѣрныхъ истинъ. Слѣдствіемъ этого протеста было то, что Феслеръ долженъ былъ оставить каѳедру философіи. Въ академіи въ преподаваніи философіи настала реакція; положено было возвратиться къ Вольфу и Винклеру. Но какъ всякая реакція, направлена вдругъ и противъ злоупотребленія новой веци, и противъ ея сущности, сдѣлавшейся потребностю времени, она не могла быть продолжительна и должна была уступить тому, что въ новомъ было справедливаго и полезнаго. Заступившій място Феслера профессоръ фонъ-Хорнъ объявилъ, что онъ приметъ въ руководители Винклера не иначе, какъ съ правомъ подвергать его строгой критикѣ, такъ какъ вообще Вольфіанская школа, посѣтъ сдѣланныхъ наукой успѣховъ, оказывается во многомъ несостоятельной¹⁾.

Не смотря на весьма кратковременное свое пребываніе въ академіи, Феслеръ успѣлъ возбудить въ умахъ академического юношества новыя философскія идеи, которыя не пропали даромъ; ими одушевились многіе изъ его слушателей, и когда иные изъ нихъ сами сдѣлались наставниками, то поспѣшили познакомить съ ними и своихъ учениковъ. Вотъ что говорить одинъ изъ даровитѣйшихъ питомцевъ Московской духовной академіи, покойный И. И. Надеждинъ, въ одной изъ своихъ испѣданий записокъ, которую онъ памъ передалъ при своей жизни:

„Я учился у учениковъ Феслера и знаю, какой энтузіазмъ возбуждало въ нихъ одно воспоминаніе, одно имя великаго учителя. Дѣйствительно, то немноже, что опь успѣлъ сообщить имъ, было исполнено такой жизни, облачено такимъ снѣтомъ, что душа, чувствующая потребность и силу мыслить, естественно должна была покориться не преодолимому магическому очарованію.

„Я самъ испыталъ это, продолжаетъ Надеждинъ; какимъ отраднымъ воздухомъ облегчилась юношеская грудь моя, когда я услышалъ благодатное изреченіе: *ratio non rationatus*, то-есть, умъ не состоитъ въ умозаключеніяхъ, или, другими словами, философія, наука ума, не есть искусство бодаться си-логизмами. А это въ первый разъ у насъ было сказано Феслеромъ. Опь же первый заговорилъ, и заговорилъ языккомъ пламенного постороженнаго одушевленія, о блаженномъ яспопидѣніи истины чрезъ внутреннее око ума, о созер-

¹⁾ Фонъ-Хорнъ былъ адьюнкѣтъ-профессоромъ по части богословскихъ наукъ въ Геттингенѣ. Въ 1807 году его вызвали въ Россію для занятія въ Дерптскомъ университетѣ каѳедры богословія и церковной исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ и философію религіи, а въ 1810 году былъ опредѣленъ профессоромъ философіи въ Александро-Невскую духовную академію (см. Исторію этой академіи г. Чистовича).

цалии всего въ безусловномъ единствеѣ вѣчной и беспредѣльной идеи Божества, о высокомъ достоинствѣ нашей души, посещей и сознающей въ себѣ образъ этой идеи".

Въ отзывѣ этомъ слышится живое юношеское увлеченіе. Онъ, конечно, не доказываетъ правильнаго хода философскихъ познаній, гдѣ, повидимому, преобладали болѣе лиризмъ, субъективное начало чувства, чѣмъ трезвое и отчетливое изслѣдованіе истины; но онъ тѣмъ замѣчательнъ, что свидѣтельствуетъ объ усиленіемъ рисунѣ, съ какими молодое учащееся поколѣніе готово было устремиться на новый путь умственной дѣятельности.

Въ Московской духовной академіи дѣйствительно также совершился важный переворотъ въ преподаваніи философіи. Сперва Баумейстеръ и Винклеръ были смѣнены, и мѣсто ихъ заступилъ Карне. Потомъ выступили на сцену новые молодые преподаватели, каковы Кутневичъ и Голубинскій. Не столь восторженные и односторонніе, какъ Фесслеръ, гораздо умѣренѣе и отчетливѣе его, они тѣмъ не менѣе возбуждали въ слушателяхъ своихъ горячее сочувствіе къ философіи, особенно Голубинскому, сть необыкновеннымъ искусствомъ, знаніемъ и критическою разборчивостью объяснявшій между прочимъ Кантъ, Фихте и Шеллинга. По свидѣтельству Надеждина, духъ философскаго мышленія сильно овладѣлъ тогда умами академическихъ юношей.

„Невозможно вообразить, говорить онъ, какое одушевленіе, какая, можно сказать, страсть къ философіи господствовала тогда въ уединенныхъ стѣнахъ Сергиевской лавры; когда я поступилъ въ студенты академіи въ 1810 году, тамъ уже находились цѣлые переводы (въ рукописи) Кантовой „Критики чистаго разума“, „Эстетики“ Буттервека, Шеллинговой „Философіи религіи“, и т. п., — переводы, которые жадно счищались юношами, собранными изъ разныхъ концовъ иезуитской Россіи“.

Въ 1833 году появилась книга, которая служила новымъ доказательствомъ, что философская мыслительность не только пробуждалась у настѣ, но и начала приобрѣтать болѣе твердости и своеобразія. Книга эта была *Введение въ философию* отца Феодора Сидонскаго. Цѣль автора какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала потребностямъ нашей умственной среды, при начальѣ въ ней философскаго движения,— среди, пуждавшейся въ твердой постановкѣ основныхъ началъ философіи, опредѣленій ея задачъ и указаний способовъ къ ихъ рѣшенію. Существеннѣйшее достоинство называемаго нами сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ, совѣтуясь съ воззрѣніями великихъ учителей прошлаго времени и сму современникъ, подвергаетъ вопросы тѣ всестороннѣу

изслѣдованию и рѣшаетъ ихъ, какъ мыслитель самостоятельный, глубоко проникающій въ предметы, ясно дающій себѣ отчетъ въ каждой своей мысли и столь же ясно выражающій ее для другихъ. Книга отца Ф. Сидонскаго была важнымъ явленіемъ въ нашей философской литературѣ. Академія Наукъ оцѣнила достоинство ея и увѣнчала полной Демидовскою преміей.

Междѣ лицами, содѣйствовавшими у насъ распространенію философскаго образованія, Галичъ безспорно занималъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Мы видѣли, что новое возбужденное движение въ области философіи преимущественно направлялось по пути, открытому Шеллингомъ. Цѣну ученія этого обширенаго, выспреннаго ума, совмѣщавшаго въ себѣ Платона, Джюрано Бруно, Спинозу, время опредѣлило. Проблемы, которыхъ онъ старался разрѣшить, остались не разрѣшенными у него, какъ и у его предшественниковъ, равно какъ у наследовавшаго за нихъ первенство въ наукѣ Гегеля; вѣроятно, они останутся такими и павсегда. Да дѣло и не въ этомъ. Не нужно быть ни отчаяннымъ скептикомъ, ни матеріалистомъ, чтобы убѣдиться въ несостоятельности метафизическихъ отвѣтовъ на метафизические вопросы. Умы сплѣнныя и наиболѣе наклонныя къ идеализму не пытаютъ сами увѣренности, что имъ открыты тайны творческой премудрости; по изъ не-постижимости этихъ тайнъ они не выводятъ заключеній въ ущербъ ихъ божественно-разумному смыслу, подобно скептикамъ и матеріалистамъ. Во всякомъ случаѣ для насъ чрезвычайно важенъ рядъ міросозерцаній, которыхъ достигаетъ человѣчество не путемъ одного умственно-поэтическаго пистинкта, а путемъ строгихъ изысканий, путемъ развивающейся зрѣлой мысли, словомъ, путемъ науки. Каждая изъ главныхъ и важнейшихъ философскихъ системъ есть не иное чѣмъ, какъ актъ одного изъ этихъ міросозерцаній, составляющій выводъ или итогъ всей образованности вѣка, всѣхъ его стремлений, надеждъ, колебаний и удостовѣреній, и въ этомъ отношеніи попытать, изучить такую систему чрезвычайно поучительно, а изучить ее иначе нельзя, какъ ставь на ея точку зрѣнія и проникнувшись ея духомъ. Поучительность эта усугубляется, когда система близка къ нашему времени, и когда, по господствующей въ ней міросозерцательной мысли, она наклоняетъ умы и сердца къ отраднымъ возвышеннымъ убѣжденіямъ и нравственнымъ истинамъ. Въ какой степени и въ какомъ смыслѣ Галичъ былъ шеллингистомъ, мы отчасти видѣли, сравнивая его съ Велланскимъ. Здѣсь мы припомнимъ разговоръ, который происходилъ между нимъ и однимъ изъ его учениковъ, спустя довольно долгое

время послѣ того, какъ этотъ слушалъ у него курсъ Шеллинговой философіи. Рѣчь зашла именно объ этой философіи. „Скажите, Александръ Ивановичъ, спросилъ онъ у Галича, можно ли сказать, что она рѣшаетъ удовлетворительно задачи, составляющія ея программу?“ Галичъ улынулся своею ироническою улыбкой и спросилъ у своего собесѣдника: „А вы сами какъ думаете? Находите ее удовлетворительно?“ „И такъ и сакъ, отвѣчалъ онъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она меня удовлетворяетъ, въ другихъ нѣтъ.“ „Ну, я поставлю вопросъ иначе: чувствуете ли вы, что вамъ съ нею нѣсколько лучше, и вы сами, съ помощью ея, не сдѣлались ли немного лучшимъ?“ „О, да!“ „Ну такъ и довольствуйтесь этимъ. Тотъ философскій образъ мыслей есть самый для насъ приличный, который наиболѣе содѣстествуетъ намъ къ достижению ипра съ самимъ собою и съ другими. Счастливъ тотъ, чьи убѣжденія ближе къ истинѣ, но безъ убѣжденій жить нельзя“.

Изъ сказаннаго здѣсь уже видно, что для нашего философа въ Шеллинговой системѣ была дорога не метафизическая ея сторона, а та жизненная струя, которая, такъ - сказать, протекала по всѣмъ изгибамъ ея, то одушевленіе ко всему благому и прекрасному, которое исходило изъ міросозерцанія, служившаго основою всѣхъ идей германскаго мыслителя. Но Галичъ зналъ, что эта лучшая сторона ученія не можетъ быть доступна какому-нибудь случайному или легкому набѣгу любопытствующаго ума, что ее надоѣно уразумѣть и усвоить путемъ правильнаго изученія не только всей системы, но и соприкосновеній съ ней ученій, и что сила того, чтѣ есть въ ней величественнаго и назидательнаго, только тогда сдѣлается ощущительна, когда система будетъ твердо поставлена на свои логическія опоры. Поэтому Галичъ изъяснилъ своимъ слушателямъ Шеллингово ученіе по строгому научному методу, избѣгая всякихъ аффектацій и лирической восторженности, и такимъ же образомъ изложилъ ее по нѣмецкимъ источникамъ и въ небольшомъ своемъ сочиненіи: *Черты умозрительной философіи*, Спб. 1829 года. Въ этой выдержанности и точномъ соблюденіи свойствъ научнаго метода и заключается отличительный характеръ философской дѣятельности Галича и важнѣйшая сторона его заслуги передъ философіей у насъ въ его время. На это могутъ однако сдѣлать замѣчаніе: вѣдь это же дѣлали и Вольфіанцы, а къ чему это повело? Но есть различіе между силлогистическимъ методомъ, который употребляли они, и методомъ синтетическаго построенія, которому слѣдовали ученики Шеллинга въ его духѣ и слѣдовалъ нашъ

філософъ. Вольфіанцы, отвлекая понятія свои отъ дѣйствительности, выковывали, такъ-сказать, изъ нихъ, и изъ нихъ однихъ, цѣль умозаключеній, и заботясь единственно о логическихъ ихъ соотношеніяхъ и правильности, довольствовались симметричностю положеній и строгою симметричностю спистемы; въ "упоеніи ученой техники они забывали о жизни, что немногимъ отличало ихъ школу отъ старой християнскіи. Но тѣ, которые употребляли способъ построенія, не выпускали путь виду природы и жизни; чертежи и планы своей архитекторники они относили къ нимъ и старались прилагиваться къ ихъ требованіямъ и указаніямъ. Правда, они изъясняли ихъ по своему, по предвзятымъ идеямъ; но если у нихъ выходилъ міръ не совсѣмъ такой, какъ есть, то все-таки міръ, въ которомъ двигалась и кипѣла жизнь. Это было зданіе идеальное, напоминающее геній и стиль поззи, но не лишенное архитектонического величія въ цѣломъ, разнообразія, озаряющихъ свѣтлыхъ проблесковъ и присутствія жизненныхъ стихій въ частностяхъ. Если вы не удовлетворились, да естественно и не могли удовлетвориться системою, какъ отраженіемъ дѣйствительности, то не могли же отказать ей въ удивленіи вашемъ, какъ высокому созданію творческой мысли человѣка, какъ одному изъ міросозерцаній, наиболѣе достойныхъ его разума.

Въ 1825 году Галичъ издалъ свой *Опытъ науки обѣ изящномъ*. Слишкомъ сжатое и отвлеченнное изложеніе этой книги дѣлало ее доступною для немногихъ. За всѣмъ тѣмъ она составляетъ замѣчательное явленіе въ тогдашней нашей литературѣ, какъ первый опытъ философіи изящнаго и философіи искусства по новѣйшимъ началамъ. То, что въ свое время особенно могло благопріятно дѣйствовать на кругъ лицъ, занимавшихся эстетическими вопросами, это мысли о своеобразномъ и идеальномъ значеніи художественного творчества, обѣ идеалъ, обѣ отношеніи искусства къ природѣ и проч. Какъ бы ни была оспариваема мысль, что искусство существуетъ для искусства, и какъ бы она ни казалась въ известную эпоху несвоевременною, но несомнѣнно то, что принципъ эстетическихъ воззрѣній самъ по себѣ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ ходѣ развитія и образованія человѣческихъ обществъ. Онъ можетъ выражаться въ многоразличныхъ формахъ, допускать полную свободу творчаго генія, можетъ совпадать съ духомъ и различными требованіями общества и подлежать ихъ вліянію, но его личныя, такъ-сказать, значеніе и сила никогда отъ того не умалятся, а потому онъ всегда будетъ предметомъ обосбленнаго наблюденія и изученія, какъ одинъ

изъ могучихъ факторовъ человѣческой жизни и исторіи. Каковы бы ни были методъ и пріемы этого изученія, всегда болѣе или менѣе успѣшныя усиленія будутъ направлены къ тому, чтобы подойдти ближе къ началу и закону явлений, составляющихъ огромный и великолѣпный міръ искусства. Попытка Галича въ этомъ родѣ доказываетъ, что вступивъ на общий путь человѣческой образованности, мы не можемъ уже быть чужды ни многоразличныхъ вопросовъ ея, ни покушений рѣшать ихъ.

Въ своихъ лекціяхъ, въ *Исторіи философскихъ системъ*, въ *Чертахъ умозрительной философіи*, въ *Опытѣ науки изящнаго* Галичъ строго держался научнаго метода, имѣя въ виду одно — способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, утвержденію въ своемъ отечествѣ, на прочныхъ основаніяхъ, зданія философіи, какъ науки. Но онъ былъ одержимъ еще другимъ желаніемъ, желаніемъ содѣйствовать распространенію между своими соотечественниками вообще философскаго пониманія предметовъ, заключающихъ въ себѣ наибольшую важность для жизни. Онъ слишкомъ былъ далекъ отъ намѣренія популяризировать слегка высшія понятія и полагалъ, что въ обществахъ всегда найдется только небольшое число людей, которые будутъ имѣть достаточно досуга, внутренняго призванія и дарованій, чтобы основательно и серіозно углубляться въ вопросы, не связанные непосредственно съ нуждами и текущими заботами дня. Ему казалось, что во многихъ случаяхъ въ этой популяризаціи участвуетъ болѣе тщеславіе популяризаторовъ, чѣмъ существенная и прямая нужда огромной массы людей, и что если хорошо и полезно знакомить людей съ истинами, коихъ и пониманіе, и примѣненіе для нихъ удобно и возможно въ сферѣ ихъ дѣятельности, то вовсе пѣтъ никакой разумной причины сообщать имъ такія идеи, которыхъ они не могутъ усвоить себѣ иначе, какъ неполно и поверхностно; талантъ же или гений будетъ искать пищи и руководства не въ этихъ популярныхъ и летучихъ изысканіяхъ, а устремится туда, где великія истины уступаютъ только предъ упорными и непрерывными усилиями умовъ избранныхъ, где и самимъ этимъ умамъ, какъ Моисею, часто приходится только издали видѣть обѣтованную землю желаемаго знанія. Но съ другой стороны, Галичу было известно, что есть такія истины, драгоценныя для всякаго мыслящаго человѣка, за которыми не надобно спускаться въ Демокритовъ колодезь, и которыхъ общепонятное, наукою вспомоществуемое уясненіе и распространеніе составляетъ необходимость всякаго образованнаго общества.

Въ этихъ видахъ написана имъ *Картинка человѣка* (изд. 1834 года), сочиненіе, заключающее въ себѣ полное ученіе о человѣкѣ. Вотъ что говорить авторъ въ предисловіи о назначеніи своего труда:

„Картинка человѣка, выставляемая симъ въ публику, имѣеть цѣлую не только способствовать успѣхамъ общей науки или философии съ той стороны, которая для всѣхъ равно занимательна и по сей причинѣ должна быть каждому образованому равно доступна, но и доставить поучительное *утреннѣе* чтеніе именно любознательнымъ юношамъ, дѣловымъ людямъ, художникамъ, литераторамъ и наконецъ тому почтенному возрасту, который не можетъ уже находить пищи въ романахъ, драмахъ и періодическихъ листкахъ, но который любить *пріятнѣе* только въ формѣ полезнаго“.

Картинка человѣка принадлежитъ исторіи отечественной науки, а потому на сочиненіе это нельзя смотрѣть съ точки зреія современной психологіи, успѣхи коей въ нѣкоторомъ отношеніи неоспоримы. Мы однако вовсе не допускаемъ превосходства послѣдней въ томъ, чтобы она удовлетворительнѣе решала главные вопросы человѣкоznанія; этой удовлетворительности она представляетъ не болѣе, чѣмъ прежняя психологія. Мы не видимъ еще большаго приобрѣтенія въ томъ, что она не признается въ душѣ врожденныхъ способностей, не допускаетъ дуализма и смотритъ на человѣка, какъ на обыкновенный продуктъ естественныхъ процессовъ въ образованіи и измѣненіяхъ нашей планеты. Многое еще есть противорѣчащаго этимъ основнымъ понятіямъ, и человѣкъ едва-ли не сдѣлался по новѣйшей психологіи непонятнѣе, чѣмъ былъ прежде. Однакожъ, скажутъ намъ, несомнѣнно, что индукція, руководящая современными психологическими изслѣдованіями, уничтожила многія иллюзіи и предразсудки, господствовавшіе въ прежней науцѣ о человѣкѣ. Правда; но это составляетъ только отрицательную заслугу новѣйшихъ ученій. А гдѣ положительная? Пока дѣло касается механическихъ отиравленій въ нашемъ организмѣ, все идетъ довольно успѣшно; но лишь только изысканія перешагнутъ черту, отдѣляющую неослѣпаемую, невидимую сторону нашего существа отъ области, гдѣ по праву предоставлено дѣйствовать скальпелю и микроскопу, тамъ поражаетъ насъ та же тьма, та же роковая неизвѣстность о наше самихъ, какія угистаютъ человѣческій умъ уже цѣлыхъ тысячелѣтія. Отвергать душу въ человѣкѣ или утверждать, что мысль есть явленіе фосфорической жидкости, что человѣческія способности возникаютъ, какъ листья на деревѣ, изъ механическаго и химического движенія соковъ, и т. п., все это вовсе не значитъ сказать что-нибудь ясно и вразумительное. Да такъ ли это? Всегда будетъ рождаться вопросъ, а съ нимъ и сомнѣніе, что, можетъ-быть,

это и не такъ. Вотъ это утверждаютъ одни, а другіе утверждаютъ иное. Пускай матерія мыслить; но чѣмъ же она такое, и какъ она можетъ мыслить, не бывъ ничѣмъ другимъ, кромѣ матеріи? Пускай первы съ ихъ рефлексами, ассоціаціями ощущеній и проч. служать причинами начинаній нашей воли, да какъ изъ этого можетъ образоваться нравственный порядокъ вещей? Множество подобныхъ вопросовъ рождается и будетъ рождаться до окончанія вѣковъ, и менѣе всего на нихъ въ состояніи будутъ отвѣтъ гласнода, изучающіе человѣка по аналогіи со всѣми естественными произведеніями, ибо если бы мы и допустили, что въ возникновеніи человѣческихъ умственныхъ и нравственныхъ явлений, съ одной стороны, и явлений физическихъ, съ другой, господствуетъ одинъ и тотъ же законъ, то первые въ настоящемъ своемъ видѣ сдѣлались уже столь противоположны послѣднимъ, столь своеобразны, столь, если можно такъ выразиться, не матеріальны и не физичны, что нѣть никакой возможности привести ихъ въ связь съ тѣмъ первоначальнымъ общимъ закономъ, доказать его власть надъ ними и посредствомъ его что-нибудь объяснить въ нихъ. Такимъ образомъ мы поставлены въ необходимости искать для нихъ другаго закона и другихъ объясненій.

Мы слишкомъ однако далеки отъ того, чтобы не желать продолженія изслѣдований психологическихъ въ такомъ духѣ, какъ они нынѣ производятся. Отъ нихъ можетъ пропойти много хорошаго; главное, увеличится запасъ свѣдѣній о разныхъ явленіяхъ нашей внутренней жизни, и наука обогатится болѣе или менѣе точными ихъ описаніями. Важность этого описательного способа, этой, такъ-сказать, топографіи или статистики нашего внутренняго міра никто отрицать не станетъ. Но тутъ встрѣчается иѣкоторая опасность. Она состоить въ томъ, что съ этими описаніями часто соединяютъ выводы о самой природѣ и основныхъ законахъ силъ, движущихъ явленіями, съ чѣмъ вѣдѣстъ затрагиваются и весьма важные интересы жизни. И какъ выводы эти вовсе не представляютъ ручательства въ своей истинности, да едва-ли и въ состояніи ихъ представить, то позорительно, по крайней мѣрѣ, желать, чтобы они не были такъ рѣшительны и безапелляціонны, какъ это часто случается, и не посягали на тѣ изъ нашихъ удостовѣреній, которыя опытами вѣковъ доказали свою годность для практическихъ работъ нравственного міростроенія. Мы не хотимъ сказать, что приятное заблужденіе лучше грустной истины, но полагаемъ, что не доказанная, да еще печальная истина ничѣмъ не лучше увѣренности, тоже недоказанной математически, но служащей источ-

никомъ многихъ великихъ и благотворныхъ для человѣчества послѣдствій. И нельзя не согласиться, что въ самихъ этихъ послѣдствіяхъ заключается справедливый поводъ къ принятію за истину начала, изъ коего они вытекаютъ, ибо ложь не въ состояніи произвести что-нибудь пмъ подобное. Но плодамъ познается древо.

Само собою разумѣется, что сочиненіе Галича не содержитъ въ себѣ тѣхъ психологическихъ открытій, какими надѣляетъ насъ новѣйшая психологія: онъ не могъ предупредить будущее. Обнимая вполнѣ духовную и нравственную сторону человѣка въ связи съ физической, оно есть не иное что, какъ кодификація попыткій, выработанныхъ наукой тогдашняго и до - тогдашняго времени. Напрасно однако авторъ думалъ, что сочиненіе его будуть читать любознательные юноши, дѣловые люди, литераторы и проч. Можетъ-быть, они и читали бы его, еслибы оно было не книгою, да еще и толстою, а статьею, дѣйствительно годною для утренняго прочтенія за чаемъ и сигарою. Но Галичъ „не могъ преодолѣть своей природы“; случилось то, чему слѣдовало случиться, судя по направленію и характеру автора: изъ подъ пера его вышло сочиненіе, расположеннное въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, со множествомъ раздѣлений и подраздѣлений, словомъ, въ такой научной формѣ, что для него недостаточно было простаго, хотя и утренняго чтенія, а нужно было изученіе. Но во всякомъ случаѣ оно заслуживало этого изученія. Въ немъ, какъ и въ *Історії философскихъ системъ*, авторъ пользовался воззрѣніями, многими мыслями и изысканіями преимущественно пѣмецкихъ ученыхъ; но въ то же время собранными имъ богатыми материалами онъ распоряжался совершенно самостоятельно, какъ мастеръ и знатокъ дѣла. Его собственные размышленія и приемы, его наблюденія и опыты, способъ изложенія, сму исключительно свойственный, все даетъ этому почтенному труду характеръ оригинальности, не совсѣмъ обыкновенной въ нашей литературѣ вообще и новой въ нашей литературѣ философской. Подобнымъ образомъ отозвалась о *Картинѣ чловѣка* и Императорскія Академія Наукъ въ отчетѣ своемъ о присужденіи ей Демидовской преміи. „Книга Галича, сказано въ немъ, отнюдь не есть простая компиляція, а безъ сомнѣнія, собственное достояніе автора, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій“¹⁾). Излагая разныя психическія явленія, авторъ не довольствуется изѣясненіемъ ихъ ти-

¹⁾) Отчетъ Академіи Наукъ о четвертомъ присужденіи Демидовскихъ премій за 1834 — 1835 годы, стр. 17.

лическихъ свойствъ: съ особенною проницательностю и знаніемъ онъ ищетъ примѣненія ихъ въ русскомъ обществѣ и нравахъ. Многія мѣста его книги содержать вѣрныя и живыя характеристики въ этомъ родѣ. Приведемъ еще слова академического отчета, съ которыми нельзя не согласиться.

„Въ сочиненіи Галича, говорится тамъ, господствуетъ строгая послѣдовательность мыслей, и авторъ, обдумывая здраво и со всѣхъ сторонъ предметъ, умѣеть съ вѣрностю убѣдить читателя въ своихъ идеахъ; оно способно посеять въ образованныхъ сословіяхъ много полезныхъ мыслей, разливая съѣть на разностороннія отношенія людей“.

Но отдавая справедливость автору за его прекрасный трудъ въ общемъ его характерѣ и содержаніи, академія осуждаетъ его за его причудливый, мѣстами насмѣшливый юмористический тонъ въ изложеніи и слогѣ, который, по ея мнѣнію, во многихъ мѣстахъ, и болѣе всего въ тѣхъ, гдѣ дѣло идетъ о практической сторонѣ человѣка, не совмѣстенъ съ цѣлью и достоинствомъ цѣлаго сочиненія. Академія заявляетъ, что „во уваженіе большой общеполезности сочиненія Галича и удачно во всѣхъ отношеніяхъ выбранной и обработанной имъ матеріи, она не преминула бы назначить автору полную премію, еслиъ онъ умѣль лучше согласовать форму съ достоинствомъ своего предмета“. Вслѣдствіе этого Галичу была присуждена только половина преміи въ 2.500 рублей. Академія была совершенно права въ своемъ приговорѣ. Начертывая картину человѣка, Галичъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, „не могъ преодолѣть своей врожденной наклонности къ ироніи и юмору“. Что онъ способенъ быть и умѣль поставить себя въ приличное и благоговѣйное отношеніе ко всѣмъ великимъ предметамъ и изображать ихъ даже съ одушевленіемъ глубокаго поэтическаго чувства, это доказываютъ уже тѣ мѣста въ *Картинѣ человѣка*, гдѣ онъ, напримѣръ, говорить о правственной свободѣ, о геніѣ, о характерѣ, обѣ эстетическомъ и религіозномъ чувствѣ и проч. ¹⁾). Но спускаясь въ низменную сферу текущихъ дѣлъ человѣческихъ, онъ не могъ воздержаться отъ насмѣшливой улыбки при видѣ зрѣлища, гдѣ человѣкъ дѣйствительно бываетъ очень забавенъ и впадаетъ истинно въ комическія положенія, то играя въ маленькия страсти, то гоняясь на шумной ловлѣ за житейскими благами ²⁾). Имѣя въ виду только ученую сторону психологического сочиненія, Академія не обязана была, подобно бiографу, да и не могла изучать психоло-

¹⁾ См. Приложение IV.

²⁾ См. Приложение V.

гических свойства самого автора, по которымъ *Картина человѣка*, также какъ и его *Історія философскихъ системъ*, не могла быть изложена въ другомъ, а не въ томъ тоиѣ, въ какомъ она явилась. Академія поступила даже синходительно, простивъ ему частыи нарушенія строгихъ дидактическихъ обычаявъ и наклонность къ поэтическимъ образамъ, чтò, безъ сомнѣнія, дѣластъ честь ея духу терпимости и многостороннему ея воззрѣнію на вещи.

Галичъ зналъ превосходно отечественный языкъ, но употребляя его, придавалъ ему нѣкоторыя особенности, то произвольно угоождалъ своему юмористическому капризу, то непроизвольно повинуясь необходимости вводить новые слова и словосочетанія для выраженія такихъ философскихъ мыслей, для которыхъ языкъ нашъ сице не выработалъ соотвѣтственныхъ формъ. Нерѣдко онъ заимствовалъ нужное ему слово изъ сферы языка обыденаго, разговорнаго, не гнувшись и давно забытыми словами или такими, которыхъ, казалось, не было мѣста въ строго научномъ философскомъ изложеніи. Многія изъ нихъ, не смотря на то, что занимали, повидимому, не принадлежащее имъ по праву мѣсто, облагораживались, такъ-сказать, важностю ввѣряемаго имъ понятія, не предили его достоинству, а главное, обозначали мѣтко и рельефно выставляемый на видъ его оттѣнокъ. Галичъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы у него не было *сплошныхъ* выражений, чтобы понятія не сливались въ его рѣчи, а выходили сколь возможно раздѣльные, сохраняя вполнѣ и за собою, и за цѣлою мыслию ту характеристическую физіономію и тоиѣ, какіе имъ свойственны, или какіе авторъ хотѣлъ имъ дать. Но построение его рѣчи представляется для читателя своего рода неудобства. Постоянное, укоренившееся въ приемахъ его мысли стремленіе къ систематикѣ обнаруживается, какъ мы уже разъ замѣтили, и въ оборотахъ его рѣчи. Причиною этого между прочимъ было, безъ сомнѣнія, долговременное его обращеніе въ кругу нѣмецкой мыслительности, готовой, какъ известно, скорѣе пренебречь очевидностію извѣстныхъ положеній, чѣмъ отказаться отъ желанія обставить ихъ всѣми подобными и не-подобными тонкостями логической архитектоники. Такъ какъ подобное усиливаетъ господство тамъ въ каждой отдельной мысли, то отсюда происходятъ въ выраженіи и накопленіе эпизодическихъ частностей и искусственность въ ихъ распределеніи, которая столь затрудняютъ пониманіе читателя. Умъ читателя на каждомъ шагу принужденъ останавливаться, претыкался о какой-нибудь неожиданно высунувшейся уступъ или уголъ абстрактнаго свойства, или уклониться далеко въ

сторону отъ главной идеи, и пока онъ доберется до ея центра, собранные имъ материалы уже разсыпались, и ему приходится снова начинать ту же умственную работу. Всего досадище бываетъ, когда трудъ этотъ пропадаетъ даромъ, когда достигнувъ такимъ тяжелымъ путемъ вершины преслѣдуемой вами мысли, вы также мало удовлетворяйтесь добытымъ результатомъ относительно самого вопроса, подавшаго поводъ къ подобнымъ словоизвѣстіямъ, какъ и въ началѣ вашего восхожденія. Говорить, это хорошо, потому что изощряетъ умственные способности, содержа ихъ въ постоянномъ движении и дѣятельности. Но было бы слишкомъ неразумно издерживать на гимнастику силы, какія намъ нужны для существенныхъ и плодотворныхъ работъ. Сокращеніе труда и времени по справедливости считаются важнымъ успѣхомъ въ технике человѣческой производительности. Жизнь коротка, дѣла у людей много; притомъ же не только работать, но и жить надобно. Къ чему же произвольно и въ угоду какой бы то ни было, хотя бы и ученой, суетности налагать на себя тягости, въ нюанси коихъ состоить вся заслуга?

Всего этого, разумѣется, мы не относимъ къ нашему философу, не расточавшему даромъ словъ и очень хорошо понимавшему различіе между складомъ ума нѣмецкаго и русскаго. При всемъ томъ можно было надѣяться, что Галичъ, при извѣстной отчетливости своихъ философскихъ воззрѣй и опредѣленности своего образа мыслей, при неоспоримомъ его основательномъ знаніи отечественнаго языка, устранить въ своей рѣчи эту нѣкоторую, такъ-сказать, тягучесть и узловатость ея нити, которыя напоминаютъ слишкомъ сложный механизмъ мышленія и мѣшаютъ скорому умственному сближенію читателя съ авторомъ. Можно было бы поэтому требовать, чтобы рѣчь его была подвижнѣе, легче и гладже, точно также какъ и въ другихъ отношеніяхъ можно было бы требовать отъ него еще многаго. И не обо всякомъ ли высшемъ дѣятельѣ слѣдуетъ сказать то же? Всякій изъ нихъ, сходя въ могилу, оставляетъ по себѣ свое дѣло не довершеніемъ, какъ бы во свидѣтельство того, что занимавшіе его и другихъ великие вопросы составляютъ не ихъ исключительную работу, но работу вѣковъ и многихъ грядущихъ поколѣній. Не будемъ же къ нимъ неблагодарны, подобно тѣмъ людямъ, не отличающимся благородствомъ чувствованій, которые думаютъ объ одномъ, какъ бы въ неизбѣжныхъ несовершенствахъ своихъ предшественниковъ и учителей найти предлогъ не платить имъ ничѣмъ за полученное отъ нихъ добро.

А. Никитенко.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Вотъ всѣ сочиненія, изданныя Зябловскимъ: 1) *Начальныя основанія географии*, 1804 года, принятая въ руководство въ училищѣ корабельной архитектуры. 2) *Новѣйшее землеописаніе Россійской Имперіи*, съ губернскими гербами и мундирами, 2 части, 1807 г. 3) *Землеописаніе Россійской Имперіи*, для всѣхъ состояній, VI томовъ, 1810 г. Сочиненія эти многократно были дополнены, сокращены, обновлены и вновь издававыся и служили тогда единственными руководствами по русской географии въ позшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 4) *Курсъ всесобщей истории*, читанный въ педагогическомъ институтѣ для чиновниковъ гражданской службы, 1811—1812 г. 5) *Географія всесобщая и русская*, въ 3-хъ томахъ, 1831 г. Сверхъ того еще въ 1791 и 1792 годахъ Зябловский издалъ описание своего путешествія по бывшей Колыванской губерніи. Неудивительно, что имя Зябловского пользовалось въ свое время огромною известностью въ нашемъ учебномъ мірѣ. Зябловский вообще былъ такимъ достопримѣчательнымъ лицомъ, что я считаю не лишнимъ прибавить здесь для характеристики его нѣсколько моихъ собственныхъ воспоминаний о немъ, заимствую ихъ изъ моихъ записокъ о времени, когда я самъ былъ студентомъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Когда-то, разумѣется, давно уже, у насъ было распространено мнѣніе, что учитель и вообще ученый человѣкъ долженъ непремѣнно отличаться странностями и искренностью хоть немножко походить на медведя. Зябловский отчасти служилъ оправданіемъ этого мнѣнія. Всѣ его движения, манеры, ухватки были какъ-то особенно тяжелы и угловаты. Съ этимъ вполнѣ согласовалась постоянная угрюмость его физиономіи; глядя на него, можно было смѣло покриться, что онъ никогда не былъ знакомъ съ улыбкою, и что даже мускулы лица его вовсе не были способны произнести ее, хотя бы душа его и захотѣла этого. Вамъ какъ-то дѣлалось недовѣрчиво при виде его появленіи, и все казалось, что вотъ онъ сейчасъ кого-то свирѣпо выбранилъ или былъ выбранъ самъ. Со студентами онъ обращался рѣшительно какъ съ маленькими школьниками. Однажды, во время его ректорства, нѣсколько новичковъ-студентовъ пришли поздравить его съ новымъ годомъ. Онъ вышелъ къ нимъ въ обычномъ своемъ домашнемъ нарядѣ, въ халатѣ глубокой древности, испещренномъ всевозможными пятнами, и съ обычною своею сурою сущностию спросилъ ихъ: „Зачѣмъ они пришли?“ „Поздравить насть съ праздникомъ“, отвѣчали юноши. „Поздравить съ праздникомъ“ — сказалъ онъ, махнувъ какъ-то странно рукою, — „лучше бы вы спѣли дома, да заппинались дѣло“. Подобны же образомъ онъ отвѣчалъ на поздравленіе другихъ студентовъ съ пожалованіемъ его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго советника. Слово „препроводительство“, которымъ они его привѣтствовали, думалъ тѣмъ сдѣлать ему удовольствіе, не возымѣло на него ни малѣшаго дѣйствія. Онъ посогѣтовалъ имъ и тутъ не заниматься пустяками, въ родѣ какихъ-нибудь поздравленій, а спѣсть смирино дома и учиться, да аккуратно ходить на лекціи. Не смотря на это, студенты его любили, потому что въ сущности онъ былъ

очень добримиъ человѣкомъ, и его кротость и честобіе были совершеніемъ противоположностію съ его суровою наружностію и пріемами, и кто, не смущаясь посвѣдніями, обращался къ его сердцу, тотъ всегда находилъ въ немъ и сочувствіе къ себѣ, и готовность быть полезнымъ. Трудолюбіе Зябловскаго, по истинѣ, было изумительное. Онь не покидалъ нера до самой болѣзни, приковавшей его надолго къ постели и сведшей его въ могилу; въ качествѣ ректора и декана исполнялъ неопустительно всѣ обязанности этихъ званій, присутствовалъ въ разныхъ комитетахъ и комиссіяхъ, исполнялъ множество разныхъ другихъ порученій начальства, и никто изъ его слушателей не помнить, чтобы онъ пропустилъ хоть одну лекцію. Послѣднія посѣщались охотно, хотя онъ и не блистали ни особенными глубокомысліемъ, ни изяществомъ. Всякій былъ увѣренъ, что если онъ что-нибудь скажетъ, то скажетъ дѣло, и притомъ все имъ передаваемое отличалось ясностію и логіческою послѣдовательностію. Въ нравственному отношеніи ему ставили въ вину то, что онъ придерживался Рунича во время изѣбѣтской университетской исторіи по новоду обвиненія въ какихъ-либо профессоровъ въ безбожії и революціонныхъ замыслахъ. Конечно, въ этомъ оправдать его трудно. Но достоинство, что онъ дѣйствовалъ за одно съ угнетательною силой не по своемъ корыстнымъ разсчетамъ, какъ дѣйствовали тогда многие другіе, а единственно по слабости характера. Тутъ видѣть отрицательный порокъ, недостатокъ тѣхъ качествъ, которыми человѣкъ мужественныи означаетъ себѣ во дни превратностей и ударовъ судьбы, а вовсе не желаніе выслужиться передъ начальствомъ во что бы то ни стало и добиться какихъ-либо наградъ. Да онъ ихъ и не получилъ. И сколько есть людей, сколько мы сами знали такихъ, которые, по положенію своему быть гораздо независимѣе и сильнѣе Зябловскаго, становились быстро на сторону могучей неправды, и когда опасная минута проходила, не стыдились принимать на себя видъ чистѣйшей невинности, оправдывая свои нечистые поступки крайней необходимости и своими отношениями. Зябловскій этого не дѣлалъ, хотя могъ бы тоже сослаться на свое щекотливое офицальное положеніе: онъ исправлялъ должность ректора, когда свирѣпствовала гроза надъ университетомъ. Товарищи его умѣли понять въ немъ этотъ грустный, безмолвный позоръ жертвы, присесенный самоохраненію, и не лишили его своего уваженія.

II.

Отрывки изъ диссертациі Галича.

Галичъ начинаетъ свою диссертацио возвращеніемъ къ вымышленному имъ лицу Агатону о важности предлагаемаго учения, и относясь къ самому себѣ, соѣтуетъ ему въ дѣлѣ истины осторожно доѣбраться даже его руководству и избегать всячески высокомѣрной увѣренности, что сознаніе наини какимъ бы то ни было образомъ есть вѣнецъ человѣческой мудрости. „Знаніе безъ предѣльно, говоритъ онъ, и если безпредѣльность не имѣеть ни начала, ни конца и отъ всякой данной точки отстоитъ равномѣрно, то кто скажетъ „о себѣ, что онъ къ наѣ ближе или далѣ? А таково дѣйствительно человѣчество. Всѣ наши занятія въ наукахъ и искусствахъ, на поляхъ и торжищахъ

„суть только неудачная покушенія изобразить вѣчную дѣятельность, подобно, какъ всѣ частныя существа въ природѣ суть неудачныхъ покушенія изобразить безконечную бытность. Отъ того усматриваешь ты здѣсь и тамъ беспрестанное движение жизни, которая воздвигаетъ обличія (вещи) и паки возвращаетъ ония въ свои иѣдра“. „Л., продолжаетъ онъ, отдаю должную справедливость уму; но въ монхѣ глазахъ презрительна всякая конечность, которая силится присвоить себѣ права единовластія тамъ, гдѣ потребна стройная игра всѣхъ силъ жизненныхъ“. Потомъ онъ увѣщеваетъ Агатопа „не смущаться зрящемъ той темной среды, въ которой суждено подвизаться философіи, и различныхъ силъ, ей противодѣйствующихъ“. „Философія, говоритъ онъ, для однихъ соблазнъ, для другихъ безуміе, для третьихъ крестъ. Си чада отриновенія шатаются вкругъ тебя, подобно призракамъ Оссіапинскімъ, которые торопливо прокрадываются отъ лунного сиянія во мракѣ ущелій, то бродятъ открыто и волять, какъ изстушенные, то жалобно стонутъ, и люблю страдальцамъ. Ты нерестанешь удивляться, если пришомнишь, что всеенная есть всячество формъ и образованій, гдѣ слѣдовательно буйство смытье стоять возлѣ мудрости, немощь подлѣ здравія, и ты, который ионускаешь въ патурѣ существовать уродамъ и почнимъ итинамъ, почему не хочешь также терпѣть подлѣ себя певѣждъ и чудаковъ? Только не спрашивай

Зачѣмъ они на свѣтѣ сей созданы;
На чѣдъ сотворены медвѣдь, сова, лягушка,
На чѣдъ сотворены, и Ванька, и Петрушка?

„Но еслику пѣтъ возможности безъ дѣйствительности, то все имѣть право рапо или поздно вступить въ исторію. Божественная необходимость, безъ сомнѣнія, увлекаетъ ония съ собою обратно; но до тѣхъ поръ имѣть каждая свой опредѣленный періодъ жизни, и какъ ни противны тебѣ

Крикъ врановъ, завыванье псовъ,
Степанъ филиновъ и совъ,

„однакожь ты не Іаковъ, чтобы состязаться съ Богомъ. Ония твари принадлежать также, какъ и серафимы, къ чипу вселенной, дѣлаетъ же всякая натура то, что дѣлать *должнастаетъ*“. Затѣмъ первая половина диссертациіи излагаетъ общія понятія о философіи, ея происхожденіи, задачѣ, цѣли и важности ея вообще для образованія человѣческаго, ея принадлежности какъ наукѣ, и различныхъ ея методахъ. Вотъ какимъ образомъ разсуждаетъ авторъ о качествахъ, составляющихъ, по его мнѣнію, необходимыя условія для истинно философскаго образа мыслей: „Здравая патура твоя есть уже рѣдкій даръ мыслить и чувствовать человѣчески, содержать всѣ силы въ естественной ихъ цѣлости и не увлекаться, не попускать себя увлекать другими, умѣрять порывы воображенія разсудкомъ, быть яснымъ въ умѣніи и языке, имѣть напиначе практическую цѣль человѣчества передъ глазами. Вотъ что я называю въ тебѣ здравою натурую, которая, если не дѣлаетъ еще мудрымъ, то ставитъ, по крайней мѣрѣ, на прямой путь къ божественной наукѣ. Ибо она не возможна въ тѣхъ недѣлиныхъ, у коихъ человѣчество борется съ животностію, у коихъ безпрепятственный ходъ жизни

„прерывается поминутно, подобно лихорадочному пульсу, у коихъ мрачное неустройство души мѣшаетъ ей давать себѣ произвольное направление и открывать себѣ достойные виды. Если ты, вслѣдствіе здравой твоей натуры, чувствуешь также неудержимое влеченіе къ истинѣ, потому только, что она достойна человѣка, если ты не боишься напряженія, какого требуетъ иногда открытие оной, но и вкупѣ имѣшь столько характера, чтобы сказать ее въ глаза свѣту, хотя бы она или ты самъ отъ того пострадать должествовалъ (hat justitia, pereat orbis), если пріятныя заблужденія въ наукѣ столько же тебя возмущаютъ, сколько малые недостатки въ эстетической оцѣнкѣ, если ты рѣшаешься вступить въ бой съ владычествующимъ духомъ буйства или эгоизма твоего времени и мѣста, то подобная любовь къ истинѣ есть вѣрное знаменіе твоего избранія. Ты отличенъ отъ толпы обыкновенныхъ душъ и небесныя силы воспитываютъ и руководствуютъ тебя невидимо. Ибо безъ извѣстнаго настроенія души наука наша суетна, исканіе безилодио. Миръ протягается предъ тобою, какъ огромная загадка, которая не рѣшитъ сама себя, какъ безмолвное лицо въ мистической плясѣ, которое движется и действуетъ, но коего движенія ты самъ толковать себѣ долженъ. Конечно, нельзя быть равнодушнымъ при томъ зрѣлищѣ, гдѣ небо и земля вступаютъ въ радостное торжество игры; но твой безконечный духъ не останавливается на однихъ вѣнчихъ явленіяхъ; ибо вѣнчшее вездѣ попытно только изъ внутренняго, и то, чтѣ поносить въ себѣ и содержать миръ, находится вѣнъ его и столько же мало вѣнчается въ природу, какъ и въ интеллигенцію. Богъ держитъ вѣнъ въ рукахъ, по ю, Онъ не связанъ. Если сіе божественное или отрѣшеніе значить вѣчное самоограненіе въ истинномъ бытіи, то и наука наша и жизнь должны необходимо къ сему бытію примкнуться. Ибо черезъ таковую подчиненность умозрѣніе получаетъ истину и силу, а правственность характеръ. Атеизмъ же есть мелочный образъ мыслей, подобно какъ эгоизмъ есть мелочный образъ поступковъ. Оба пресмыкаются въ пизкой долѣ, и оба равно презрительны“. Да же авторъ объясняетъ различия философскихъ учений и способъ, какимъ они входить въ исторію. „Чтобы происходили разныя философскія системы, говорить онъ, перекрещающія одна другую, и чтобы потому зрѣлище науки, которая желаетъ вирочить руководствовать людей къ истинной мудрости, представляло тебѣ зрѣлище безконечныхъ иреній — это судьба неизбѣжная. Ибо вселенная потолку только существуетъ, поколику воздвижаетъ всевозможныхъ формы конечности въ бытіи и познанії, подобно какъ кругъ имѣть значеніе потолку токмо, поколику объемлетъ всѣ возможныя направления. И хотя одна вселенная действуетъ на насъ, возвуждая духъ размышенія, однако не во всѣхъ представляется одинаково, во предполагаетъ особую въ каждомъ способность, равно какъ и особое образованіе оной. Дѣятельность здѣсь, равно какъ и вездѣ, въ отношеніи къ силѣ вѣдѣстительной. Итакъ всяма естественно, если зрѣлище вселенной постигается совершеннѣе или несовершеннѣе, если одно и то же расположение иль міръ для тебя важище, для другаго менѣе важно, и если потому рѣшаемая задача у тебя совсѣмъ иная, нежели у другаго. Каждый силится познать міръ только съ той стороны, съ какой наиболѣе входитъ съ пимъ въ со-прикосновеніе. Но рѣшеніе задачи міра не дается извѣнѣ; оно совершается

„во впуреніемъ твоемъ святилищѣ и притомъ творческимъ актомъ; ибо „ицен, тобою порожденныя, должны поступить на мѣсто недостаточнаго бытія „видимаго міра, способность же составлять идеалы, вовпервыхъ, зависить отъ „высокости натуры, а вовторыхъ, входить въ союзъ еще съ фантазіей, коєй „дѣятельность неограничenna. Всякая философія дѣлаетъ притязанія на „истину, истина же прорекается въ разумъ и ощущеніи. Такимъ образомъ „перевѣсь того или другого начала долженъ необходимо наклонять изысканія къ той или другой односторонности. Ежели всѣ сіи разности основаны „на самомъ существѣ вещей, то онѣ имѣютъ длиться до тѣхъ поръ, пока „длиться будетъ настоящее человѣчество. Изъ этого справедливо слѣдуетъ: „а) что надежда эта пугающа подвирить теперь единий, повсемѣстно годный „образъ мыслей столько же суетная, какъ и надежда космополитовъ водвѣрить всеобщій, вѣчный миръ между народами; б) что разногласіе въ воззрѣніяхъ есть проявленіе разторженія человѣчества; с) что искушеніе „отъ сей клятвы законной возможно лишь чрезъ то, что человѣчество про-„бѣгасть всѣ формы истиннаго и ложнаго, то-есть, что оно совершасть свою „исторію; д) что цѣлостность и совершенство жизни принадлежать одному „только первому и послѣднему человѣчеству“.

Такъ какъ, по понятію автора, наука въ своихъ разностяхъ и въ своемъ развитіи согласуется съ общимъ ходомъ вещей, то она обращается къ объясненію послѣднаго и говорить: „Каждая вещь содержитъ въ первомъ за- „родышѣ своего существа все то, чтѣ время изъ него развить можетъ. Всякое „же развитіе совершается двоякѣнно и напослѣдокъ возвращается паки „въ первоначальную полноту свою. Растеніе начинается съ семени и окан- „чивается плодомъ“.

„Двоякое развитіе каждой вещи познается изъ той всеобщей противупо- „ложности, чрезъ которую различаются всѣ вещи, а именно: что одна ока- „зываются дѣятельною, а другая страдательною, одна движется въ причинѣ, „другая поконится въ продуктѣ. Мужское и женское, положительное и отри- „цательное, + и —, всѣ живыя противоположности приводятся къ единому. „Какъ противоположности сіи съ первымъ и послѣднимъ ихъ единствомъ, „постигаемыя пространственно, даютъ четыре полюса, такъ равно и пости- „гаемыя времена даютъ четыре периода каждой вещи. Первый, гдѣ она въ „своемъ существѣ еще не развита и пѣльма, послѣдній, гдѣ по всестороннемъ „развитіи вступаетъ обратно въ свою первую пѣльость. Впрочемъ, обѣ сіи „степени, при равенствѣ своего содержанія, различствуютъ замѣтно между „собою тѣмъ, что послѣдня испытала полное развитіе, о каковомъ первая „ничего не знаеть.

„Обѣ среднія степени развиваются по частямъ многообразное существова- „ваніе вещи и воспринятіе сего множества въ единство цѣлаго; въ тѣхъ ве- „щахъ, кои чужды самопознанія, познаемъ мы второй периодъ, какъ развитіе „третій, какъ образованіе въ форму и обличіе, въ людяхъ же, кои носятъ „на себѣ образъ Божій, второй периодъ означає юношескій обиліемъ жизни, „а третій познаніемъ.

„Ежели сіи четыре периода направляютъ ходъ всѣхъ вещей, то неуди- „вительно, когда они повторяются не только въ исторіи человѣчества, но „даже въ исторіи науки его. Ибо власть цѣлаго не терпитъ того, чтобы подѣл-

„неко существовало что-нибудь на него не похожее, или действовало не въ „его духѣ. Единая божественная жизнь ставитъ вещи въ предлежащейной „сфѣрѣ, и познанія въ подлежащейной; но ни то, ни другое не самостоя- „тельно. Оба равны въ отрѣшенномъ и зависимы другъ отъ друга. Ибо иначе „познаніе наше не имѣло бы предметовъ, и предметы не были бы доступны „для познаваній.

„Въ Богѣ вселческое живеть и движется безразлично. Потому бытіе и „знаніе внутренно проникаютъ въ немъ другъ друга и обрѣтаются въ немъ „вѣчно. Ибо бытіе его есть безкоичное самопоставленіе, познаніе вѣчное— „самопознаніе, виѣ его ничего не находится. Но конечныхъ существа не „таковы; въ нихъ разлучены бытіе и познаніе, кои развиваются исподволь „такъ, что для твоей субстанціи дано опредѣленное пространство, въ коемъ „она рождается и умираетъ, для твоего ума дано опредѣленное время, и „коемъ онъ творится, живеть и исчезаетъ.

„Два пункта опредѣляютъ всегда твое движеніе — *натура* и *духъ*, и ты „носишься необходимо между реализмомъ и идеализмомъ. Всѣ синъ измы ко- „печно истинны; потому что каждый содержить возможный какой-нибудь спо- „собъ рассматриванія міра, но и виѣтъ ложны, потому что берутъ одну только „какую-нибудь сторону, тогда какъ въ вселенной всѣ стороны имѣютъ равное „достоинство и значеніе“.

III.

Представленіе Галича въ конференцію педагогического института по новоду предстоявшаго ему экзамена изъ философіи съ изложеніемъ способа преподаванія этой науки, февраля 23-го 1812 года.

„Философія и наука, все равно, въ наукахъ же отсвѣчиваются міръ; по-сему философія объемлетъ цѣльность познаваемыхъ вещей вообще. Въ заглавіи сихъ вещей, всегда конечныхъ, условныхъ стоять существо *отрѣшенное*, без-конечное (Богъ), въ коемъ овѣ живутъ и движутся. Даѣ формы отрѣшенного суть для наукъ *зерцале* и *бытіе* (*intelligentia et substantia*), *духъ* и *натура*, кои виѣтъ образуютъ стройный міръ; философія потому, яко *прообразованіе вселенной*, начинается отрѣшениемъ (*absolutum*), сопровождастъ *двойственное откровеніе* оваго въ духѣ и природѣ и замыкается въ *организующий методъ* своей, подобно какъ духъ и натура замыкаются въ органическомъ мірѣ. Первый моментъ даетъ *философію реліїи*, второй *философію духа* или *идеальную* или *трансцендентальную*, третій *философію естественную* (физику), четвертый наконецъ органъ наукъ (зрѣлую методу), математическую философію, примиряющую обѣ послѣднія между собою. Отсюда происходитъ зна- чительность числа 4 ясно *всебоющей схемы вещей*.

„Такимъ образомъ обработаніе и изображеніе философіи есть *историческое*; ибо жизнь вещей есть ихъ исторія. Философія ни доказываетъ, ни выводить, но *построеваетъ*, излагаетъ. Слѣдственно, ея принадлежность не есть достоинство, доказательность, но *вразумительность*, ясность: ея судьба не разсудокъ сравнивающій, отвлекающій, раздробляющій, но разумъ, ста- вящій безусловно; ея орудіе не понятія, но *идеи*, всѣ же главныя идеи изъ

религії. Опѣтъ играетъ подчиненную роль и можетъ при случаѣ только оправдывать, повѣрять, но не *рѣшить* и судить.

„Оная первая идея, дающая философию религії, и послѣдня, дающая математическую философию, прости, нераздѣльны, цѣльны, подобно какъ самыи предметъ ихъ — Богъ и міръ, по дѣвъ средстія, касающіяся духа и природы, попускаютъ двоякое обработываніе — *отвлеченное* и *идеальное*. Ибо идеальная философія, по себѣ отыченная, *in concreto* называется *всемирною исторією* (человѣчества); естественная философія, по себѣ отыченная, называется *in concreto естественною исторією*. Философія, яко таковая, предоставляетъ себѣ обыкновенно токмо отвлеченное, то-есть, *внутреннее*; но судьба всего внутреннаго есть та, чтобы сдѣлаться напослѣдовъ наружнымъ; потому идеальная философія имѣеть сближаться со всемирною исторією человѣчества, естественная философія съ исторією естественною. Соединеніе оныхъ доставляетъ *живое* познаніе.

„Ежели философія религії (= 1) представляетъ единство еще *не разверзтое*, въ самомъ себѣ почіющее, философія же математическая (= 4, или = 0) — единство, одолѣвшее всякое разнообразіе, и слѣдственно, возвышенное надъ всѣми членами противуположности; то философія естественная (= 2) и философія идеальная (= 3), происшедшія сами уже на пунктѣ дѣйственности, воспроизведутъ себя также въ разнообразіи подчиненныхъ отраслей. Ибо рожденное токмо рождается, и притомъ подобныхъ себѣ. Оныя подчиненные отрасли *идеальной философіи* суть: логика, психологія, метафизика, правоученіе, наука государственная, педагогика, къ коимъ посредствено приникается *исторія философіи*; отрасли же *естественной философіи*: всеобщая физика (анартической природы), физика растительной, животной, и наконецъ, человѣческой жизни.

„Полная система философіи объемлетъ всѣ сіи науки, однако въ главныхъ токмо ихъ *направляющихъ идеяхъ*, и предоставляетъ дальнѣйшее досугамъ и трудолюбію эмпіризма.

„Слімъ образомъ познанія философа не могутъ быть иначе, какъ энциклопедический, важныя, рѣшительныя въ своемъ *существѣ*, но ограниченными касательно подробностей.

„Уваженіе сего послѣдняго обстоятельства обѣщаетъ мнѣ со стороны судей моихъ великолѣпное схожденіе какъ при испытаніи, такъ и при опѣнкѣ моего служенія вообще, если небу угодно будетъ допустить меня до каѳедры. Ибо данное здѣсь начертаніе имѣеть направлять всѣ будущіе шаги мои и составлять всю методу философіи, которую я исповѣдую и которую теперь проповѣдать желаю. — Касательно же экзамена имѣю честь объяснить, что —

1. Обширность предмета, съ одной стороны, и короткое время, съ другой, не позволили *мнѣ* обнять всего того, чѣмъ принадлежитъ наукѣ, что съ-довательно, недостатки, если какіе окажутся, должно приписать обстоятельствамъ, конъ могутъ поправиться, а не ограниченности силы или рвения; что —

2. Не всѣ пункты науки имѣютъ одинаковый интерес; что —

3. Нѣкоторыми частями науки, а именно: педагогикою, новою всемирною исторіею я до сихъ поръ не могъ заниматься; что слѣдственно, —

4. Собственное испытание имѣеть производиться въ главныхъ пунктахъ по предметамъ слѣдующихъ наукъ:

- a) Изъ философіи и логики.
- b) Психологіи.
- c) Метафизики.
- d) Ученія о религіи.
- e) Эстетики.
- f) Нравоученія.
- g) Государственныхъ наукъ (съ исключениемъ камеральныхъ и политическихъ).
- h) Исторіи человѣчества.
- i) Исторіи философіи.
- k) Всеобщей физики.
- l) Ученія о несовершенной органической жизни растенія.
- m) Ученія о совершенной органической жизни животнаго.
- n) О человѣческой натурѣ.
- o) Математической.

IV.

Изъ книги: Картина человѣка.

Чувственное хотѣніе. § 242. Гдѣ практическіе порывы духа наружу встрѣчаются еще ограничения со стороны чувственности, тамъ они обнаруживаются въ побужденіяхъ, въ вождѣніяхъ, въ склонностяхъ, въ трехъ видахъ чувственного хотѣнія.

§ 243. А) Пускай вся жизнь,— и скопляющая минеральная масса, и прозябающая въ злакахъ, и образующая солнце и планеты, состоитъ только изъ побужденій,— мы въ тѣсномъ смыслѣ прилагаемъ сіе рѣченіе къ тварямъ органическимъ, преимущественно же къ животнымъ, означая тѣмъ порывы ихъ внутренней, въ стихіяхъ и отношеніяхъ разрозненной жизни, означая стремленіе выказывать себя въ дѣйствіяхъ соответственно идеѣ земного назначения. Посему для всякаго живаго существа есть постоянная, неизменяемая внутренняя основа проявленія силъ его, которая на всѣ его стремленія и налагаетъ общую печать. Побужденію предоставлено вырабатывать характеръ рода въ отдельной твари и до безконечности усовершать формы ограниченаго быта.

§ 244. Побужденіе есть первый порывъ духа, стонущаго въ оковахъ; оно не предполагаетъ никакихъ другихъ началь или дѣйствуетъ безусловно, питалось всегда ближайшимъ предметомъ, безъ котораго замираетъ. Скрыты, глухи, таинственны его начальная движенія; часто они бываютъ обознаваемы и доходятъ поздно до смысла. Побужденіе сростается съ врожденными потребностями и ощущеніями животнаго и находитъ своего представителя въ томъ неопределѣленномъ, безотчетномъ инстинкте, которому на низшихъ степеняхъ жизни позволено играть роль разума, и который такъ деспотически любить распоряжаться въ дѣлахъ временнаго своего служенія. *Ниша, птицѣ и сокъ, съ одной стороны, плотское совокупленіе, съ другой, потребность без-*

препятственныхъ движений, съ третьей, питаніе отрадныхъ, по крайней мѣрѣ нескорбныхъ чувствованій бытія, съ четвертой, — вътъ органическій новинности, вынуждаемыя природой у тѣхъ тварей, которая она озабочила то самосохраненіе, то поддержаніемъ ихъ рода и передачей онаго потомству!

§ 245. В) Вождѣнія относятся *прямо* къ своимъ опредѣлѣннымъ предметамъ, обладаніе коими такъ необходимо твари для пополненія недостатковъ ея бытія. Какое несмѣтное множество сихъ отдѣльныхъ предметовъ въ природѣ и въ общежитіи! Вотъ почему вождѣнія разнообразны до безконечности, а побужденія, по устройству бѣрежливой природы, крайне просты и немногочисленны! Вотъ почему вождѣнія столько же *скоротечны*, сколько и самые ихъ предметы, и съ относительнымъ удовлетвореніемъ перестаютъ на извѣстное время заботить человѣка! Вотъ почему они — производны, а не врожденны. должны всякий разъ снова возникать или *перемежаться*, тогда какъ побужденія неотлучно сопровождаютъ человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни! Этого мало. Какъ инстинктъ непосредственно примыкаетъ къ чувствованію, такъ вождѣнія состоятъ въ *заговорѣ* съ *воображеніемъ* и по сей причинѣ стремятся не только къ удовлетворенію существеннѣйшихъ или первыхъ потребностей, но и къ удовлетворенію тѣхъ неугомонныхъ *прихотей*, которыхъ безирестанно вытѣсняютъ другъ друга и увлекаютъ человѣка отъ желаній къ наслажденіямъ, а отъ наслажденій оцѣть къ новымъ желаніямъ.

С. Гдѣ душа частію свѣдала о врожденныхъ своихъ побужденіяхъ, частію успѣла до извѣстной степени опредѣлить движеніе и ходъ какъ естественныхъ своихъ желаній, такъ и прихотей, тамъ встрѣчаемы мы съ тѣми упрашительными ея направленіями къ вѣтшнему миру, которая извѣстны подъ именемъ *склонностей*. Посредственность сихъ одностороннихъ стремленій, временемъ пріобрѣтаемое, постепенное, болѣе короткое знакомство съ вождѣніями предметами, тѣснѣйшая связь оныхъ съ чувствованіемъ личнаго нашего бытія — вотъ характеръ склонностей! Пускай они порываютъ или *увлекаютъ* насъ, подобно какъ желанія *манятъ*; онѣ, относясь къ своему предмету не иначе, какъ посредствомъ *представлений*, все-таки составляютъ болѣе удѣль человѣка вообще, нежели животныхъ, у которыхъ мы, въ замѣнѣ того, примѣчаемъ извѣстныя *новадки*.

Воля. § 248. Какъ изъ простыхъ дѣйствій наружныхъ чувствъ и воображенія возникаютъ познанія, движущіяся въ скѣтыхъ понятіяхъ, — такъ точно изъ хаоса естественныхъ влечений происходятъ, при вліяніи высшихъ силъ, собственно *начинанія* или *поступки*. Ибо, что для чувственного человѣка значать побужденія, желанія и склонности, то на степени жизни высшей, то-есть, *смыслистой*, изображается движеніями *воли*, коей первые слѣды мы и усматриваемъ тамъ, гдѣ мало по малу развился разсудокъ, по крайней мѣрѣ, не въ дѣтскомъ возрастѣ и не въ грубомъ состояніи ликарей. Но инстинктъ склоненъ къ положеніямъ страдательнымъ, и насыщенный дарами природы, любить поклоняться отъ дѣлъ своихъ, а неугомонная воля безпрестанно порываетъ къ дѣятельности, даже тамъ, гдѣ человѣкъ обеспечилъ уже себя со стороны первыхъ потребностей; смутны, слѣпы влечения чувствъ, а въ хотѣніи человѣкъ ясно *ознастъ* свое отношеніе къ предметамъ, стараясь, по сей причинѣ, совершенно и укрѣпить опыты за своиъ я, которое въ его глазахъ получило уже особенную цѣну: инстинктъ *увлекающій* бываетъ *сторонними* раздраженіями къ дѣйствіямъ

безразсудныиъ; воля, въ противность и виѣшнему принужденію физическихъ силъ, и порывамъ внутреннихъ движенийъ, умъетъ своеючастно распоряжаться въ своихъ начинаніяхъ отчетливымъ представлениемъ побудительныхъ принципъ, дѣлая не одно уже то, чего хочется, а то, чего она сама хочетъ; тутъ довольствуется всакимъ первымъ предметомъ, обѣщающимъ удовлетвореніе, сія разчитываетъ, взвѣшиваетъ; тутъ устремленъ къ чувственныиъ пріятностямъ, сему открыто и полезное, — открыты виды къ благамъ отдаленѣйшимъ, къ наслажденіемъ отвлеченнѣй, къ играмъ воображенія и остроумія, къ блеску почесть, къ новостямъ познаній и т. п. Наконецъ, если инстинктъ человѣка дѣйствуетъ раподически, по минутному вдохновенію поэта - юмориста, то воля въ качествѣ практическаго разсудка начертываетъ себѣ не только извѣстные планы, но и цѣлую систему правилъ для учрежденія порядка въ стихийныхъ созданіяхъ своихъ и для подворенія онаго во всякихъ данныхъ положеніяхъ домашней и общественной жизни.

§ 249. Въ составъ воли входятъ *три* существенные части, а именно:

1. *Выборъ*: ибо мы тогда только и хотимъ, когда, сличая двѣ стороны, присвоиваемъ одной, болѣе сильной или интересной, преимущество предъ другою, а въ этомъ-то и состоитъ выборъ, который можетъ направляться болѣе или менѣе опредѣлительными представлениемъ то однородныхъ, то разнородныхъ выгодъ;

2. *Рѣшимость*, или актъ, которымъ мы, по предварительному *совѣщанію* съ самими собой, собственно и опредѣляемъ требуемый поступокъ. Она есть не иное что, какъ *выходъ* или *следствіе* выбора, который потому всегда и служить ей необходимымъ предположеніемъ;

3. *Дѣяніе*, гдѣ оно возможно и состоять во власти *хотящаго*. Ходъ внутренняго расположения, обнаружившагося въ выборѣ и рѣшности, довершается дѣяніемъ точно такъ, какъ развитіе ростка довершается плодомъ.

Свобода. § 251. Выше движений инстинкта воля, выше воли *свобода*, которая обрабатываетъ сколько мысли наши, столько же и самы хотѣнія. Чускай свобода не сростается съ душою такъ, чтобы видна уже была въ дитяти, такъ, чтобы сохранилась въ состояніи ученія, сча, помѣшательства, — на сіе безусловное, божественное начало жизни намекаютъ уже *вообще* или *теоретически* и многоразличныиъ движениа тѣла, и каждый актъ умышленныхъ соображеній. Чтѣ, какъ не оно — и направление къ *правственной* сторонѣ въ особенности, выражаетъ творческую силу во виѣшнихъ своихъ начинаніяхъ, въ поступкахъ, въ ощущительныхъ своихъ произведеніяхъ? Чтѣ, какъ не оно, изображаетъ и утверждаетъ па чредѣ временнаго, конечноаго бытія могущество того *безусловно* или *существенно* разума, которому болѣе мы принадлежимъ, нежели онъ намъ, и который въ *приложениіи* къ жизни сливаетъ *дѣловымъ* или *практическимъ*?

§ 252. Сие единственное положительное, прямое начало творящей дѣятельности почитѣтъ, какъ говорится, само на себѣ, и по идеѣ своей, ничего кромѣ себя не предполагая, умѣетъ обеспечить права своего величія отъ всякихъ наважденій, которыхъ такъ часто смущаютъ волю. Но входъ въ сношеніе съ другими силами, болѣе или менѣе стѣсняющими его, то-есть, отрицающими, оно можетъ, принимая въ себя породокъ ихъ жизни, преобѣждать ихъ ограниченія и устремлять къ безконечнымъ цѣлямъ, напримѣръ, расширять мысль

до безусловного вѣдѣнія, воображеніе до живительныхъ идеаловъ, сердечная опущенія до благодатной спинати съ цѣлью человѣчествомъ, съ природой. Будучи сама по себѣ отнюдь нравственню и непрічастною скверны, потому что рождена отъ Бога¹), свободна цвѣтіемъ своимъ освѣщаетъ и волю, воздвига ону тѣмъ самымъ въ достоинство свободной, то-есть, благонамѣренной, потому что доброе только и свободно. Человѣкъ, преданный дурной волѣ, томится въ постыдномъ рабствѣ, которое и скрываетъ отъ другихъ, да и самъ въ спокойномъ расположениіи духа осуждается. Ибо кому не хощлось бы слыть героя, если бы только возможно было достигнуть нравственнаго величія безъ дальнихъ усилий и безъ подряда любимиимъ склонностямъ, и кто не желалъ бы видѣть въ другомъ такихъ доблестныхъ помысловъ, какіе, можетъ-быть, ему самому чужды?

§ 253. Но пробудившаяся свобода не дѣлаетъ уже того, чтѣ ей издумается; она позволяетъ себѣ решаться не на то, что тебѣ или мнѣ угодно, а только на то, чего хочетъ отъ пасы первопачальнага, общая божественная жизнь, кпей воля есть священный законъ для тварей, другими словами, она того только и позволяетъ себѣ хотѣть, чтѣ ей дѣлать должно, — не потому, однакожъ, будто подлежала чужой власти, и не потому, будто увлекаема была причинами внутренними, а потому, что сама собою одогѣла искное принужденіе, и внутреннее, и вѣнчаное, потому что избыла вообще стѣсняющихъ оковъ, потому что совершенно исполнила законъ и тѣмъ самимъ поставила себя выше закона, въ которомъ не нуждается; она подъ благодатію. Какъ природа должна дѣлать то, что въ ней совершается, такъ точно долженъ дѣлать и человѣкъ свободный, для которого неѣтъ уже ни выбора, ни умысла, ни своеобычныхъ затѣй. Разница только та, что сей послѣдній даетъ самъ себѣ законъ для своихъ движений, *про иго знаетъ*, следственno, свободно поступасть по необходимости такъ, а не иначе, а уставы природы предписываютъ ей стороннею властію, не даны ею самой себѣ и дѣйствуютъ бѣль ея вѣдома и разумѣнія. Вотъ почему и обязанности нравственныхъ, купно съ пріченіемъ шипы и заслугъ, существуютъ только для воли, да и предписаныются ей оиять свободою же, которая, по силѣ самодержавнаго своего качества, возносится надъ принужденіями всякаго рода, равно какъ и надъ произволомъ, которая изъемляетъ себѣ отъ устава и физического и умственнаго, предоставляемая себѣ власть то давать уставы для всего прочаго, то *добровольно*, съ *полнымъ гознаніемъ* зависимости отъ верховнаго духа жизни и съ *любовью* возлагать на себя *золотыя цѣни*. Ибо она хотя и возвышена надъ всякими данимы механизмомъ, снизывающимъ бытіе тварей, однакожъ отнюдь не состоить *въ* закона, отнюдь не предана въ добычу сѣйной самослучайности. Какъ *создавшій око видитъ*, такъ и животворное начало, которое вноситъ порядокъ въ хаосъ природы и исторіи, есть, по ідеѣ уже своей, безусловная стройность, чистѣйшая гармонія.

§ 254. Объяснять происхожденіе нравственной свободы такъ же нельзя, какъ и объяснять происхожденіе жизни, разума, Бога, — происхожденіе всякаго существеннаго бытія, которое, не предполагая ничего, кроме себѣ, посмѣивается и доказательствамъ: ибо сіи послѣднія всегда выводятъ одно —

¹) Посланіе Иоанна I, гл. 3, ст. 9-я.

подчиненное — познаніе изъ другаго,— общаго, высшаго. А этого-то порядка въ свободѣ и нѣтъ. Разрывая ходъ выѣшней виѳословности, она сама умѣеть начать цѣлый рядъ явленій, которыя потомъ и ссылаются между собою отношеніями зависимости, то-есть, бывають необходимыми дѣйствіями свое-властиаго начала. Не ея ли вѣялія внемлемъ мы въ напоминаніяхъ нравственнаго гласа, которому въ поступкахъ мы слѣдоватъ можемъ, потому что отъ сего послушанія требуетъ отъ насъ даже тамъ, где строптивое сердце отказывается платить пріятный долгъ? Не является ли она себя на самомъ дѣлѣ въ порывахъ доблестнаго энтузіазма и въ сознаніи каждого образованнаго человѣка, который тѣмъ болѣе старается быть свободнымъ, чѣмъ крѣпче стыреется въ самостоятельность свою, подобно какъ мыслящей непосредственно убѣждается въ существованіи своей мысли или бѣгущій въ дѣйствительности движенія? Да и самая мысль о возможности своею властно распоряжаться въ кругѣ своихъ дѣйствій не есть ли уже плодъ пробудившейся свободы, которая вообще стремится изъ себя овладѣть цѣлостію своего бытія?

Ощущеніе эстетическое. § 346. Третій главный родъ ощущеній духовныхъ состояній изъ эстетическихъ, слишкомъ знакомыхъ сердцу человѣка тамъ, где онъ то врожденнымъ своимъ расположениемъ къ прекрасному—въ природѣ и въ искусствахъ, то силу собственной своей, свободной зиждительности втекаетъ во вѣтнѣйшій міръ. Изящному нельзя не нравиться; въ немъ дышитъ жизнъ, и притомъ гармоническая; въ немъ отыскиваются первоначальная идеи. Вотъ источникъ, изъ которого проис текаютъ благородныя дѣйствія изящнаго! Ибо оно а) осеняетъ наше бытіе, одушевляетъ насъ, знакомитъ съ чистыми восторгами и такимъ образомъ подвигаетъ, троаетъ; оно б) исхищаетъ насъ изъ тѣсныхъ грааницъ пошлаго быта, въ которомъ мы часто осуждены бываемъ довольствоваться карикатурами, и тѣмъ ограбождаетъ насъ отъ рабства, давая чувствовать не то, чтѣ должны, а чего мы хотимъ; оно наконецъ с) примиряетъ насъ съ противоборствующими началами жизни и тѣмъ успокаиваетъ душу.

§ 347. Ощущеніе эстетическій принадлежать къ самымъ естественнымъ, къ самимъ общимъ. Кто не благоговѣеть предъ высшими, не поражается трагическимъ, геройскимъ, не любуется мелкимъ, не забавляется смѣшинымъ, и притомъ безъ дальнаго вниманія и къ изыскательности, и къ благосостоянію? Кто и самъ не чувствовалъ въ себѣ порывовъ къ произведенію чего-либо такого, чтѣ стоило бы благосклоннаго, лестнаго взорѣнія другихъ? Наконецъ для чего мы усиливаемся приправлять свою удовольствія и забавы, украшать свои околичности (жилища, одѣяніе, утварь)? Для чего стараемся о пріятномъ выраженіи истинныхъ мыслей на рѣчахъ и на письмѣ, о чинной наружности самыхъ добродѣтелей, какъ не для того, чтобы привести дашь тѣмъ затѣйливыя идеи въ сердца, кои требуютъ пищи и жертвъ даже тамъ, где, повидимому, удовлетворены всѣ нужды тѣлесныя и духовныя?

§ 348. Но ощущенія прекраснаго, по причинѣ многообразности сей идеи и по связи ея съ образованіемъ всѣхъ силь душевныхъ, развиваются и со-эрѣваютъ позже прочихъ однородныхъ, то-есть, умственныхъ, нравственныхъ. Развитіе ихъ предполагаетъ и особенныя, благороднѣйшия обстоятельства; по крайней мѣрѣ у весьма многихъ народовъ, кои общую людскостію нисколько не отстали отъ сосѣдей, находимъ мы явное безвкусіе, находимъ нечувстви-

тельность именно къ простотѣ высокой и къ красотамъ умилительнаго рода. Наконецъ эстетическое чувство отличается отъ прочихъ благородныхъ и многообразиемъ измѣнений или формъ, въ какихъ оно отличается: ибо господствующей вкусъ вѣка опредѣляется и впечатлѣніями окружающей насъ природы (ионійской, либо скандинавской), образованіемъ и духомъ пародной жизни и понятіями нашими о вецахъ божественныхъ.

§ 349. Рѣшительно вліяніе эстетическихъ чувствованій на облагороженіе человѣка. Ибо а) икусъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ образованіемъ по причинѣ однородности издающаго съ истиннымъ и благимъ, кои отъ него и получаютъ соотвѣтственное выраженіе; б) прекрасныя картины занимательныхъ и достойныхъ предметовъ изѣняютъ возбужденную душу, закрываютъ для нея пеленою благородничія все глупое и низкое, знакомятъ съ наслажденіями чистыми, живительными, неисчерпаемыми, настроиваютъ къ движеніямъ безкорыстнымъ; искусное же с) изображеніе неразумія и зла дѣлаетъ разногласіе оныхъ съ истинною жизнью очевиднымъ и устраиваетъ отъ гибельныхъ послѣдствій. Посему люди и народы чувственныя, грубые могутъ доводами быть до людскости, до нравственной свободы содѣйствиенія искусства, особенно тамъ, где оно на сей конецъ прибѣгаетъ къ разительному, къ потрясающему.

§ 350. Но эстетическая чувствованія, кои родятъ часть съ небожителями, подлежать и порчѣ едва-ли не болѣе, чѣмъ другія благородныя движения сердца. Такъ, любовь къ прекрасному въ природѣ искажена уже тамъ, где привыкаетъ пустой, бездушный глазъ къ пурпурѣ заходящаго солнца, къ изумрудной зелени луговъ, къ серебрянѣю отливамъ луны и пр., где питаетъ мечты неопредѣлительныя, бродящія, шаткія, где отнимаетъ охоту къ трудамъ отчетливымъ. Такъ и удовольствіе, находимое въ красотахъ искусства, можетъ обратиться въ утопичное сладострастіе. Еще же смѣшнѣе и омерзительнѣе бывають здѣсь упоенія произвольныя, вынужденныя, поддѣльныя: ибо какъ лестно для иныхъ слыть людьми чувствительными! Сильно дѣйствуетъ и сущность учатоконъ художественныхъ произведеній, кои охотно выставляютъ опу юна показъ. Но кто самъ имѣть творческій талантъ, тому трудно не увлечься своимъ энтузиазмомъ. Посему сколько истинныи художники будутъ гнушаться тщеславіемъ въ своихъ занятіяхъ и рабскими службеніемъ то модѣ, то прихотямъ сибарита, столько же и прямой любитель прекраснаго будетъ избѣгать женоподобной нѣги въ наслажденіяхъ.

Страсті. § 265. Гнусная исчадія любостяженія суть:

1) *Бористолюбіс*, слѣпая жадность грабителей. Она захватываетъ вси единственно для того, чтобы имѣть у себя; она не имѣть иначе обогащаться, какъ съ разореніемъ близкихъ, и тайно, по холодной смѣтливости своей, стремится къ выгодамъ не такими, кои получаются изъ рукъ счастія или праведнымъ трудомъ, а такими, кои пріобрѣтаются всѣми средствами, ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ напряженій не стоящими, то-есть, *кооварствомъ*. Почему промыслы, коими пынѣ обогащаются люди, умѣющіе жить въ снѣѣ, и притомъ промыслы *частными*, о гнусности коихъ позволяетъ знать и говорить наукѣ, суть:

а) *Подлоги* наслѣдниковъ душеприкащиковыхъ, стряпчихъ, докладчиковъ,

подборныхъ кураторовъ въ дѣлѣ небывалаго займа, по предмету безденежныхъ обязательствъ;

б) Подная лесть голодныхъ лисицъ сътымъ воропамъ - глупцамъ, выведенцевъ покровителямъ, ворожей тщеславнымъ и суевѣрнымъ женщинамъ, бродягъ и переметчиковъ великодушному правительству, биографовъ богатому покойнику;

с) Ученое *шарлатанство* натуралистовъ, антикварievъ, путешественниковъ, врачей и пр.;

д) Двусмысленное родство и кумовство со знатью и особынныи отъ нея порученія то пресмыдавать скромныхъ свидѣтелей нескромныхъ сценъ, то сближать интересы наружн.;

е) *Женитьба блудныхъ сыновъ* на богатенькихъ уродахъ, женитьба безмаленныхъ молодцовъ на дюжинныхъ, такъ-называемыхъ, воспитаницахъ своего начальника, кои приносятъ въ приданое *штатники* мѣста съ отмѣтъ и въ добавокъ цѣлью колонію — *фона однодиоцеза*;

ф) Тонкое вороноство, извѣстное тѣмъ, кои *управлюютъ* чужими имѣніемъ, именно же казенными, сиротскими и имѣніемъ барь-пустодомашъ;

г) Постройки и поставки всякихъ рода для публичныхъ заведеній, особенно же заготовленіе припасовъ экономическимъ образомъ;

h) Безотчетные сборы, концерты, спектакли, открытые чтенія въ пользу бѣдныхъ, увѣчненныхъ, погорѣвшихъ;

i) Исправленіе пѣсолькихъ публичныхъ должностей, съ твердою увѣренностью не успѣвать ли по одной и однакожъ получать по каждой то ежегодная награжденія, то аренды, то пенсіи;

к) Нищенство салонницъ, запятыхъ чиновниковъ, бенефиціантовъ, издателей, которыхъ Аполлонъ пуститъ по покормежной, то-есть, па подпись или на сборъ алманачныхъ стихіескъ;

l) Пошлое шутовство, которое въ силу привилегіи, данной ему чернію, величаетъ и подписываетъ себя юморомъ;

m) Продажа прелестей *туртомъ* и по мелочи;

н) Злоумышленная несостоятельность въ платежѣ нахватанныхъ долговъ;

о) Наконецъ *милое жилющество*, которое „колпаки и рекрутскіи кинтанci, шоколадъ и сибирскій ревень, старое желѣзо и помаду, аттестаты и неѣсть, просфоры и право на издание книги или газеты, гробы и клистирные трубки, все береть для перепродажи, все, подобно Миду, превращаетъ въ золото и снабжаетъ *оборотниковъ* и экипажемъ, и полнымъ гардеробомъ“.